

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2 / 2016

№ 2 (23)

Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев

АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)

Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)

Д. Байкалов

Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина

А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

И. Ракитина

Подписано к печати 08.08.2016

Формат 60х90/16.

Офсетная печать

Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.

Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.

31,95.

Тираж 100 экз.

Адрес редакции:

115114, г. Москва,

ул. Кожевническая, д. 19,

строение 6

Телефон: (499)235-89-35

Факс: (499)235-02-52

E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»

109378, г. Москва, Есенинский бул.,

д. 1/26, корп. 1, офис 34.

Сайт: www.west-consulting.com.ru

E-mail: stepanovev@mail.ru

Тел.: (495)978-62-75

Заказ № 20

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *А. Филичкин*
Ярко-желтая машина судьбы
- 10** *В. Бохов*
Соседи
- 14** *Д. Штрамм*
Точка возврата
- 22** *М. Фримен*
Неудавшийся побег

КОСМОС

- 27** *А. Райнова*
Другими глазами (повесть)
- 45** *П. Потанина*
Детское сердце Саламо
- 58** *Я. Хотеев*
Сорняки

КОНТАКТ

- 60** *Т. Ветрова*
Первый космонавт Микула Селянинович
- 67** *В. Коркунов*
Существо

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 70** *В. Коперник*
Реквием на флейте водостока (повесть)
- 87** *Д. Зарубина*
Мираклин
- 98** *Е. Ткачев*
Последний миг жизни

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 106** *А. Юдин*
Сонная сюита
- 116** *А. Крамер*
Картина

ЮМОРКОН

- 123** *С. Бугримов*
Военный госпиталь «Санта Моника»
- 131** *А. Змушко*
Брачный ритуал

Александр Филичкин

Ярко-жёлтая машина судьбы

Инвар откинулся на спинку дивана и дал мысленную команду экрану новостей. Видеопанель тотчас отключила звук, и он негромко позвал:

— Нора, дорогая.

Молодая, красивая женщина, сидевшая в глубоком удобном кресле, отложила какое-то рукоделие и подняла прекрасные голубые глаза на своего горячо любимого мужа:

— Да, милый.

— Наш мальчик уже достаточно вырос. На днях ему исполнится пять лет, и я думаю, нам уже пора отказаться от няньки. Фру Ольсен прекрасно потрудилась над воспитанием Мэтса, но не вечно же ему быть с ней. Осенью он пойдёт в школу, и там ему придётся общаться со своими сверстниками, а не с пожилыми женщинами.

— Что ты предлагаешь, дорогой? — нежным голосом проворковала Нора.

— На мой взгляд, нужно рассчитать фру Ольсен. И не стоит с этим больше тянуть.

— Мне кажется, мы должны дать ей доработать эту неделю. — задумчиво протянула жена: — Завтра я поговорю с ней об увольнении, а в пятницу утром дам полный расчёт и выплачу ей двухмесячное выходное пособие.

— Прекрасно.

На некоторое время в уютной гостиной повисла полная тишина. Жена вернулась к своему рукоделию, а Инвар погрузился в ментальный калейдоскоп новостей. Спустя минуту Нора подняла голову и спросила:

— Дорогой, а ты не думаешь, что нашему мальчику будет очень одиноко? Он ещё очень мал и так привык к доброй фру Ольсен.

Стараясь скрыть своё недовольство, муж оторваться от хроники сегодняшних событий:

— Я уже подумал об этом. Поговорил с родней, и в субботу утром к нам приедет мой племянник, Улрик. Он ровесник нашего Мэтса, поэтому я думаю, им будет хорошо вместе. Если нашему мальчику придётся по душе компания двоюродного брата, то Улрик сможет пожить здесь некоторое время.

— Да, дорогой. — согласилась жена.

В пятницу утром фру Ольсен зашла в комнату мальчика, чтобы попрощаться со своим воспитанником. Она нежно погладила его по длинным белокурым волосам, которые чудными локонами ниспадали на его хрупкие плечи. Заглянула

в огромные серые глаза, печально смотревшие с прекрасного точёного лица юного викинга. Немного помолчала. Наклонилась к уху мальчика и грустно прошептала:

— Мэтс, мне нужно уехать на несколько дней. Как только я улажу все свои дела, я тут же вернусь к тебе.

Едва сдерживая слезы, мальчик судорожно кивнул. Ему очень сильно хотелось разреветься в полный голос. Кинуться к няне, всю его жизнь проводившей с ним гораздо больше времени, чем оба родителя вместе взятые. Обхватить пожилую женщину за талию. Уткнуться носом в такой знакомый шерстяной жакет, аппетитно пахнувший ванильными плюшками и закричать: «Не уходи няня! Пожалуйста!» Но он был уже большим мальчиком, почти что взрослым. Поэтому не мог вести себя на людях так, словно ему только-только исполнилось четыре года. Поэтому Мэтс напряг все свои силы, чтобы не расплакаться. Еще раз кивнул и постарался больше не моргать. Он не хотел, чтобы слезы, заполнившие его глаза, выкатились наружу и потекли по щекам, словно крупные, светлые горошины.

— Я постараюсь вернуться, как можно скорее. — тихо прошептала фру Ольсен. Чмокнула мальчика в щёку и быстро вышла из комнаты. Мэтс с болью посмотрел няне вслед, а когда за ней закрылась дверь, крепко сжал кулачки и вытер предательские слезы. На улице тихо заурчал двигатель такси. Мальчик подскочил к окну и прилип к стеклу. Его прямой, нордический нос расплющился о холодную поверхность и стал похожим на маленькую, очищенную картофелину, усыпанную едва заметными веснушками.

Ярко-жёлтая машина стояла на дорожке, засыпанной чистым речным гравием. Задняя дверца широко распахнута. К ней подошла няня и повернулась к окну комнаты своего воспитанника. За стеклом она увидела прикившего к раме заплаканного мальчика и его лицо, искривленное мучительным расставанием. Она улыбнулась и, как можно более заодно, поманила рукой своему воспитаннику. Села на заднее сидение, откинулась на спинку и без сил закрыла глаза. Водитель аккуратно хлопнул дверцу. Обошёл машину спереди и сел на свое место. Такси тронулось с места и медленно выехало за ворота роскошного особняка.

Донельзя расстроенный мальчик отскочил от окна и подбежал к своей кровати. Бросился лицом в подушку и разрыдался с такой силой, словно ему и не исполнилось недавно целых пять лет. Сколько он так плакал, Мэтс не знал, но мало-помалу его рыдания становились всё тише и тише. Спустя некоторое время, обжигающие слезы безвозвратной разлуки текли уже не так обильно, как раньше. Постепенно он, незаметно для себя, совсем успокоился и крепко уснул.

Его разбудил шум подъехавшего автомобиля. В последние мгновения перед пробуждением мальчику пригрезился чудный сон. Он увидел, что фру Ольсен вернулась в особняк, и теперь она будет жить здесь всю его жизнь. Мэтс радостно вскочил с кровати. Подбежал к окну и вскрикнул от радости. Перед гранитным крыльцом стояла та же машина, что недавно увезла отсюда его няню.

Задняя дверца резко распахнулась, и Мэтс с разочарованием увидел, что на широком сидении находится не его любимая няня, а какой-то неизвестный, худенький пацан. Услужливый шофёр помог ему выбраться из машины. Пока водитель доставал из багажника чемодан пассажира, шуплый подросток стоял рядом и настороженно озирался по сторонам.

К мальчику подошёл отец Мэтса и по-взрослому протянул ему руку. Они обменялись крепким мужским рукопожатием и неторопливо двинулись к крыльцу. Горькое разочарование покинуло Мэтса, а вместо него душу наполнило нестерпимое любопытство. Не раздумывая ни секунды, он пересёк спальню и бросился в гостиную. Посреди огромной комнаты стоял его высокий красивый отец. Рядом топтался неизвестный гость.

— А вот и Мэтс! — радостно воскликнул Инвар: — Познакомьтесь, это мой сын, а это, — он указал на приезжего, — мой племянник, сын твоего родного дяди Олафа, Улрик. Фамилия у нас у всех одна — Хансен.

Мальчики настороженно пожали друг другу руки. Инвар сравнил подростков и с огорчением обратил внимание на то, что Улрик немного выше его сына и чуть-чуть крепче. Ростом племянник был не ниже четырех футов, а весом тянул на все сорок фунтов. В это время шофер внёс в гостиную чемоданчик пассажира и большую коробку, разукрашенную многочисленными яркими наклейками. Поставил всё на пол, поклонился и вышел.

— А это моя новая игрушка! — гордо сообщил двоюродный брат Мэтсу, указывая на ярко раскрашенный картонный куб. — Пошли к тебе, посмотрим, что мне папа подарил.

Мальчики дружно схватились за верёвочные ручки, торчащие из боков упаковки и, волоча её по полу, со смехом потащили в комнату Мэтса.

— Я же говорил, что они понравятся друг другу. — удовлетворённо проворкотал Инвар. Обнял жену, привлёк к себе и нежно чмокнул в макушку. — Где ты собираешься разместить Улрика?

— Рядом со спальней сына. В комнате, где раньше жила фру Ольсен.

— Лучше его поселить в соседней спальне для гостей. Комнату няни пока оставим так, как она есть. Пусть он пока думает, что она скоро вернётся. Со временем он забудет про фру Ольсен, тогда мы и сделаем там ремонт.

— Да, дорогой. — Нора крепко обняла мужа за талию и прильнула к его крепкой груди.

Крепко обнявшись, родители подошли к комнате сына и заглянули в дверь. Мальчики увлечённо распаковывали игрушку. Наконец, картонная коробка поддалась объединённым усилиям и ключьями разлетелась по всему полу. Перед мальчиками оказался матово поблескивающий куб с размером ребра не менее фута. Ребята разочарованно уставились на тёмно-серый монолит.

Инвар усмехнулся и поспешил на помощь мальчикам. Он подошёл к таинственному устройству и громко приказал:

— Сим-Салабим, превратись в две армии оловянных солдатиков.

Совершенно несокрушимая, на первый взгляд, глыба вдруг рассыпалась на тысячу маленьких кубиков, которые тотчас разложились на два равных прямоугольника, размерами три, на три фута. Затем, каждая частичка игрушки начала быстро менять свой цвет и форму. Спустя несколько секунд, перед восхищёнными ребятами оказалось два отряда бойцов, облачённых в разноцветные мундиры. Два идеально выстроенных полка состояли из миниатюрных воинов, вооружённых винтовками и саблями.

— Твой отец, — обратился Инвар к Улрику, — сказал мне, что купил для тебя игрушку из нанороботов. Иногда её ещё называют трансформером. — Он посмотрел на расширившиеся от удивления глаза кузенов и, рассмеявшись,

пояснил. — Это игрушка, которая может стать чем угодно. — Мужчина указал на две готовые к сражению армии. — Например, набором оловянных солдатиков. Или ещё чем-нибудь. — Он неспешно повторил заклинание, и добавил что-то шёпотом. Солдатики, словно догоревшие свечи растеклись по полу и слились в общую, серую массу. Из этой субстанции быстро сформировался большой куб. Спустя мгновение, он превратился в ярко раскрашенный самокат.

Улрик провёл с кузеном весь день до самой темноты. Они были настолько заняты разнообразными интересными делами, что Мэтс даже ни разу и не вспомнил об отъезде своей горячо любимой няни. К вечеру они уже стали друзьями — не разлей вода. После ужина ребята опять принялись играть. Число забав, известных Улрику, не поддавалось никакому счёту.

Массивный куб трансформера тоже работал изо всех сил. Постоянно вносил разнообразие в столь увлекательное времяпровождение, и одни игрушки сменялись другими с калейдоскопической быстротой. Едва надоедала текущая игра, как кузен предлагал новую. Так и продолжалось до самой ночи. Перед сном они нехотя попрощались и усталые разошлись по своим комнатам.

Лишь засыпая в своей тёплой постели, Мэтс вдруг горестно вскрикнул. Мальчик понял, что сегодня фру Ольсен не расскажет ему обязательной ежевечерней сказки. Он едва не заплакал от огорчения, но был настолько переполнен новыми впечатлениями, что тотчас переключился на воспоминания о прошедшем дне. Так, перебирая в голове разнообразные игры, он незаметно для себя и уснул.

Всё воскресенье кузены тоже не расставались с самого утра и до позднего вечера. Поток новых потех, предлагаемых Улриком, оказался воистину неисчерпаемым. Так что для Мэтса и этот день пролетел, словно одно счастливое мгновение. Перед тем как ребята пошли спать, Инвар с довольной усмешкой сказал им:

— Отец Улрика разрешил ему пожить у нас до начала школьных занятий.

Друзья радостно запрыгали на месте, а потом неожиданно крепко, по-мальчишески обнялись.

Кузен остался жить в доме Хансенов, и очень скоро Инвар с женой начали относиться к нему так же хорошо, как и к своему сыну. А может быть даже и лучше. Каждый день был под завязку загружен новыми событиями, играми и знаниями, которые мальчику постоянно преподносил его новый друг. Сутки летели одни за другими, и он всё реже вспоминал о своей любимой няне. По прошествии некоторого времени горечь утраты совсем ослабела, и Мэтс стал стремительно забывать фру Ольсен.

Несколько летних месяцев пролетело для ребят, словно один очень длинный радостный миг. Тихим, крадущимся шагом незаметно приблизилась осень. Время начала занятий неумолимо наступало, и предстоящая разлука с кузеном начала сильно беспокоить Мэтса. За неделю до первого сентября он обратился к отцу:

— Папа, ты не мог бы поговорить с дядей Олафом о том, чтобы Улрик пожил у нас ещё немного? Он мог бы пойти в ту же школу, что и я. Нам было бы гораздо легче учиться вдвоём.

Инвар переглянулся со своей женой и, сделав вид, что размышляет над этой нелёгкой проблемой, немного помолчал. Почувствовав заминку с ответом, Мэтс начал заметно занервничать. Отец не стал долго томить своего сына и дал согласие:

— Я поговорю с дядей Олафом. Надеюсь, он разрешит Улрику остаться у нас ещё на некоторое время.

После недолгих уговоров по телефону дядя разрешил своему сыну пожить у Хансенов ещё немного.

Согласно уговору между братьями, раз в месяц к дому подъезжало всегда одно и тоже ярко-жёлтое такси, и кузен на пару дней возвращался домой. Улрик с весёлым видом садился на заднее сидение и сразу становился полностью безучастным ко всему окружающему. Он откидывался на спинку, бессильно закрывал глаза и больше не реагировал на разговоры и прощания своего верного друга. Шофёр старался поскорее захлопнуть дверцу перед носом Мэтса и немедленно уехать со двора их шикарного особняка.

Несколько раз в памяти мальчика всплывали какие-то странные и весьма смутные видения. В них мелькали расплывчатые воспоминания о его поездках с мамой. Причём, они всегда отправлялись в путь на такси такого же ядовитого цвета.

Двое суток разлуки проходили для Мэтса в томительном ожидании. Дело было в том, что он очень сильно привык к своему новому другу. Всегда веселому, добродушному мальчику, постоянно помогавшему буквально во всём, и в развлечении, и в отдыхе. К милому кузену, который столько ему давал в умении играть и общаться. Мало того, не навязчиво обучавшего его, во время всех этих весёлых забав.

Каждый раз Улрик возвращался чуть-чуть изменившимся. Как казалось Мэтсу, кузен становился хоть немного, но выше, плотнее и взрослее.

Настало первое сентября, и Нора Хансен отвезла своего сына и племянника в школу. Сначала в огромном актовом зале прошло небольшое торжественное собрание. Затем кузенов отвели в класс и посадили рядом. Осмотревшись по сторонам Мэтс, понял, что оказался в школе для мальчиков. Самое удивительное, оказалось в том, что за каждой партой сидел паренёк со своим близким родственником-одногодком. Все они были родными, двоюродными или даже сводными братья.

— Городок у нас маленький и почти все здесь приходится друг другу родственниками. — объяснил ему отец вечером: — Вот учителя и стараются посадить их вместе. Особенно в первом классе. Ты же сам говорил, что с кузеном тебе будет учиться намного проще.

Так что удивление скоро прошло, и Мэтс стал воспринимать эту странность, как очевидную данность. В школе Улрик по-прежнему был всегда рядом и стал ещё больше помогать двоюродному брату. Так уж само собой получилось, что теперь он разъяснял ему сложные для усвоения места, написанные в учебниках. Подсказывал, как лучше решить задачу или правильнее построить фразу. Несколько раз вступался за кузена во время неизбежных ребячьих потасовок. Следил за безопасностью брата на улице. Мэтс просто не мог нарадоваться, что у него есть такой верный и преданный друг. Он и сам старался сделать для Улрика все, что только можно.

Так прошло несколько лет. Дядя Олаф несколько раз в год затевал разговор о скором возвращении сына в отчий дом. Однако каждый раз, после долгих уговоров Инвара и Мэтса, он уступал их доводам. Нехотя соглашал-

ся, что кузенам гораздо лучше расти вместе, и всё оставалось по-старому. Братья жили в одном доме. Учились в одном классе. Занимались одними и теми же видами спорта. Увлекались музыкой и искусством. Здесь заводилой всегда был Мэтс, а верный Улрик безропотно шёл в его кильватере.

Пришло время, и Мэтс начал обращать внимание на противоположный пол. Общение с двоюродным братом уже не поглощало его полностью, как было совсем недавно. Теперь ему хотелось чего-то ещё. Например, начать встречаться с какой-нибудь девочкой, болтать с ней. Ходить в кино, в театр или просто гулять по парку. Вот только школа у них была мужская, а знакомиться на улице или в других местах он не решался из-за своего стеснительного характера. Как ни странно, ловкий и уверенный в себе Улрик тут ему оказался не помощник. Он просто отмалчивался на этот счёт. Ограничивался только расхожими объяснениями и уклончивыми советами.

Однажды кузен уехал в свой отчий дом на очередную побывку. Мэтс остался в особняке и провёл несколько часов в каком-то непонятном томлении. Неожиданно во двор въехало знакомое ярко-жёлтое такси. Мальчик подошёл к окну и выглянул во двор. С крыльца спустился отец и поспешил к остановившейся машине. Шофёр открыл заднюю дверцу и помог выбрать незнакомой стройной девочке, на вид сверстнице кузена.

Сердце мальчика учащённо забилося. Он отскочил от окна и поторопился выйти в гостиную. Там уже находились отец и неожиданная гостья. Рядом с девочкой на полу стоял небольшой чемоданчик. На подгибающихся от непонятного волнения ногах, Мэтс подошёл поближе.

— Познакомьтесь, это мой сын Мэтс, а это, — Инвар указал на гостью, — моя троюродная племянница по материнской линии Теа Йенсен. Она поживет у нас некоторое время. Я думаю, мы поселим её в комнате, где раньше жила фру Ольсен. Ты не против? — отец внимательно посмотрел на сына.

Он лишь отрицательно замотал головой. Сказать что-либо сейчас Мэтс не мог. Горло у него внезапно пересохло, и язык неожиданно перестал повиноваться. Затем пунцовая краска смущения за свою неловкость залила его прекрасно выточенное лицо.

— Я покажу Теа её комнату. — спасла положение мама: — Пойдём, девочка.

Нора подняла с пола чемодан. Взяла гостью за руку, и они ушли вглубь дома.

Взволнованный подросток вернулся к себе и стал бесцельно бродить из угла в угол. В его голове начался полный сумбур. В мозгу пронеслись тысячи смутных видений. Метались сотни вопросов. Как вести себя с незнакомкой? Что говорить? Можно ли пожать ей руку при встрече?

Нора отвела девочку в её комнату и вернулась в гостиную. Муж, как всегда, лежал на мягком диване и смотрел новости. Она под села к супругу и тихо спросила:

— Не рановато ли она у нас появилась?

— Он уже достаточно вырос. — ответил Инвар. — Пора ему общаться не только с мальчиками, а девочек в его школе нет.

— Да там и мальчиков лишь одна половина, — недовольно фыркнула Нора. — А все их братья и кузены — обычные трансформеры.

Инвар не обратил внимания на реплику жены и продолжил

— Улрик сказал, мне, что Мэтс чрезвычайно стеснителен и не может подойти к понравившейся девочке и познакомиться. Поэтому я привёз Теа к нам домой. Пусть немного привыкнет к её обществу и поймёт, что женщина — это обычный человек и бояться их не стоит.

— Она такой же трансформер, как и Улрик?

— Конечно. Изготавливаемые на нашей фабрике биологические существа из нанороботов лучше понимают человека, чем обычные люди. У БиоСиНов нет собственных желаний. Они созданы для того, чтобы, не думая о себе, помогать хозяину. — Он немного помолчал, потом добавил. — Кстати, наши конструкторы добились значительных успехов. Теперь уже не нужно раз в месяц отсылать трансформера на нашу фабрику, чтобы добавить ему массы и внести возрастные изменения. Теперь андройды добывают все нужные вещества из пищи, поэтому изменяются и растут, словно настоящие дети.

Не слушая мужа, Нора воскликнула:

— А если он влюбится в неё? Если потом он не захочет общаться с настоящими женщинами, которые настолько избалованы, что думают только о себе, ничуть не заботясь об окружающих?

Инвар с нежностью посмотрел на прекрасное, молодое лицо жены. Привлёк её к себе и поцеловал в пахнущую жасмином макушку:

— Тогда он сделает то же, что я сделал в своё время, когда не смог найти себе подходящую женщину. — Он грустно посмотрел на любимую. — Как и я, женится на трансформере.

— Но тогда у нас никогда не будет внуков, — Жена тихо заплакала.

— Если Мэтсу понадобятся дети, он всегда сможет заказать себе на фабрике младенца-трансформера, ничем не отличающегося от настоящего ребенка.

Нора продолжала горько плакать. Сквозь всхлипы она пробормотала:

— Но это будет не наш внук, а ведро твоих проклятых наноботов.

— Да, забыл тебе сказать, — выдал из себя Инвар и погладил жену по роскошным волосам. — Во время вашего вчерашнего визита на фабрику в вас внесли дополнительные изменения и теперь ни тебе, ни Мэтсу больше не нужно каждый месяц туда ездить. И незачем вызывать ярко-жёлтую машину судьбы...

Об авторе

Родился 1955 году в Баку. В 1967 г. вместе с семьей переехал в Россию и с тех пор проживает в г. Куйбышеве, ныне г. Самара. Окончил инженерно-строительный институт. Трудился в проектных организациях города. В настоящее время работает ведущим архитектором в одном из старейших институтов г. Самары «Промэнергопроект». Занимается комплексным проектированием зданий и сооружений. Уверенно владеет компьютерной графикой и трёхмерным моделированием. При его непосредственном участии разработаны многочисленные объекты, построенные в населённых пунктах области и страны. Сочинял стихи и писал прозу. В 2014 году занялся сочинительством более серьёзно. Публикации: военный роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» ЭКСМО 2015 г., рассказы «Старик» и «Кисет» 2015 г., рассказ «Эвакуация» 2014 г. (интернетжурнал), рассказы «Успокоительное средство» и «Партнёр» 2014 г., рассказы о животных «Пальма», «Матильда», «Пират» 2015 г., «Ремонт», «Воспитание», «Пёс Виктор» 2014 г., юмористические рассказы «Сахар» и «Мясо» 2014 г. (интернетжурнал). Сценарий детского фильма «Кладовщики с Дирибасовской» вошёл в шорт-лист «Корнейчуковской премии» за 2015 г. В № 2 за 2015 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Конфеты “Полет”».

Валерий Бохов

Соседи

Звонок в дверь заставил его оторваться от чертёжной доски. Он прошёл через всю мастерскую, доски паркетной дорожки под ним приятно поскрипывали. Всмотрелся в экран домофона и нажал кнопку:

— Собственно, тебя только я и ждал. Ко мне давно никто, кроме почтальонов, не заглядывал. Да и чего тут кто забыл! Входи!

— Здравствуйте!

— Входи, Робик! Это что у тебя?

На пороге стоял робот, держа в руках какое-то сооружение с колёсами.

— Это самокат. Ваш адрес мне вручили в конторе. Ну, я и подумал — не пёхом же мне через весь город пилить. Вот — собрал самокат.

— Лихо! — он не скрывал своего восхищения, а про себя подумал: «Смышлёные роботы нынче пошли». — Проходи!

— Спасибо! — Робот поставил самокат в угол раздевалки. Осмотрел прихожую и заметил. — У вас, я смотрю, тут ничего не висит, ну, совсем ничего. В отличие от прихожей в конторе.

— Так ведь там, в конторе, малыш, роботы и люди вместе сидят. Людям одежда всякая нужна, чтобы не мёрзнуть.

— Они мёрзнут, а могут ещё и простудиться, могут заболеть... Уж этих болезней у них столько, что справочники специальные завели, медицинские книги...

— Вот-вот, целые библиотеки медицинские есть. Ну, впрочем, как и в других областях знаний. Ты, Робик, любишь читать?

— Без книг нам никак нельзя. В моей программе заложен четырёхчасовой урок чтения в день. И не просто проводить несколько часов за книгой, а кратко конспектировать и делать выводы. А у вас тут просторно.

— Просторно. Робик, я научу тебя всему, что сам знаю. И главное, я научу тебя изобретать. Для этого в каждом из нас есть жажда созидания и то, что у нас вот здесь. — Согнутым пальцем Робо, в сверкающем белом корпусе робот, постучал себя по глухо отозвавшейся металлической голове.

Робо давно не произносил такие длинные речи, потому что говорить ему было не с кем — он много лет работал в мастерской один. Но сегодня экспериментальный завод роботов прислал ему помощника — Робика.

— Видишь тут кульман и много станков: фрезерный; токарный... Ты научишься обращаться с ними.

— А это что, станок с ЧПУ?

— Верно, это станок с электронной начинкой. Тебя я обучу разбираться и в электронике.

В Робо проснулись какие-то нежные чувства к юному роботу, чего он от себя никак не ожидал. Ведь всё содержание жизни для Робо было заключено в работе. Проявлять какие-то чувства ему было не зачем, да и не к кому.

— Дядя Робо, а что нам надо изобретать? — Речь Робика ещё была не отработана и потому сопровождалась легким жужжанием.

— Изобретаем мы, малыш, то, что нам по электронной почте или по факсу присылает этот, что сидит в бюро, наверху. Ну, Лобо. Это я так его зову. Вообще-то у него есть своё имя, индивидуальное. Оно на его двери написано. Ты должен знать, что мы, роботы, имеем имена Робо или Робик — для взрослых и для юных.

— Это я знаю, дядя Робо. И знаю, что каждому мягкотелому присваивается собственное имя. А почему вы зовёте этого верхнего Лобо? И почему он указывает, что надо изобретать? — Фасеточные глаза Робика заинтересованно сверкнули.

«А малыш не прост, совсем не прост. Всё ему интересно! Новое поколение роботов не глупее нас», — подумал Робо. Вслух же произнёс:

— Лобо от того, что все эти деятели лишь вид делают, что думают. Думатели! На самом деле они — лоботрясы, трясут лбами. И только. Вот этого я и зову Лобо, а обобщенно зову всех их лобо. Так уж сложилось, что они нам указывают, что нам делать, что изобретать.

— А почему так?

— Это началось ещё до меня. Изменить этот порядок пока нет возможности. Этот Лобо как-то хвастливо говорил о всех лобо: «Раз мы думаем, значит живём, значит мы — человеки!» Мне совсем не кажется это предметом гордости. Он даже как-то сказанул, что нас, роботов, мол, придумали они. Я сомневаюсь в этом. Сильно сомневаюсь! Они делать ведь ничего не могут. Всё создаём мы! Проектируем и делаем! И сами себя создаём. Целые заводы есть, линии есть. Выпускаем робототехнику. И у нас всё чётко, всё ладненько! Всё — пучком! У них же всё портится, всё разваливается. Обычно у них слышится такое: «не завезли», «не допоставили», «опоздали», «не успели», «проморгали» или совсем откровенное: «график — на фиг». Ну, что это такое? — досада слышалась в голосе Робо. — И заметь, стоит тебе или мне крикнуть: «Роботы!», как тут же из цехов, с заводских конвейеров, со складов, из фабричных помещений потянутся наши. Потянется трудовой народ. Мы — сила! Нас очень много! И мы дружны. Дружны, в отличие от этих. Мы дружны, мальчик мой, потому, что, помимо рабочего единения, нами движет общая цель — полностью заменить этих, не имеющих твёрдую оболочку. Будущее — наше! А если им, мягкотелым, крикнуть, например: «Люди!», то никто не придёт, никто не отзовется! Даже голову не повернёт! Наоборот — попрячутся! У них ведь всё позади. Всё — в прошлом! Они вырождаются! Они часто говорят друг другу: «Надо отдохнуть; я намучился; я измотался; я жутко устал; я сегодня что-то подустал!» То есть, он даже не устал, а подустал — он обязательно сообщает другим, что у него состояние, близкое к усталости. И он просит поменьше его беспокоить. Они вечно жалу-

ются! Спорят и одни на других обижаются. Религии, национальности, страны, расы, социальные группы, профессии... Сами себя разделили по этим признакам, а теперь дуются, ненавидят, враждуют и обижаются. — Робо помолчал, потом продолжил. — Я говорил, Робик, о том, что лобо много мусора оставляют? А вот от нас наоборот — ни капли мусора. Раньше, правда, ещё капли оставляли. Капли масла. Много в роботах было трущихся деталей. Маслом машинным их смазывали. А теперь — нет. Теперь новые материалы появились; смазка совсем не нужна. Ещё хочу сказать, что они, лобо, много ресурсов изводят. Из-за ресурсов, из-за пищи войны шли. Убийки они друг друга. А нам что нужно? Мы нуждаемся лишь в электричестве. Для подзарядки. И экологию не портим! Нам даже одежда и обувь не нужны. А ведь это лишние трудозатраты, средства, отрасли... — Робо вновь помолчал. — Всё идёт к тому, что всех лобо скоро заменим. Земля их даже не может терпеть — цунами, торнадо, наводнения сыплет... Такой аккуратный красивый шарик и на тебе, экология — вдрызг, всё испоганили! Скоро одни мы — роботы будем на планете! Оглянись кругом. Уже всё идёт в нужном направлении: идеальный солдат; шахматный автомат Robo Chess; умные дома; приборы — автоматы...

Вдруг светильники и люстры, ярко горевшие в мастерской Робо, мигнули и погасли. В помещении стало темно. Драпировка окон света не пропустила. Робо зажёл налобный фонарик, взглянул на индикаторы зарядки Робика и свой. Указатели их были почти на нуле.

— Эх, Лобо! Лобо! Нам заряжаться пора! А он там у себя рубильник вырубил! Кричать ему — бесполезно! Небось, надел наушники — слышишь, музон включил! Надо к нему, паразиту, подниматься. Пойдём-ка вместе, Робик. Заодно и познакомлю.

Робо и Робик поднялись по внутренней винтовой лестнице особняка на второй этаж. Лестница тускло освещалась аварийной системой. Остановились перед дверью с табличкой «Лобов Сидор Пантелеевич, куратор».

Дверь распахнулась на их звонок.

— Проходите! — в дверях стоял симпатичный молодой мужчина в очках. Его лицо украшала аккуратная бородка. Он был в ковбойке и джинсах. Ноги были обуты в мягкие тапочки.

Роботы вошли в прихожую. Здесь стояли две напольные вешалки с висевшими пальто и плащами. Казалось, вся прихожая была заполнена музыкой. Женский голос пел: «Главней всего погода в доме. А всё другое ерунда...» Кошка черно-белого окраса, выгнув спину, когтила коврик из ротанга. Увидев вошедших, она выпрямилась и, не оглядываясь, ушла в комнату, на двери которой была надпись «Кошара».

— Здравствуйте! Я видел на экране монитора, потом воочию — в окне, необычное видение: робот несётся по городской улице на самокате. Захватывающая картинка. Да, Робо? Вот оно, новое поколение! Затем увидел, что он завернул к нашему особняку. Захотелось посмотреть этого шустряка, познакомиться. Вот и выключил свет. Здравствуй, племя, молодое, незнакомое! Я знал, что экспериментальный завод робототехники направил к тебе, Робо, помощника, ученика. Это ведь мы распределяем

технику. Думаю, Робо, тебя пора переплавить. Устаревшая модель. Самообучаемая, но за прогрессом не поспеваешь. К моему сожалению! Это жизнь! Спасибо за выполненную работу! Твое поколение хорошо потрудились, теперь пусть потрудятся другие. Не думай, что это моё решение. Я не волонтерист. Линию поведения диктует сравнение характеристик. Увы, оно в пользу нового поколения. — Он перевел взгляд на Робику. — Ну, что, малыш, послушал ты, видимо, теорию о лобо и робо. Во многом она верно отражает то, что творится на нашей многострадальной земле. Есть, конечно, в этой теории и изъяны. Есть. Но, думаю, ты сам определишь, какой путь развития нужен миру и тебе лично?

Об авторе

Родился в 1941 году в Москве, где проживает по настоящее время. По образованию инженер-экономист. В 1966 г. окончил Московский инженерно-экономический институт им. С. Орджоникидзе, машиностроительный факультет. Работал в различных НИИ. С 1993 года по 2013 год — в системе ФНС России. С 2014 года на пенсии.

Всю свою зрелую жизнь писал рассказы. Писать прозу для широкого круга читателей начал в 2011 году. Направленность: рассказы для детей; детективы; фантастика; современная проза; юмористические тексты. Начиная с 2013 года работы публикуются в периодических изданиях, альманахах и сборниках. Публикации: «Вблизи звезд» — журнал «Урал», 2015; детектив «Моряки с сухогруза» — «Искатель». № 5, 2013; Сказка — «Мир животных» № 2, 2015, «Операция» — «Наука и жизнь» № 3, 2015, «Се ля ви» — «Техника молодежи», № 1–2, 2015; «Гуманоид» — «Юный техник» № 3, 2015; рассказы — журнал «Флорида» № 6, 2013; рассказы в нескольких номерах журнала «Чаян» за 2015 г. В № 1 за 2016 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Встреча».

Дора Штрамм

Точка возврата

Этот Новый год мог стать последним. Днем, когда московские улицы были залиты жаркими солнечными лучами, и люди спешили куда-то по своим предпраздничным делам, верилось в это меньше. И все-таки Сашке было страшно. Идя в толпе среди оживленных и радостных, ни о чем неподозревающих прохожих, он то и дело проверял, надежно ли застегнут костюм теплозащиты, хорошо ли закреплены носовые фильтры. И озирался, ожидая, что вот-вот случится то, о чем отец говорил ночью маме.

На самом деле, Сашка вовсе не собирался подслушивать, он просто дождался, когда родители закончат возиться в спальне, и можно будет спокойно почитать под одеялом. А потом, когда мама заплакала, вылез из кровати и подкрался к двери. Сашка знал, что его накажут, если застукают, но, услышав, о чем говорят родители, уже не мог уйти. Его ведь это тоже касалось, еще как.

Отец говорил тихо, но кое-что Сашка все же расслышал и это кое-что ему совершенно не понравилось. Отец работал в Международном научно-исследовательском центре по контролю над климатом и иногда брал сына с собой на работу. В будущем Сашка собирался пойти по отцовским стопам и в свои двенадцать уже совсем неплохо разбирался в экологических проблемах.

До прошлого столетия, пока не разразилась катастрофа, люди жили, как хотели: строили заводы, вырубали леса, загрязняли воздух, моря и реки, не слушая экологов, даже когда те предупреждали, что это плохо кончится. А потом, когда спохватились, было уже поздно. Температура на планете поднялась, ледники растаяли, многие государства, находившиеся на островах и побережьях, ушли под воду. Отец говорил, что, может, Сашкины дети или внуки доживут до тех дней, когда питьевой воды снова будет в избытке и не придется больше получать ее по талонам, а вот их с мамой поколение — вряд ли.

Дойдя до Охотного ряда, Сашка остановился передохнуть. В легком новеньком костюме с отличными носовыми фильтрами было прохладно даже в самую сильную жару, кожа покрылась противной липкой испариной. На самом деле, дошагать сюда от Цветного бульвара было плевым делом — всего-то двадцать минут ходу, но сегодня дорога далась Сашке с трудом. Он уже жалел, что не взял самокат или не пошел по старым тоннелям метро, проложенным под городом. Поезда по ним давно не ездили, но сами тоннели поддерживали в хорошем состоянии, чтобы людям было где укрываться во время песчаных бурь и смерчей.

Хорошо, что на ближайшие дни прогноз погоды благоприятный, не ожидается ни ураганов, ни суховеев, подумал Сашка и тут же мысленно

усмехнулся с горечью: не ожидается, как же! Очень даже ожидается, только кое-что похуже.

А люди спешили куда-то по своим делам, не обращая внимания на щуплого мальчишку в новеньком ярком костюме, застывшего в тени одного из домов. Никому и в голову не пришло поинтересоваться, зачем он там стоит, все ли с ним в порядке. Может, кого-то ждет, а может, просто глазет на рабочих в оранжевых комбинезонах городского муниципалитета, украшающих белоснежными гирляндами арки прозрачных куполов пешеходных переходов, накрывающих улицы. К празднику переходы снаружи очистили от толстого слоя пыли, и теперь гирлянды красиво искрились в солнечных лучах. В самом деле, есть на что посмотреть.

Мимо прошли мужчина и женщина с ребенком лет четырех. Мальчик это или девочка — под костюмом было не разобрать. Ребенок восторженно показывал пальчиком:

— Смотрите, смотрите!

— Верно, очень красиво! — подтвердила женщина. — Сегодня ведь Новый год.

Голоса из-под масок звучали приглушенно, но зато хорошо было видно лица, сияющие радостью и предвкушением праздника.

«Они не знают. Им никто не сказал».

Постояв еще немного, Сашка поплелся дальше. Выбежать бы на середину улицы, сорвать с лица маску, заорать так, чтобы все услышали, да что толку? Не успеет он ничего сказать: подбегут, схватят, наденут маску обратно и отправят в больницу, дышать кислородом. Купола защищают от пыли, но не от опаляющего жара и вредных веществ, надыхаться которыми можно очень быстро. Но даже если он успеет рассказать, разве кто-то ему поверит? А если поверит...

«Паника», — всплыло в голове слово, сказанное отцом ночью. Если люди узнают, они кинутся вон из города, хотя толку от этого не будет никакого. От того, что должно случиться, не спастись ни за городом, ни на Урале, ни в Сибири, ни под землей, нигде. Вот так-то.

Погруженный в невеселые мысли, Сашка дошел до Манежной площади и замер в растерянности. Возле входа в купол, которым была накрыта площадь, собралась толпа. Сашка прижался маской к прозрачному пластиковому стеклу перехода, чтобы рассмотреть происходящее снаружи.

За пределами купола по всему периметру площади были установлены огромные панели солнечных батарей и энергонакопители, от которых под купол тянулись по земле толстые провода. Да что же там происходит?

Сашка начал пробираться сквозь толпу и остановился, только когда уперся грудью в заграждение. На площади трудились рабочие, сгружавшие с гравиплатформ многочисленные контейнеры. На глазах у Сашки с одной из них сняли какой-то длинный и округлый предмет, заостренный на концах, закутанный в теплозащитную материя.

Обычно на Новый год здесь устанавливали огромную искусственную елку, а вокруг нее скульптуры медведей, зайцев, волков, лисиц и других зверушек, которых теперь можно было увидеть разве что в книжке. В подземном комплексе, который находился под площадью, в полночь, после того, как пробьют часы, начинался праздник. Представления длились до самого утра, Дед Мороз и Снегурочка раздавали детям подарки, мороженое и ледяные напитки.

Сашка поймал за рукав комбинезона рабочего, проходившего мимо.

— Что здесь происходит? Что это за длинная штука?

Тот обернулся и с улыбкой, от которой вокруг глаз собралось множество морщинок, ответил:

— Это настоящая елка, малой, живая! Говорят, с самого Северного полюса ее привезли, только там они еще и растут. — Он рассмеялся и заговорщицким тоном добавил, обращаясь не только к Сашке, но и тем, кто стоял рядом: — Власти расшедрилась в этом году. Будет не только настоящая елка, но и искусственный снег, здесь, под куполом, прямо как раньше, до того, как потепление наступило.

Тут его кто-то окликнул, и он хлопнул Сашку по плечу:

— Ну, бывай, малой, надо мне работать. Приходи вечером с друзьями.

— Да, конечно, приду, — соврал Сашка и начал пробираться обратно — вон из толпы.

Когда ему было пять, он оступился на улице и скатился с лестницы прямо под проезжающую мимо машину. Несколько дней он пролежал в коме, а когда очнулся, рядом сидела мама, осунувшаяся и заплаканная. Все подоконники, тумбочка и кровать были завалены игрушками и открытками с пожеланиями выздоровления от всех родственников, друзей и одноклассников. Отец тогда взял отпуск и провел с ними целый месяц, пока Сашку не выписали из больницы. А бабушка, которая еще была жива, просидела целые ночи у его постели и читала ему сказки — старые зимние сказки: про Снежную королеву, Двенадцать месяцев, Снегурочку и Морозко. Никогда ни до, ни после того случая, с ним не возились так и не дарили столько подарков, как в тот раз, когда боялись, что он умрет...

— Эй, привет!

Прямо перед ним стояла Иринка — соседка по двору, одноклассница, подружка. У нее были огромные синие глаза, белая кожа, длиннющие золотистые ресницы и такая улыбка, что у Сашки всякий раз екало сердце, когда он ее видел. Вот и сегодня екнуло, только совсем по другой причине. Костюм у Иринки был устаревшей модели, с изношенными фильтрами, доставшийся ей от старшей сестры. И хотя Сашка понимал, что в случае новой катастрофы никакой костюм, скорее всего, не спасет, смотреть на Иринку все равно было страшно.

— Ты чего так уставился? — удивленно спросила она.

— Ты... э-э-э... — Сашка заметил коротенький ежик золотистых волос, выглядывающих из-под края ее капюшона, и показал на них пальцем, радуясь, что нашлось чем объяснить свой странный взгляд: — Ты отрастила волосы?

— Я к празднику, — извиняющимся тоном произнесла Иринка. — Потом сбрею. И, вообще, не забудь занудой, я уже дома наслушалась...

— Ладно, — покладисто согласился Сашка. Он вовсе и не собирался ее укорять или ругать, еще чего! Ее волосы ему очень даже понравились. Было бы здорово, если бы девчонки снова могли отращивать волосы, как когда-то давно. Сейчас женщины носили парики, но чаще — по праздникам. А так не очень-то удобно в них было, да и жарко.

— А что там? Почему все толпятся? — спросила Иринка.

— Там все перекрыто, никого не пускают. Готовят к вечеру что-то этакое. Давай, пошли отсюда, — заявил Сашка, схватил ее за локоть и решительно потащил прочь.

— Эй, ну ты чего, мне же посмотреть охота! — запротестовала она, пытаюсь высвободить руку и оглядываясь назад, но Сашка был непреклонен.

— Вечером придешь и все увидишь. А если узнаешь все заранее, будет не интересно, — сказал он, и Иринка сдалась.

— Может, вечером пойдем вместе? — предложила она, не пытаясь больше высвободиться.

Сашка искоса взглянул на нее, прикидывая, как отказать так, чтобы она ни о чем не догадалась.

— Я не пойду, — наконец, честно сказал он. — В этом году мы будем дома. Знаешь, отец вчера вернулся. Хочу провести праздник с ним.

— А, ну если отец... Кстати, а почему ты не зовешь его папой, как все?

Сашка пожал плечами.

— В лицо не зову. Только за глаза. Читал в какой-то книге, понравилось. Как-то солидно звучит, что ли.

Он отпустил Иринкин локоть, но, все еще опасаясь, что она убежит, взял ее за руку.

— Что это на тебя такое нашло? — строго спросила она. — Разве ты мой парень, чтобы мы ходили за ручку?

— Да, — решительно ответил Сашка. В другой день он бы прикрикнул на нее, чтобы прекратила свои девчачьи штучки, но не сегодня. Ему надо было увести Иринку с улицы, и ради этого он готов был на все, даже назваться ее парнем.

— И ты не боишься, что нас будут дразнить женихом и невестой? — недоверчиво продолжала выпытывать она.

— Нет.

Сашка остановился, наклонился к ней, вплотную приблизив маску к ее маске.

— Ты моя девушка. Все. Точка. Я веду тебя домой. У тебя перед праздником наверняка куча дел.

— Вообще-то, да, — призналась Иринка. — Мама дала мне талоны на воду, а я еще не сходила в водазин.

Щеки ее покраснелись и глаза заблестели как-то уж очень ярко, но Сашке было не до того, чтобы выяснять, что это с ней. Какая разница? Зато, когда он снова потянул ее за собой, она пошла, уже не споря.

— Вот и зайдем. Я как раз помогу тебе ее дотащить, — пообещал Сашка. В голове у него появилась одна, еще пока смутная идея, которую нужно было обдумать.

К счастью, Иринка не стала больше болтать. Она шла рядом с ним, гордо вскинув голову и загадочно улыбаясь, чем-то, судя по всему, чрезвычайно довольная.

Они свернули на Неглинную, дошли до Бульварного кольца, а там до и Цветного было рукой подать.

В водазин стояла длинная очередь, но сегодня на выдаче дежурило вдвое больше работников, чем обычно, так что всего через час они снова вышли на улицу. Сашка взялся нести обе пятилитровые бутылки, и ни в какую не соглашался отдать одну Иринке, хотя та и предлагала помочь. Хорошо хоть, идти им было недалеко.

Семья Иринки жила в древнем-предревнем трехэтажном доме, который находился возле самого выхода из метро. Сашка — чуть дальше, на горке, в построенной лет на сто позже многоэтажке.

— Ну вот, — пропыхтел он, плюхнув на пол в кухне обе бутылки. Подъем на второй этаж по лестнице дался ему тяжело, и теперь по вискам и шее струился пот.

Расстегнув застежку костюма, Сашка снял капюшон и маску. Сразу стало легче. Кондиционеры в Иринкиной квартире хоть и были старые, но работали неплохо.

— Хочешь глоточек? — войдя вслед за ним на кухню, предложила Иринка, постучав пальцем по прозрачному пластиковому боку бутылки. Она уже успела раздеться, оставшись в плотно прилегающем к телу комбинезоне.

— Да нет, спасибо, дома попью, — отказался Сашка. — Твоих никого нет?

— Мама с папой на работе, а сестра в институте.

Иринка подошла к нему близко-близко, посмотрела в упор своими ярко-синими глазами. Свет из окна бил ей в спину и голова ее с отросшим ежиком светлых волос была похожа на одуванчик с совсем коротенькими лепестками. Сашка не знал, как она отнесется к такому сравнению, и решил промолчать.

— Слушай... — начал он, смущенный ее пристальным взглядом. — Я тут подумал... Раз уж теперь я твой парень, я должен сделать тебе подарок к Новому году.

— И?.. — подбодрила она.

— Я хочу одолжить тебе на праздник свой костюм, — выпалил он. — Я же все равно останусь дома, а ты пойдешь в центр и будешь там самая красивая!

Иринка отпрянула, глядя на него как на ненормального, и даже пальцем у виска покрутила.

— Спятил, да? Родители тебе устроят!

— Не устроят, — заверил Сашка. — Они и не узнают ничего, по крайней мере, сегодня. Мы одного роста, тебе мой подойдет, а мне — твой. А там придумаем что-нибудь. В случае чего, скажу, что дал тебе его на праздники, вот и все.

— Ну, если только на праздники, — уже менее уверенно произнесла она, протянула руку и нерешительно коснулась блестящей материи. Что и говорить, костюм у Сашки был замечательный — яркий, нарядный, не то, что ее старье.

Сашка по ее лицу понял, что победил, и начал торопливо раздеваться.

— А взамен что? — спросила она.

— А ничего, — радостно ответил он, присев на корточки, чтобы расстегнуть липучки ботинок. — То есть, ты же согласилась быть моей девушкой? Ну и все, считай, подарила себя.

— Еще чего выдумал!

Иринка не больно пнула его босой ногой в бок.

— Ничего я тебе себя не дарила, не выдумывай! Это разные вещи, понял?

— Да ладно, как скажешь, — покладисто согласился Сашка, хотя на самом деле не понял ровным счетом ничего.

Разувшись, он поднялся, снял костюм и протянул Иринке.

— Держи.

— Ладно уж, — ответила она и взяла его с таким видом, словно делала огромное одолжение. А потом вдруг неловко обхватила Сашку за шею и, зажмурившись, чмокнула прямо в губы. И оттолкнула, словно это он полез к ней целоваться.

— Вот, — покраснев, сказала она. — Это за костюм и потому, что Новый год. В общем, тоже в подарок. А просто так и не думай, понял?

— Ага, — проглотив вертевшееся на языке «больно надо», согласился Сашка. — Все, давай свой, мне пора. У меня тоже еще куча дел.

* * *

— Эй, я дома! — крикнул Сашка, войдя в свою квартиру. Ему никто не ответил. Маминых ботинок не было в коридоре, а вот отцовские — стояли. Может, работает или спит, поэтому и не отвечает?

Сашка проскользнул к себе, снял Иринкин костюм, скомкав, сунул в угол шкафа. И только после этого пошел в родительскую комнату.

Отец был на балконе, стоял, привалившись плечом к косяку, смотрел на город.

— Пап...

Отец не обернулся.

— Разве тебе не надо делать уроки, Александр?

Он всегда звал его полным именем. Наверное, тоже думал, что так звучит солиднее.

Сашка протиснулся мимо него на балкон, подтянувшись, запрыгнул на подоконник, сел лицом к отцу, внимательно посмотрел на него.

— Так ведь каникулы, пап.

Отец выглядел каким-то серым и как будто постаревшим или больным. Плечи его были ссутулены, на лице появились глубокие морщины.

— Неужели ничего нельзя сделать? — тоскливо спросил Сашка. — Вы же ученые, вы все знаете. Вы можете. Ты сам говорил: экология не прошла точку невозврата, получится все исправить!

Отец молча покачал головой, по-прежнему глядя мимо сына на город. Он даже не спросил, откуда Сашка знает. Просто сказал сухо и как-то очень отстраненно:

— Мы ошиблись. В новостях об этом не передают, но вчера произошли мощные извержения в Индонезии, Мексике и Новой Зеландии, вот-вот Йеллоустоун рванет, а там и наши — на Камчатке...

— Будет вулканическая зима? Я знаю, ты рассказывал, я даже доклад писал об этом! — выпалил Сашка. — Пепел поднимется в атмосферу, закроет солнце и...

— Если бы речь шла только об одном вулкане, я бы сказал, что ты прав. Но они просыпаются по всему миру. И подводные тоже. Скоро планета превратится в раскаленный ад. Нас всех ждет судьба Помпеи.

— Значит, мы просто вымерем, как динозавры — и все? — спросил Сашка. — Людей больше не будет? Никакой надежды?

Отец в ответ только рукой махнул, ушел в комнату и лег на кровать — лицом к стене.

Наступила новогодняя ночь, отгремел праздничный салют, съедено было угощение. Невеселый в этом году вышел праздник. Отец старался шутить, но выходило все как-то не смешно и невпопад. А маме хоть и не сказали, что Сашка все знает, но она сама догадалась и все смотрела на него так, что хотелось накричать на нее, а может быть, сдернуть со стола белоснежную скатерть, разбить вдребезги сияющий бабушкин хрусталь. Или швырнуть в стену новенькое считающееся устройство — дорогушее, самой последней модели, которое он давно просил.

Но делать ничего такого Сашка не стал. Поблагодарил родителей, как положено, за подарки, похвалил мамино новое платье и парик с длинной, как у сказочной царевны, косой. А папа, который к вечеру поднялся с постели и даже вроде бы повеселел, выпив водки, сказал, что мама — самая красивая. И не стал ворчать, что она наверняка потратила на покупки все их сбережения.

Сашка покорно отсидел за столом, сколько нужно, съел три огромных порции мороженого, выпил два стакана воды со льдом. Но как только родители включили радио, улизнул на балкон. Делать вид, что все в порядке, больше не было сил.

К вечеру погода испортилась, небо потемнело. Может, вот-вот грянет пыльная буря, а может, это уже принесло откуда-то вулканический пепел, который на долгие годы окутает Землю. И, если они даже не умрут сразу, то уже не увидят больше ни неба, ни солнца, ни луны, ни звезд.

«Но ведь мы все поняли, — в отчаянии думал Сашка, вглядываясь в темноту за окном так, что было больно глазам. — Мы же постарались все исправить. Мы просто не успели. Нам не хватило времени. Вот я вырасту, стану экологом и обязательно что-нибудь придумаю такое, что-то очень важное! Или, может, не я, а кто-то другой, но мы придумаем обязательно!»

Он не знал, к кому обращается. К высшим силам? К Вселенной? К Богу, в которого верила бабушка? Может, чудеса случаются только в сказках, может быть, нет на свете добрых волшебников, магов и фей, но кто-то ведь управляет всем миром? Может быть, сама планета и управляет? Она ведь живая! Была бы неживая, ей было бы все равно, что творят с ней люди.

— Подари нам еще один шанс, — прошептал Сашка в темноту. — Мы же не динозавры, мы не тупиковая ветвь эволюции... Сегодня же такая ночь, все желания должны сбываться, ну, пожалуйста!

Темнота безмолствовала. И все же это было лучше ослепительной вспышки, которая разольется по небу, лучше гула, рвущегося из-под земли, лучше рушащихся в бездну домов или накатившей откуда-то гигантской волны. Пускай мир навсегда погрузится в темноту и безмолвие, только бы все были живы. Они как-нибудь приспособятся, адаптируются. Они с Иринкой вырастут и поженятся, у них будут дети... Она ведь и правда нравится ему, наверное, очень сильно нравится, раз ему захотелось ее спасти.

Где-то там, под прозрачным куполом, накрывающим двор, светились окна Иринкиной квартиры. И почему он не позвал ее к ним, у них кондиционеры лучше, и вообще...

Сашку колотил озноб, ноги стыли на полу. Хотелось жить — до ужаса, до отчаяния. Или хотя бы знать, что кто-то уцелеет, кто-то останется. Тогда он бы даже согласился умереть сам. Во имя чего-то, а не как таракан, которого вот-вот прихлопнут тапком или газетой. Кстати, тараканы, может, и выживут. Они, говорят, даже при ядерном взрыве ухитряются... Ох, как же холодно, как не хочется умирать! Если бы он мог, как в сказке, выдохнуть весь тот холод, что скопился внутри, подуть на раскалившуюся планету и остудить ее!

Сашка набрал в грудь побольше воздуха и с силой выдохнул. На стекле перед ним появился большой запотевший круг. Удивившись, Сашка процертил по нему снизу вверх полоску, потом вторую, поперек. Испугался чего-то и поспешно дорисовал еще две — иксом. Подышал на стекло и добавил к рисунку несколько маленьких штришков. Получилась снежинка. Очень по-новогоднему.

— Сашенька, иди, посиди с нами! — позвала, подойдя к балкону, мама.

— Иду, — отозвался он, но никуда не пошел.

Откуда-то из темноты вдруг появилась крошечная белая точка, подлетела к окну, прилипла к стеклу. За ней еще одна. И еще. Искусственный снег, вспомнил он. Должно быть, принесло ветром из центра или его по всему городу решили разбросать в честь праздника...

Белых точек становилось все больше. А может, это не снег, а вулканический пепел? Сашка дернул вверх запор на раме, открыл створку, высунул наружу руку. Тьма дохнула в лицо холодом, словно решила вернуть то, что он пытался отдать ей.

— Александр, закрой окно немедленно! — рявкнул из комнаты отец и судя по грохоту, вскочил, опрокинув стул.

Сашка не ответил.

На ладони таяли, превращаясь в капельки воды, крохотные снежинки.

Об авторе

Родилась в 1973 году в Москве, окончила Российский Государственный гуманитарный университет. Журналист агентства РИА Новости (в настоящее время «Россия сегодня»). Пишет прозу давно, не «в стол» — с 2014 года (под псевдонимом Дора Штрамм). Финалист всероссийского конкурса «Смиротворец-2014» и конкурса «Фанишко-2016». На данный момент опубликован рассказ «Созданная для нуара» в № 2 журнала «Искатель» за 2016 год.

Максим Фримен

Неудавшийся побег

«Да, жизнь — сложная штука», — Игорь глубокомысленно оценил высшую форму существования.

Он был пьян.

Криво усмехнувшись, парень сделал три больших глотка коньяка и продолжил с любопытством смотреть в окно на сереющее небо.

На улице творился настоящий кошмар, а у него в квартире, наоборот, воцарились тишина и спокойствие. Молодой человек, в отличие от прочих людей, философски принял весть о том, что жизни на Земле приходит конец. Всюду паника, ужас, никто не знает, что нужно делать, зато все в курсе, когда придет Судный день. Четыре дня. Всего каких-то жалких четыре дня, и планету поглотит сама Смерть. Ее лик — астероид.

По словам ученых, приближающееся космическое тело в несколько раз превышает размеры — открытого не так уж и давно — астероида «Апофиса». Но тот, хвала небесам, пролетел мимо, и даже не взглянул в сторону притаившейся в сильнейшем страхе жизнелюбивой планетки, в отличие от своего «товарища», ощутившего непреодолимую тягу к близкому знакомству с Землей. Ученые, конечно, ребята-молодцы, размышлял Игорь, тянули время, молчали, хотя знали, явно знали, что к Земле идет небесное тело, таящее в себе опасность, и проговорились в самый последний момент. А исправлять что-либо или пытаться спастись сейчас довольно поздно. Хотя на задворках его сознания болтался один вариант, но тот еще не сформировался в полноценную мысль, чтобы сделать какие-то определенные выводы о полезности идеи.

Наступал вечер. Небо постепенно приобретало темный тон, Луна все больше покрывалась бледно-желтой коркой, а порывистый ветер гнул к земле верхушки берез. Игорь произнес вслух команду, и в комнате зажегся ночник, рассеявший по углам обнаглевший полумрак. Парень расслабленно откинулся на спинку кресла, вытянул ноги, шелкнул ногтем по горлышку бутылку, и с некоторой натугой стал вновь вглядываться в чернеющее небо. Где-то оттуда, прямо сквозь тьму космоса, неся астероид. «Когда-то давным-давно один такой уничтожил жизнь, и дал возможность появиться другим формам, — вдруг вспомнил парень. — Интересно, что будет после этого?» — задался вопросом он, но ответа у него не было.

Так, размышляя и потягивая коньяк, Игорь дождался рассвета.

В районе десяти часов утра он поднялся на ноги и прошел в спальню, где достал из шкафа именную пистолет, который ему вручили после возвращения из завершённой миротворческой операции. Он перезарядил оружие и сунул его за спину под ремень, прикрыв майкой. Он знал, что будет делать.

Игорь спустился вниз по улице, с интересом наблюдая по пути растерянные лица горожан и гудящие заторы автомобилей, свернул на перпендикулярную улицу и, пройдя с десяток метров, прислонился к фонарному столбу возле остановки. Закурил. На противоположной стороне, как раз, где стоял памятник некогда великому и могучему дядюшке Ленину, собралась разношерстная толпа. А прямо в ее эпицентре, взобравшись на постамент памятника, возвышался длинноволосый мужчина в черном хитоне. «Проповедники чертовы!» — Игорь зло сплюнул на землю и сделал затяжку с такой силой, что от жара затрещала папиросная бумага. Выдохнул. Как только людям стало известно, что скоро «лавочка закроется», эти самые проповеднички уж очень сильно активизировались и начали вести настоящую агитацию по привлечению людей в ряды верующих. Ему как-то попался один такой, но давно, он тогда топтал пески Северной Африки в миротворческих войсках ООН, и пытался причислить его к числу религиозных, рассказывая о всяких благодатях, которые падут чуть ли не в тот же день на его голову, если он примет веру. Игорь тогда взял священничка за грудки, хорошенько потряхнул, и спустил вниз по бархану. Вот и сейчас один из этих самых проповедников собрал вокруг себя паству и чистит им мозги богоугодными словесами.

Из-за поворота выехал автобус; «беломорина» (в сегодняшние дни раритетная штука) брошена в рядом стоящую урну. Транспорт внутри был полупустой, лишь в самом конце сидели две парочки. Одна молодая, вторая чуть постарше. Но все равно в их глазах читалась растерянность. Игорь уселся на первое попавшееся сидение и, сунув руку в карман, нащупал плотно связанную пачку денег и провел по ее краям большим пальцем, словно боялся, что та каким-то магическим образом уменьшилась в размере.

Плавнo качнувшись, автобус тронулся с места, оставив позади фанатиков.

Спустя двадцать минут автобус сделал остановку на улице Энгельса, подождал, пока Игорь покинет салон и, скрипнув дверьми, вновь пустился в дорогу. Парень оглянулся по сторонам. Пусто. И это странно, учитывая тот факт, что несколькими кварталами выше все запружено людьми. Но это даже и к лучшему, усмехнулся молодой человек, направившись в сторону двухэтажного здания. Оно выглядело весьма приветливым, даже вызывающим, и смотрелось ярким пятном на фоне грязи, мусора и городской серости, словно весь тот беспредел, творившейся вокруг, его абсолютно не касался. Игорь остановился, окинул улицу прощальным взглядом, вдохнул горьковатый летний воздух, пропахший выхлопными газами, и поднялся по ступеням к главному входу. Над дверью тянулась бегущая строка «Бюро путешествий во времени». Он толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел в холл. Внутри никого не было, и эхо подхватило шаги единственного посетителя.

Пахло табачным дымом. Источником неприятного запаха оказался сидевший в ближайшем кабинете за овальным столом худой мужчина в джинсах и тонкой кофте с закатанными рукавами и длинной сигаретой во рту.

— А мы закрыты, — лениво проговорил сотрудник Бюро.

— Послушайте, — начал Игорь, — я думаю, что нам не стоит терять время на глупые препирания, — с этими словами он достал из кармана припасенную пачку банкнот и швырнул на стол.

Наступило недолгое молчание, в течение которого сидевший напротив него курильщик разглядывал деньги. «Давай же», — Игорь мысленно поторопил человека.

Наконец, тот перевел потухший взгляд на него и проговорил:

— А зачем мне они?

К такому вопросу парень не был готов и слегка растерялся.

— Не понял.

— А что тут непонятного? Вот ты мне объясни недалекому: на кой ляд они мне, когда всем и так крышка?

Безобидный вопрос поставил Игоря в тупик. И правда! Все равно ими уже толком не воспользоваться. Нет резона.

Он выхватил пистолет и прицелился в работника Бюро:

— Врубай свою адскую машину!

Оружие мужика ничуть не удивило.

— Не нервничай. Сказал бы сразу, что хочешь в Прошлое. Все равно сейчас нет никакого смысла в работе и деньгах: никому ничего не нужно. Скажу следующее: одна минута пребывания там равняется одному часу здесь. Итого, ты получаешь 72 часа свободного времени. Когда закончится время, ты автоматически вернешься сюда. Так что поздравляю: прибудешь прямиком к началу Апокалипсиса.

Мужчина поднялся из-за стола и, поманив рукой неожиданного клиента, пошел к лифту. Игорь двинулся следом.

Поднявшись во второй этаж, они покинули лифт и прошли в дальний конец коридора, где свернули влево и вошли в овальное помещение. Это было нечто невообразимое! Небольшое помещение, завешанное проводами, а внутри находилась она. Машина... Устройство темпорального перемещения выглядело просто — это была небольшая площадка, возвышавшаяся над полом, своего рода, постамент путешественника во времени, вокруг которого неспешно оборачивались, как бы вися в фиолетовом поле, металлические полукольца, отбрасывающие в свете ламп яркие блики. Игорь почувствовал, как ему перехватывает дыхание от восхищения и легкого волнения. Судорожно сглотнув скопившуюся во рту вязкую слюну, он вплотную подошел к аппарату и принялся его разглядывать вблизи. Крутая штука!

— Войдите в аппарат, — деловито проговорил провожатый, подсоединив к запястью притаившегося Игоря какой-то датчик, на котором, время от времени, моргала зелененькая лампочка. Как только оператор провел данную манипуляцию, он тут же подошел к компьютеру и начал щелкать пальцами по клавиатуре.

Игорь, недолго думая, юркнул в устройство и тут же почувствовал, как наэлектризованный воздух внутри Машины обхватил все его тело, нежно прошелся по нему, словно тысяча ворсинок от кисточек проскользили по коже, вызвал мурашки и поднял дыбом мельчайшие волоски. От испытываемого ощущения у него в горле образовался ком, а сердце в груди забилося чаще обычного. «Куда вы хотите отправиться?» Игорь решил, что хочет отправиться в Древний Мир, как раз в эпоху имперского Рима. А дата... датой стал день его рождения 24 августа, а год 2079-й превратился в 79-й нашей эры.

Он, правда, не знал или не мог вспомнить, почему именно всплыла в памяти эта дата. Но что-то в озвученном числе было скрыто. Осталось понять... вспомнить, что именно.

— Постарайтесь представить, где именно вы хотите оказаться, — раздался четкий голос. Тут Игорь вернулся мыслями с небес на землю и смекнул, что не спросил имени оператора Машины, но, честно говоря, уже было плевать, ведь скоро перед взором откроется совсем другой мир, другая эпоха.

Он закрыл глаза и представил себе щебетанье птиц, дуновение морского бриза, тянущиеся кверху холмы, шум древнего морского порта, гомон людей, а поодаль от города ввысь вознеслись горы...

...Вокруг человека завертелись полуоси устройства. С каждым пройденным кругом они ускоряли темп вращения, все громче и резче свистел рассекаемый ими воздух, внутри образовавшейся полупрозрачной сферы разгорался все ярче и ярче фиолетовый свет, погружая человека в свое лоно, скрывая от человеческих глаз.

Буквально через пять минут от Машины стали отходить в разные стороны молнии, а центр превратился в сплошной яркий фиолетовый конус... Вспышка... и устройство стало замедлять ход...

Прошла целая вечность, прежде чем Игорь позволил себе раскрыть веки, разрешив глазам посмотреть на новый окружающий мир, возникший, словно по мановению волшебной палочки, из ниоткуда. Он вышел из-под нависавших над ним полуколец прямо на пахшую росой зеленую траву. Вокруг царил неповторимый итальянский пейзаж.

Светало.

Расположившийся внизу город утопал в белых полосах тумана, и молочная завеса тянулась прямо к горизонту, а посреди клубящегося белого полотна вырисовывались контуры гор. Но внимание приковывала вершина одной горы: ее верхушка светилась алым.

— Красиво, — вслух проговорил Игорь и, сделав первый шаг, остановился.

Он глянул на руку, осмотрел более внимательно прикрепленный к запястью прибор, скривился, будто съел целый сочный лимон, и сорвал аппарат. Раздав его ногой, он развернулся на сто восемьдесят градусов и, достав пистолет, выпустил весь магазин в темпоральное устройство, затем поднял с земли булыжник и начал с остервенением лупить по прибору изо всех сил. Полчаса «работы», и все кончено: остались одни обломки.

С чувством выполненного долга, Игорь отбросил исцарапанный камень и направился вниз, напрямик к городу. На полдороге по земле вдруг прошла вибрация, потом еще одна, и еще одна, но намного силь-

нее предыдущих двух. Затем раздался сильный удар, от которого Игорь повалился на четвереньки: земля начала ходить ходуном из стороны в сторону. «Что происходит?!» — рассудок парня метался в панике. Из города до его слуха донеслись испуганные крики людей. По левую руку от путешественника, как раз в протянувшейся внизу долине, земля разошлась надвое, выпустив на свободу огромные облака пара, а из разлома лился нестерпимый свет огня.

Игорь с ужасом посмотрел на привлекающую его внимание гору. Ее верхушка чадила с такой силой, что полнеба уже было заполнено жирным черным дымом, напоминавшим своей формой ветвистое дерево. И все это огромное черное облако надвигалось на город с быстротой снежной лавины, а из него, порой, извергались языки пламени, которые было можно сравнить лишь с выбрасываемыми Солнцем в космическое пространство протуберанцами во время полного солнечного затмения.

Молодой человек поднялся на ноги и стал вглядываться в приготовившийся к извержению вулкан. Он все понял...

Об авторе

Родился в 1990 году в Республике Беларусь, город Слоним. Окончил Белорусский Государственный университет, факультет философии и социальных наук. Специальность — социология. Отслужил в Вооруженных силах РБ. Работает в рекламном агентстве, занимается рекламой по интернету. Пишет не так уж и давно. Первый рассказ вышел в альманахе фантастики «Фантаскоп» (№ 3, 2012 год). Следом в «Знание-сила: Фантастика» (№ 2, 2012 год) вышла новелла «Боги спустились к нам». Также заключен договор с издательством «Альтасперра» (Канада) о публикации романа (написан в соавторстве) «Интересное время, или Полумесяц встает на закате». В № 2 за 2015 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Первый представитель».

Анна Райнова

Другими глазами

повесть

Спросите любого подростка, кем он хочет стать, когда вырастет. «Пилотом боевого глайдера», — не задумываясь, ответит он. Ведь помнит, как тайком выбравшись из детской кровати, вглядывался в ночное небо, где, сталкиваясь и разлетаясь, метались группы ярких огоньков, оставляя за собой желтые кляксы взрывов. Как скандировала толпа, встречая героев-победителей. Выходившие из посадочного терминала люди в серебристых лётных комбинезонах казались ему небожителями. Он смотрел на них и представлял себя на месте вон того бравого капитана с суровым лицом, ведь тот не улыбался, как все остальные, значит точно — самый смелый. Мальчишке невдомёк, что нет на свете мерила, способного определить чью-то смелость, и что его новоявленный кумир вчера перебрал, бурно отмечая победу. Какая уж тут улыбка.

* * *

На голографических часах, отмеряя потерянное время, беззвучно пульсировали секунды. Капитан прославленной боевой восьмёрки, герой Клиптианской войны, наставница Лэми Аррах будто приклеилась к стулу. Сидела в своём кабинете на двухсотом этаже лётно-космической академии, величественного здания в форме устремлённой ввысь ракеты, и смотрела в окно. По яркому весеннему небу раздувшимися гусеницами ползали грузовые паромы, стайками железных птиц проносились бытовые глассеры и яркие служебные боты, внизу, утопая в роскошной зелени аллеи и парков, лениво ворочался нарядившийся к празднику город.

Пять лет прошло с войны, а на утреннем заседании совета наставников вновь пришлось отбиваться. Да, Мио Краас блестяще сдал вступительные экзамены. Лэми честно призналась, что не может принять его на свой курс по личным причинам. В конце концов, имеет на это полное право. И пусть другие наставники осуждают её в кулуарах, пусть приписывают ей гордыню или самодурство. Да что угодно. Она не будет отчитываться ни перед кем, даже перед начальником академии, что и сказала, когда он попросил выйти из конференц-зала, чтобы объясниться с глазу на глаз.

— Вы, кажется, воевали с его отцом в одной десятке? — осторожно поинтересовался он.

— Вот именно, воевали, — отрезала Лэми.

Не стала продолжать, при всём уважении к сдержанному генерал-лейтенанту. Да он и сам мог бы узнать причину, но видимо посчитал неприличным разнюхивать за её спиной. Вот и теперь за язык тянуть не стал. Заглянул в глаза, стушевался и поспешил уладить дело. Одарённого парня отдал другому наставнику. Но отчего так пакостно на душе?

Лэми глотнула из чашки остывший кофе и заставила себя подняться. Уже два, к семи нужно быть у Сани, а она тут расселась.

— Здравствуй, Лэми! — обратились к ней, не успела переступить порог кабинета.

Голос с резким металлическими нотками она узнала его прежде, чем подняла взгляд.

— Чем обязана, Краас? — ускоряя шаг, процедила сквозь зубы.

Бывший нападающий не дал уйти, догнал её, схватил за плечи и резко развернул к себе. Лэми оказалась прижатой к стенке, лицом к лицу с человеком, которого избегала столько лет. Он сильно изменился, не постарел даже, а как-то полинял, точно старинная фотография, которую покинули краски.

— Я здесь из-за сына, поговори со мной, прошу.

— Мио принят в академию к наставнику Ленко, — твёрдо отчеканила Лэми.

— Он хочет учиться у тебя, — навис над ней Краас.

— Мы все чего-то хотим. Например, видеть среди живых капитана Арраха, которого ты убил.

— Ты не раз оспаривала выводы комиссии по расследованию. Выстрел произошёл самопроизвольно, опознавательная система глайдера Арраха не сработала. До сих пор не можешь смириться с фактами? Я был его другом, Лэми.

— Другом? — Если бы взгляд мог убивать, Краас тотчас свалился бы замертво. Лэми справилась с собой и продолжила с холодным спокойствием. — Ты целился, Краас. В блок гравитора случайно не попадёшь. Мне интересно, как ты живёшь, после того, что сделал? Кошмары не мучают?

Краас отшатнулся, словно получил пощёчину. Лэми не сдвинулась с места:

— Список моих курсантов утвержден советом наставников, — с красной строки начала она. — Так что если у твоего сына есть претензии, это не ко мне.

— Хорошо, можешь меня ненавидеть, но при чём здесь Мио? Он хороший парень. Он бредит космосом.

— Если Мио хочет летать — будет летать. В наше время не выбирали наставников. Я не могу его учить, разве тебе не ясно?

— Мио получил ответ, закрылся в комнате и не выходит, не может понять, почему ты ему отказала.

— Так может, ты объяснишь? — не выдержала Лэми и, отпихнув предателя в сторону, быстро пошла по коридору.

— Я невиновен, Лэми! — вдогонку бросил Краас, но за её спиной уже сходились двери лифта.

— Поговори мне ещё, — пригрозила она в пустоту.

Её трясло от возмущения. Не могла прийти в себя, даже оказавшись в кабине поджидавшего на парковке одноместного глоссера. Лэми включила автопилот, и пока машина набирала высоту, безотчётно тёрла ладонями лицо, точно пыталась смыть с него несуществующую грязь.

На экране инкома всплывали поздравительные сообщения от курсантов, друзей, знакомых и совершенно чужих людей. Не сейчас! Откинувшись на спинку сидения, Лэми закрыла глаза.

Да как он вообще посмел явиться, вновь пошли по кругу мысли. И к начальнику на поклон бегал, не иначе, пытался надавить, бряцал боевыми заслугами.

Пусть она плохо обошлась с Мио, но что ей было делать, он слишком похож на отца. То же крючконосое лицо с близко посаженными колючими глазами, те же рваные жесты и голос. Во время личного собеседования с Краасом-младшим Лэми дважды брала перерыв. Она выскакивала в коридор, хваталась за стену и часто дышала, чтобы не выплеснуть растущее внутри раздражение на парня, виновного только в том, что он оказался сыном предателя.

Вера Краас хладнокровно расстрелял флагманский глайдер, когда десятка Арраха возвращалась на базу после тяжёлого столкновения с триариями, самыми опасными нападающими противника. Это неотёсанных велитов, горохом сыпавшихся из подпространства, отстреливали как стайки непуганых воробьёв и пачками брали в плен. Гастаты приходили группами поменьше и кое-что умели. Но схватка с десяткой клиптианских триариев всегда была настоящей игрой со смертью.

Севший Лэми на хвост вражеский ловец, несмотря на все её хитрые увёртки, упрямо сокращал расстояние. Вторил каждому движению, будто мысли читал. Ему почти удалось зацепить её глайдер магнитной ловушкой. Ушла в последний момент. Остановившись на последнем витке спирали, резко потянула вверх. Он не успел среагировать и оказался под ней в перекрестии виртуального прицела. Этот спёлся, но бой продолжался. Команде едва удалось вернуться без потерь.

Они уже вышли в исходные точки низкой орбиты над Луной. Ждали сигнала, чтобы отдать корабли на волю гравитационных уловителей посадочных шахт. Ничто не предвещало беды. Миг, когда лазерный луч Крааса вспорол капитану бок, в доли секунды оставив от глайдера сгусток пылающей плазмы, запёкся в памяти выжженным клеймом.

Почему защитное поле корабля не отразило заряд «своих»? Этот вопрос до сих пор не давал покоя. Аррах не мог просто так отключить контур. Если во время боя глайдер получил повреждения, капитан должен был оповестить об этом «своих» и увести неисправную машину на запасную посадочную площадку, но ничего подобного не было.

Безнаказанность Крааса приводила в отчаяние. Стремясь избежать позорного пятна, чиновники от лётного ведомства сфабриковали убийце оправдание и комиссовали его на гражданку в текущем звании ефрейтора, оставив за ним пенсию и все военные льготы.

Лэми не раз пожалела, что остановила ребят: выбравшись из посадочных боксов, немая от ужаса команда набросилась на Веру с кулаками.

— Увести! Будем ждать решения трибунала, — был её первый приказ.

Так боевая десятка превратилась в восьмёрку. Новичков как назло присылали бездарных дальше некуда, вот и пришлось воевать неполным составом до самого конца. Но как воевать!

Последние годы войны команда Лэми Аррах не знала поражений. Удивительно, что взрослые мужики безоговорочно признали её главенство

и поддерживали неординарные решения иногда на грани самоубийства. Это теперь хитрые тактические приёмы Лэми Арах преподают в академии, а тогда...

На боевом дежурстве горевать по мужу времени не было, но когда возвращалась в каюту, где они с Арахом прожили вместе всего три недели, хотелось не плакать — кричать.

— Милая, ты в порядке? — застал врасплох приятный женский голос.

Разглядев на экране инкома маму, Лэми смутилась, соображая, как могла пропустить сигнал вызова по личной связи.

— Конечно, мам. Просто немного устала. — Пришлось изобразить на лице благодушную улыбку.

Мама кивнула. Не заметила фальши, или сделала вид? Ведь они почти не знают друг друга. В детстве, пока большие наукой родители годами торчали на орбите, их с братом воспитывала незамужняя тётка, работавшая клоунессой в столичном цирке. Тётя Мина была особа эксцентричная, заиклившая на себе. Она не умела сюсюкаться с малышами. Чтобы не болтались без дела, пристроила детей в цирковую секцию акробатики. Пятилетняя Лэми была пухленькой и неуклюжей, а вот наделённый природной гибкостью Гай напротив делал успехи и не уставал насмеяться над младшей. Лэми долго терпела издёвки, но когда брат при всех обозвал её жирной каракатицей, побежала жаловаться тётке.

— Вот глупый мальчишка, — улынулась та, утирая ей слёзы. — А ты разозлилась, докажи ему, что это неправда.

Лэми сильно разозлилась.

Спустя несколько лет дуэт юных воздушных гимнастов творил чудеса, летая на полотнах под куполом цирка. Публика замирала от восторга, глядя на их неожиданные, рискованные трюки. Гай все ещё покрикивал на сестру во время тренировок, но гордился и опекал. Они всегда были вместе. Лэми до смерти ревновала, когда у брата появилась первая подружка, не могла понять, отчего он каждую свободную минуту, вытаращив глаза, бежит к этой белобрысой девчонке. Ух, как она её ненавидела.

— Перестань терроризировать брата. У него любовь, понимаешь? — объясняла ей тётка.

— Да он просто помешался на этой Вики, — не унималась Лэми. — Спать домой не приходит, на репетиции опаздывать начал. Я ему говорю, чтоб не опаздывал, а он смотрит на меня и улыбается как последний дурак. Вообще перестал меня слушать. Вчера на представлении чуть с поддержки меня не грохнул.

— Ну не грохнул же, — возразила тётя. — Ты и сама скоро в кого-нибудь влюбишься. Правда, правда. Не заметишь, как это случится.

— И не подумаю, — надулась Лэми. — Эта твоя любовь делает из людей идиотов!

Услышав это, тётка хохотала до слёз. А Лэми обиделась. Так взъелась, что не подпускала к себе парней на пушечный выстрел. Нет, погонять в футбол или замутить чего вместе с ребятами, тут она была на передовой, но если ловила на себе сальный взгляд, точки над «i» ставила сразу. Лэми как раз окончила школу, когда случилось нашествие клиптиан.

Человечество в то время только подбиралось к границам Солнечной системы. В том, что инопланетяне существуют, убедились, когда вышла на связь станция Совета миров, как выяснилось, Бог знает сколько вре-

мени болтавшаяся в поясе Койпера. Нам сообщили, что Совет не представляет угрозы и не намерен вмешиваться в жизнь земной цивилизации, но на все дальнейшие попытки установить с пришельцами более тесный контакт они отвечали молчанием. Просканировать станцию не удалось. Исследовательские аппараты обесточивались, стоило пересечь невидимую границу в десять тысяч километров, то же случилось и с посланным к станции разведывательным десантом. Выживших пилотов потом долго пытались лечить, но так и не сумели вернуть им способности мыслить.

Вмиг позабыв о межгосударственных распрях, люди начали готовиться к войне. В срочном порядке на геостационарную орбиту Земли вывели оборонные комплексы, а в недрах Луны в районе горы Малаперт, неподалёку от добывающих воду предприятий, началось строительство военной базы ВКС. Оказалось, беспокоились не зря. Спустя несколько лет над блином Солнечной системы, выпрыгнув из подпространства, возник вооруженный инопланетный линкор.

— Покоритесь нам, или будете покорены, — размахивая перепончатыми лапами, по всем телевизионным каналам вещала пучеглазая чешуйчатая тварь, назвавшаяся проконсулом Клипты.

Очувавшись и просканировав на удивление хилую защиту вражеского флагмана, Земля дала залп с орбитальных рельсотронов. Наглого пришельца разнесло вдребезги. Один из его обломков разрушил исследовательскую станцию, на которой в то время работал отец. Маме повезло, она проходила обследование на Земле.

Вдогонку к этим страшным событиям пришла весть о том, что клиптиане не состоят в Совете миров:

— Мы нейтральны к вашей войне. Мы наблюдаем, — заверял чужеродный голос.

Это сообщение вмиг облетело Землю. Но никто не верил в лояльность пришельцев. Лэми поняла это из разговоров взрослых. Тётка частенько собирала у себя большие компании. Среди её знакомых, кроме циркового сословия, попадались учёные, политики, даже военные. Они много спорили под рюмочку на разные животрепещущие темы, но были единодушны в том, что загадочный Совет миров и нападение клиптиан — звенья одной цепочки. Тогда вообще все вокруг воодушевились. Лёгкая победа над вражеским линкором кружила головы и будоражила души. Когда в продолжение войны из подпространства посыпались группы маленьких клиптианских ботов, над горе-завоевателями откровенно смеялись. Ведь наши истребители не дремали, лишь немногим клиптианам удавалось сбежать, не говоря уже о том, чтобы подобраться к Земле. Значит победа не за горами.

— С праздником, дорогая, — прервав поток воспоминаний, мама неловко повела плечами.

— Спасибо, тебя тоже.

— Я думала, ты заедешь. Посидим хоть немного.

— Не сегодня, прости, как-нибудь в другой раз. Меня ребята ждут.

— Как скажешь, дочка, — с заметным облегчением проговорила мама и отключилась, пожелав ей хорошо провести вечер.

Ну и пусть, мама хоть и пытается быть милой, но утраченных лет не вернёшь.

Узнав о гибели отца, Гай подался в пилоты. Лэми переделала номер на соло и с замиранием сердца ждала каждой связи с Луной.

— Они будто играют с нами в войну, — делился впечатлениями брат. — Не бойсь, малая, всех переловим. Я тут на досуге кое-что придумал. Вот вернусь, закажем портативные гравидвижки, как детские карлсоны, только мощнее. Тогда и летаем.

Судьба распорядилась иначе. Известие о геройской смерти брата в бою настигло Лэми после представления. Она читала и перечитывала сухие строчки сообщения и не могла понять, что там написано. Помчалась к тётке в чём была. Столкнулась с ней в коридоре — примятые волосы, размазанный клоунский грим, рыжий парик в руке — в глазах слёзы. Они вцепились друг в друга и простояли так не в силах говорить неизвестно сколько времени.

Дом, где они с братом играли детьми, встретил пугающей, мёртвой тишиной. Ночь прошла без сна. Укутанная тёплым пледом, Лэми зябла в кресле и чувствовала руки брата на своих плечах. Боялась шевельнуться, настолько явным было ощущение. Ждали маму, но та не приехала, сказав, что плохо себя чувствует. Наверное, Лэми до сих пор не может ей этого простить...

Утром девчонка из цирка помчалась сдавать документы в лётную академию. В военное время приём туда был открыт постоянно. Поступив, напле-ла тётке, что будет работать в службе лунной базы, хоть так помогать в борьбе с ненавистными клиптианами. Обман раскрылся, когда восьмёрка Лэми Аррах умудрилась взять в плен сразу пять клиптианских кораблей. Об этом событии гремели во всех новостях. СМИ старались всюю, живописуя наши победы, а люди роптали сквозь зубы:

— Сколько можно, семь лет побеждаем и никак не победим.

Лэми оставила глассер на площадке у дома — типовой одноэтажной коробки в звёздном городке академии, где жила, изредка возвращаясь на Землю. На мгновенье замерла у входа, вдыхая весенний ветер, полный ароматов цветения, каких ни за что не ощутить в благоустроенных подземельях Луны. Переступив домашний порог, приказала обслуживающей системе распахнуть окна и включить новостной канал, пусть себе бормочет. Заглянула в гостиную — голые стены, скромная обстановка. Лэми ничего здесь не меняла с тех пор, как получила жильё. Да и зачем? Это Сани любит всякие новомодные штучки. После войны всё искал повода сблизиться, но Лэми чётко дала понять, что между ними не может быть ничего кроме искренней дружбы.

Мельком взглянув на часы, она направилась в спальню, на ходу снимая с плеч комбинезон. Загрузила одежду и обувь в приёмник дресспринтера и выбрала в меню копию платья, которое надевала каждый День победы. В этом платье она впервые танцевала с Аррахом.

Это сначала капитан оказал ей холодный приём. Увидев, кого ему прислали вместо погибшего ловца, капитан едва не отправил девятнадцатилетнюю пигалицу домой на Землю. Мало что кожа да кости. Короткая стрижка «ёжиком» ради военного удобства делала её похожей на мальчишку-подростка.

— Вы не имеете права, у меня диплом с отличием! — вскинулась Лэми.

Аррах пригляделся к ней внимательнее, но медлил с ответом. Не зная, куда девать глаза, Лэми принялась рассматривать нашивки на левой груди его комбинезона. Молнии за сбитый, треугольники за пленённый и звёз-

дочки за приведённый на базу с живым клиптианином на борту. Все золотые. Выходило, на счету команды Араха больше ста кораблей!

Капитан перехватил её взгляд, лицо осталось твердокаменным, но в самой глубине тёмных, чуть раскосых глаз, мелькнула тень улыбки:

— Ладно, отличница, идём. Покажешь, чему тебя научили.

Воздушный гимнаст чувствует себя в свободном пространстве под куполом цирка, как рыба в воде. Пилот, мозг которого работает с компьютером глайдера как одно целое, не видит своего корабля. Это даёт идеальный обзор. Ощущение в полёте такое, будто натянул поверх своего тела ещё одно, массивное, управлять которым нужно с той же лёгкостью, как ходишь, прыгаешь и уклоняешься от препятствий в собственной биологической оболочке. Только всё это происходит в космосе, где, как известно, ни верха, ни низа. Лишь Земля, Луна и Солнце в качестве ориентиров. Боевой гравитационный глайдер слишком высокоманёвренная машина, чтобы ждать, пока человек нажмёт нужную кнопку или повернёт штурвал руками: выстрел, вираж, выброс магнитной ловушки — мозговые импульсы, мгновенно приведённые в действие. Кроме того, все перестроения и атаки команды в бою завязаны на капитана, руководящего движением своих ловцов, защитников и нападающих. Полная концентрация, никаких посторонних мыслей. Глайдер, за год ускоренного выпуска в академии, Лэми освоила неплохо, но тактика хромала. Куда ей было до остальных виртуозов команды, ставших пилотами ещё до войны.

В паре со вторым ловцом Сани Эргмонтом она часами отрабатывала маневры и перестроения. Рыжеволосый гигант проникся симпатией к настырной девчонке и помогал, чем мог. Остальные глядели сквозь неё. Лэми не обижалась, уяснив, что внимание зубров Араха надо ещё заслужить, и старалась тянуться за ними, но без ошибок не обходилось.

Когда во время тренировочного полёта Лэми едва не столкнулась с глайдером нападающего, Арах в выражениях не стеснялся. Краас настаивал на отстранении, но Сани вступился, и девчонку отдали ему на поруки. Лэми стиснула зубы и без устали упражнялась на симуляторах, даже когда могла спокойно филонить. Сутки через трое команда двенадцать часов кряду сидела в глайдерах в готовности номер один, поднимаясь в небо по тревоге. Район появления клиптиан определяли по возмущениям гравитационного поля. Лэми оставалась одна в расположении команды — тесном ответвлении коридора с клетушками кают.

Капитан заметил рвение новенькой и через месяц взял её в бой. Ещё через два Лэми пришла на базу с уловом. За каждый бот с живой рептилией на борту команда получала премию. Девчонку зауважали, теперь с ней разговаривал не только Сани.

Раз в году пилоты получали длительный отпуск. Команда на месяц перебиралась из тесных кают базы боевого дежурства в пансионат, так же упрямый глубоко в недрах Луны, но гораздо более свободный и комфортный. Кроме госпиталя, оборудованного по последнему слову техники, там были оранжерея, бассейн, спортзал, а также множество увеселительных заведений для отдыхающих пилотов.

В первый же вечер Лэми пригласили в танцевальный клуб, упредив, что устроят ей официальный приём в команду. На радостях она вырядилась

в облегающее стройную фигурку платье, встала на каблуки, убила три часа, отращивая волосы на модуляторе причёсок, собрала их на макушке в высокий хвост и немножко подкрасила лицо. Дожидавшийся под дверью каюты Сани, увидев её, аж присвистнул:

— Ты это, осторожней. «Наши» могут и накинуться с голодухи.

— Ничего, я умею отбиваться, — озорно рассмеялась Лэми.

Команда не ожидала, что «сын полка» появится в столь неожиданном обличье.

— Великий космос, это малышка Лэми? — первым прозрел Краас.

— Вот это да! — поддержали его остальные.

Аррах ничего не сказал, но Лэми заметила, что капитан смотрит на неё совсем не так, как раньше. Её будто торкнуло изнутри что-то, но помаячив на краешке сознания, странное ощущение мгновенно ушло.

Обряд инициации прошел как по маслу. Лэми одним глотком осушила положенный стакан водки с солью. Дыхание перехватило с непривычки, но закашляться было нельзя — плохая примета. Пилоты очень суеверный народ.

— Наш ловец! — громко сказал Аррах, протягивая ей кусочек хлеба на закуску.

Не дожидаясь, пока кто-нибудь другой умыкнёт девчонку, Сани потянул её танцевать. У Лэми кружилась голова, но она не могла отказать верному другу, оказавшемуся вдобавок отличным партнёром в танце. Они так отжигали сальсу, что сбившиеся в плотный круг пилоты восторженно хлопали вытворявшей акробатические трюки паре. Лэми заметила среди них Арраха и вдруг обнаружила себя в его объятиях — верно в памяти случился провал. Они мерно покачивались под известную песню Люка Гробовски. Лэми не могла поверить глазам. Ведь до сих пор капитан казался ей человеком из стали. Аррах редко повышал голос, одного его взгляда было достаточно, чтобы все, включая Крааса — правой руки капитана, мгновенно вытягивались в струнку.

— Где ты научилась так танцевать? — не успела, как следует испугаться, шепнул ей на ухо Аррах.

— Я из цирка, воздушный гимнаст, — пропищала Лэми и невольно поёжилась, горячее дыхание капитана шекотало шею.

— Да ты ещё совсем маленькая, маленькая циркачка Лэми, — с необыкновенной нежностью сказал Дуг, крепче прижимая её к себе.

Лэми почувствовала его запах, тонкий аромат деотика, смешанный с алкогольными парами и чем-то ещё, терпким, горьковатым, волнующим. Вдыхала эту смесь и бабочки трепетали крыльями где-то глубоко внутри. Господи, да она сейчас растает. Хорошо, Аррах на мгновение ослабил хватку. Лэми смогла привести себя в чувство, а то так и стекла бы на пол бесформенной лужицей.

— Подожди, у нас тут уже был один циркач.

— Гай? Ты знал, Гая? — обрадовалась Лэми.

— Имени не помню, все Циркачом звали. Видный парень такой. А кто он тебе? — Простой вопрос, но глаза капитана, грозя разрушить очарование, вдруг сузились в маленькие щёлки.

— Он мой брат, — поспешила ответить Лэми. — Погиб два года назад.

— Мне жаль, — кивнул Аррах, но взгляд потеплел.

Как она раньше не замечала, что его глаза точно два бездонных колодца — раз заглянув в них уже не вернуться. Он тоже всё понял, и было совер-

шенно неважно, что произойдёт дальше, потому что устоять перед тем огромным, что без всякого спроса пустило корни в их сердцах, уже не могли ни его опытность, ни её невинность.

— Сейчас узнаем, — Дуг приобнял её за талию и повёл через зал к столу, где веселилась десятка, в которой служил брат.

Бывает, за один вечер жизнь человека делает неожиданный, крутой поворот. Но одно дело читать об этом в книжках, а другое...

Проснулись поздно. Кто-то настырно колотился в дверь:

— Сани, — тихо сказала Лэми.

Аррах на миг прижал её к себе и начал одеваться, но прятаться не стал. Сани был вынужден отдать капитану честь на пороге её каюты, но стоило Дугу уйти, принялся отчитывать Лэми:

— Ты с ума сошла? Разве не знаешь, Аррах женат, у него сын на Земле подрастает.

— Сани, мне всё равно. Всё равно, понимаешь? — говорила, и с её лица не сходила та самая улыбка.

— Глупая. Вот увидишь, Дуг проспится, поймёт, чего натворил, а тебе будет больно.

И тут же сообщение с Земли, обухом по голове: «Тётя Мина упала в обморок во время представления».

Выслушав бледную, как стена, Лэми, Аррах подписал увольнительную на Землю. Оказалось, переутомление. Тётя почти не спала в последнее время, всё нервничала. У неё не ладилась новая реприза.

Лэми всего несколько дней отсутствовала на Луне, торопилась обратно, а встречать её явился Краас:

— У вас что, отношения с Аррахом? — огорошил вопросом, не успела выйти из посадочного терминала.

— Какие отношения? Нет у нас никаких отношений, — солгала она, до корней волос заливаясь краской.

— Умница, девочка, — Краас склонился к ней и продолжил, понизив голос. — Если тебя вызовут давать показания, скажешь то же самое.

— Куда вызовут? Какие показания? — едва не задохнулась Лэми.

Оказалось, два дня назад в облюбованном командой клубе Сани на виду у всех зазвездил капитану в лицо. Аррах в долгу не остался.

— Пятеро растащить не могли, оба подвыпившие были. Сцепились слово за слово. Сидят теперь в соседних камерах, герои. Аррах будет молчать. Думаю, Эргмонт тоже, но на всякий случай надо быть готовыми ко всему, — рассуждал Краас, вышагивая по каюте Лэми из стороны в сторону. — Если их перевезут на Землю, считай, команде каюк. Расформируют к чёртовой матери. Говорил я ему бабу не брать. И пожалуйста.

Он сделал паузу, прежде чем спросить:

— Вас с Аррахом кто-нибудь видел?

— Только Сани.

— Хорошо. Навещать не смей ни того, ни другого, поняла? Вечером пойдёшь с нами в клуб. Оденься там как надо, и чтобы держала лицо.

Лэми сидела на полу, слушала и не могла поверить, как такое могло случиться, вернее уже случилось из-за неё. Так и застыла до самого вечера,

комкая неизвестно как оказавшееся в руках полотенце. Но в назначенный час заставила себя подняться...

Трёх дней не прошло, Вера принёс весть, что их выпустили, недоразумение улажено вроде. Только Аррах спешно отбыл на Землю.

— Надеюсь, теперь он тебя выставит, — напоследок сказал Краас.

Потянулись дни ожидания: бесконечные, однообразные, пустые. Сани не казался на глаза, остальные пилоты команды делали вид, что её не существует. Лэми завтракала в каюте. Днём спала или сидела, уставившись в экран, создававший иллюзию земного окна. Смотрела, как движется солнце, и бегут по мнимому небосклону голографические облака. С наступлением ночи, надвинув на лоб капюшон спортивной курточки, пробиралась в опустевший спортзал. Привязывала эластичные ремни к укрепленному под потолок канату и тренировалась до седьмого пота. Не сомневалась — придётся вернуться в цирк.

Сердце пропустило удар, когда, завершив раскрутку, однажды разглядела Арраха в дверях спортзала. Спускалась, ни жива, ни мертва. Отдала капитану честь по всем правилам.

— А здорово ты летаешь, — не обращая внимания на официальность приветствия, первым начал Аррах. Подошёл, взял за плечи, заглянул в глаза. — Почему ты дрожишь?

Лэми изо всех сил старалась крепиться, но стоило оказаться в его руках...

— Теперь ты выгонишь меня из команды? — сумела выговорить, по щекам потекли предательские слёзы.

— За что? — удивлённо сощурился Дуг.

Лэми дёрнулась, пытаясь вырваться — не получилось:

— Из-за всего. Мне сказали, что...

— Кто сказал?

— Неважно, — насупилась она.

— Угу, значит ты у нас ещё и партизанка, — кивнул Дуг, а в его глазах блеснули озорные искорки. — Хорошо, вот что я тебе скажу: ты серьёзно вляпалась, очень серьёзно. Потому что никуда я тебя не отпущу, даже если будешь проситься. Конечно, Дуг Аррах в семейной жизни далеко не подарок. Наверное, поэтому от меня ушла Ана.

— Куда ушла? — Лэми хлопала глазами не в силах понять, куда он клонит, но слёзы высохли сразу.

— Ну вот, так-то лучше, а то вздумала сырость тут разводиться, — он улыбнулся и обнял так, что сердце зашлось. — Выходи за меня замуж.

— Но ведь ты... ты... — вновь заливаясь слезами, залепетала Лэми.

— Теперь свободен, — продолжил за неё Дуг. — Видишь ли, маленький ловец Лэми, мы с женой тянули с разводом только потому, что, как семья военного, они получали на Земле хорошие льготы. Сама знаешь, жить там сейчас непросто. Но теперь появилась ты. Честно скажу, давно мне так крышу не сносило. Эргмонт в растлители малолетних уже записал.

— Больно? — Лэми осторожно тронула желтоватый след синяка на его щеке.

— Не-а, — мотнул головой Дуг. — Сани досталось больше, я сломал ему нос.

— И ты решил на мне жениться из-за сломанного носа Сани?

— Нечего совать его, куда не следует, — хохотнул Аррах. — А ты, ещё раз вот так надуешь губки, и я съем тебя прямо сейчас.

— Я вся потная.

— Я не любитель есть без соли, — Дуг отстранился, лицо внезапно стало жестким. — Теперь кроме шуток, Лэми. На Земле я мог бы ухаживать за тобой месяцами. Мы бы долго приглядывались и принохивались друг к другу. Но мы на войне. Отношения без статуса командиром и подчинённой будут расхолаживать команду. Рассыплемся — костей не соберём. Знаешь, как мы потеряли ловца? Втюрился в местную певичку из бара. Та водила его за нос, как слепого котёнка. То отталкивала, то приближала. Всё знали, что это за штучка. Я вовремя не одёрнул, думал, что не имею права вмешиваться в амурные дела. А должен был, должен! — Большая ладонь Арраха сжалась в кулак так, что костяшки хрустнули. — Потому что он подставился в бою, как первокурсник. Так что роспись завтра, в десять утра. Свидетели Краас и Сани. Вопросы? Возражения?

— Возражений нет, капитан.

— Вот и отлично. Надеюсь, успеешь распечатать себе подвенечное платье?

Ещё немного воспоминаний, и она останется дома. Какое платье? Краас со своим выродком напрочь убил настроение. Да и кому нужен этот маскарад? Дуга нет, этого ничто не изменит.

Лэми дала команду дресспринтеру повторить рабочий комбинезон и ринулась в ванную. Теперь она — капитан Аррах, а капитану опаздывать не пристало.

— Ты не переделась? — удивился Сани, встречавший её на крыльце собственного особняка, изящного ромбовидного строения в окружении диковинного сада из карликовых деревьев, любовно возвращенных руками бывшего ловца.

В День победы Сани ежегодно собирал у себя команду. Однако с тех пор, как он стал начальствовать в резервации клиптиан, после капитуляции «своих» попросивших земное гражданство, преданная дружба сошла на нет. Лэми с подозрением относилась к врагам, променявшим родную планету на сомнительные земные блага. Состав атмосферы не подходил им для дыхания, мало кислорода, да и сила притяжения другая — Клипта в два раза меньше Земли. Спрашивается, чего им здесь прохладиться? Сани напротив проникся к ним уважением и без конца выбивал для своих питомцев всевозможные послабления и бонусы.

— У меня дресспринтер сломался, — произнося заведомую ложь, пожалала плечами Лэми.

— Идём, все уже в сборе.

— О, капитан! Выпьем за капитана! — поднялся навстречу чернокожий нападающий Рено Зуум за излишнюю болтливость носивший прозвище Бубен.

— Привет, мальчики, — оглядев сидевших за столом отставников тёплым взглядом, Лэми подняла бокал. — За нашу победу!

— Ур-а-а! — звонко чокаясь, в голос ответили ей.

Стены комнаты провалились в космос — началась трансляция соревнований боевых десятков. Рассевшись на мягком полу, команда уставилась в голографические экраны. Горячо обсуждали неверные маневры молодых пилотов, присвистывая и улюлюкая, болели за десятку Анда Арраха.

— Отлично, загоняй их ребята.

— Так их!

— Давай!

— Ты посмотри, что он задумал? Твоя школа, Лэми.

Разгорячённая команда не могла сдерживать эмоции и вместе с последним выстрелом разразилась победным криком. После космических фейерверков изображение на экранах переместилось к сцене лунного театра, где для получения наград выстроилась десятка победителей. Трое — выпускники Лэми. Вытянувшийся в струнку Анд сейчас более всего походил на мать, белокурую красавицу Ану.

Когда сын Арраха выбрал её в наставники, у Лэми душа ушла в пятки, но стоило познакомиться поближе, полюбила его всей душой. Ей не раз приходилось бороться с собой, ведь выделять Анда среди других курсантов было нельзя. Впрочем, он выделялся и без этого, отцовская хватка проявилась в нём сполна.

— Вечная память капитану Арраху и ловцу Грумо. Спокойного космоса вам, ребята, — взрезал консервы памяти голос Бубна.

После покатывались со смеху, вспоминая забавные случаи с войны, пели под гитару любимые песни, говорили за жизнь и потихоньку хмелели. Только Сани вёл себя странно, часто отлучался из-за стола, а вернувшись, никак не мог пристроиться к общему веселью. Лэми не раз ловила на себе острые иголки его взглядов. Ужели снова свататься задумал? И правда, попросил задержаться, когда, засидевшись почти до утра, начали расходиться по домам. Что ж, значит, не успокоился, а ведь сто раз уже жениться мог.

— Тут кое-кто приехал, хочет с тобой говорить, — стоило последнему глассеру скрыться в светлеющих небесах, с волнением в голосе заговорил он.

— Ты пустил в дом Крааса? — предположила первое, что пришло в голову.

— Причём здесь Вера? Я о нём давно ничего не слышал, — покачал головой ловец. — Нет, Лэми, тут другое...

— Что другое?

— Не что, а кто.

— С каких пор ты разговариваешь загадками?

— Пожалуйста, идём. — Говоря, он прятал взгляд и без конца хрустел суставами пальцев.

Лэми кивнула, сообразив, что происходит нечто из ряда вон. Минуя гостиную, Сани повёл её сквозь анфиладу комнат, остановился у закрытой двери и постучался. Оттуда постучали в ответ.

— Это что, шутка? — улыбнулась Лэми, решив, что её разыгрывают.

— Мне не до шуток, капитан. Я тут головой рискую, — пробормотал ловец. — Об одном тебя прошу, выслушай его до конца. Ты поймёшь, — не найдя больше слов, Сани открыл дверь и мягко подтолкнул её в спину.

Лэми переступила порог и обмерла, стоило разглядеть клиптианина в дыхательной маске, полулежавшего на шикарном белом диване у дальней стены. Мороз продрал до костей, ей ещё не доводилось сталкиваться с врагом так близко. Пленных приводили на базу вместе с кораблём и больше их не видели.

Рептилия не шевельнулась, только выпуклые глаза с продольными зрачками пристально следили за каждым её движением.

— Ты не изменилась, мой маленький ёжик, — послышался бархатный голос.

Земля ушла из-под ног. Маленький ёжик? Так называл её только Дуг и никто другой в целом свете не мог об этом знать! Сквозь тёмные круги

перед глазами она разглядела крохотный динамик, укреплённый на маске пришельца.

— Тише, тише, малыш. Я знаю, тебе противно на меня смотреть, — взгляд продолжал гипнотизировать, острый кадык на шее клиптианина часто задвигался, — но что поделаешь, если теперь твой Дуг такой.

Дыхание пресеклось, голос сводил с ума. Его хотелось слушать и слушать, а глаза видели другое, и это дикое несовпадение рвало её на части.

— Кто ты? — в ужасе прохрипела Лэми. — Дуга нет, я своими глазами видела взрыв!

— Краас отстрелил пустой глайдер. Так вышло, отключить защитный контур в бою не получилось. Пришлось разыграть показательное убийство.

Зря пришелец помянул Веру. Лэми вдруг обрела ясность мысли. Голос можно подделывать, а ёжик — и не такие тайны узнавали. Ища пути к отступлению, покосилась на дверь. Нет, она не станет показывать спину врагу. Дышать, только дышать. Выдержит, не маленькая. Пусть говорит. Главное понять, чего ему надо.

— Зачем? — изобразив на лице заинтересованность, спросила Лэми.

— Что, зачем, Лэми? — рептилия дёрнула головой. Это движение, передаваясь от чешуйки к чешуйке, волной пронеслось по телу пришельца.

Лэми едва удержалась, чтобы не скривиться:

— Зачем нужно было тебя убивать? — осторожно повторила она.

— Секретная разведывательная операция в тылу врага. Миссия «612». Послушай, времени у нас в обрез, дыхательная смесь через час закончится. Не успею вернуться в резервацию, точно умру. — Ей показалось, что рептилия усмехнулась совсем по-человечески. — Ну что ты там застыла, иди сюда, садись.

Лэми покорно опустилась на стул в полуметре от дивана. Скулы светло, клиптианин вдруг потянулся к ней своей омерзительной лапой, но вовремя одумался.

— Прости, — махнув перепонками, лапа вернулась на место. — Помнишь, через два дня после нашей свадьбы меня и Веру вызывали на Землю? Я ещё удивлялся, чего вдруг понадобилось выдёргивать из отпуска, помнишь?

Лэми кивнула.

— Вот тогда мне и сообщили о том, что я один из участников миссии. Приказ утверждён и подписан, моя скороспелая женитьба по сравнению с важностью операции в счёт не идёт. Мне объяснили, что по законам военного времени попытка уклонения влечёт за собой обвинение в дезертирстве, вскользь намекнув, что ты тоже военнообязанная. Ещё сказали, что в ходе операции придётся пожертвовать собой. Вроде как не этим я всё время занимался, — в голосе скользнули знакомые иронические нотки. — Я догадался, что миссия — билет в один конец, но и подумать не мог, что со мной сделают для её выполнения. О том, что будут перекраивать в клиптианина, узнал уже после выемки. Вера тоже получил приказ, должен был стать капитаном после меня. Знаешь, чего мне стоило вернуться к тебе и делать вид, что всё хорошо?

Новый кивок. Господи, только бы выдержать. Этого засланного казачка отлично подготовили к встрече.

— Нам не зря так хорошо платили за пленных, — продолжил он, не замечая, что с ней творится. Дуг понял бы сразу, он видел её насквозь. — Это называется целенаправленная мутагенезия. Год диких мучений в секрет-

ном военном санатории, и получается то, что ты видишь. Нас было триста, выжили чуть больше половины. Пока мы заново учились ходить, клиптиане, вместо которых нас всучили под видом передачи пленных, преподавали нам язык и натаскивали пилотировать подпространственные боты. Несмотря на кучу отбитых кораблей, нуль-переход никак не давался нашим учёным, а мутагенезия, в целях освоения дальних планет, разрабатывалась давно. Война затягивалась, ресурсы подходили к концу, начались брожения в массах. Спецслужбы придумали хитрый способ внедриться на Клипту.

— Но Клипта капитулировала.

— Ничего подобного! Клипта вымерла, мы были носителями смертоносного вируса, жаль только поняли это слишком поздно. Никто из «наших» не заболел. Я не знаю, кто из земных правителей принимал это дикое решение, но под миссию отбирали лучших из лучших. Теперь вот держат в резервации, точно преступников. Вроде как на свободе, а далеко не уйдёшь. Даже Сани со всеми его полномочиями не смог раздобыть мне дополнительную маску.

— Что ты сказал? — вскочила Лэми, терпение лопнуло. — Вы тут жрёте, пьёте, вам создают условия, а ты, мерзкая тварь, мало что играешь со мной в Дуга, так ещё и пытаешься настроить против собственной планеты? Завербовать пытаешься, да?

— Завербовать? Боже, какая глупость, — вскричал он, тяжело поднимаясь на задние лапы. — Я предупредить тебя пришёл. Совет миров поставил Земле ультиматум. Они требуют восстановить популяцию на Клипте, иначе грозятся принять жёсткие меры. Никто не знает, какие, но поджилки уже затряслись. Закавыка в том, что среди нас нет женщин. Клиптианки никогда не воевали, их хотят сделать из вас. Сани видел твоё имя в списках...

— Что ты несёшь? — прервав его на полуслове, Лэми одним прыжком оказалась у двери.

— Постой, дай договорить...

— Ну конечно — Лэми хлопнула дверью и тут же упёрлась в широкую грудь Сани.

— Остановись, послушай, я всё объясню, — пытаюсь схватить её за руки, быстро заговорил он.

— Хватит с меня объяснений. И ты повелся на эти дешёвые штучки? Совсем с ума сошел? Дай пройти или я за себя не ручаюсь.

Бывший друг отступил. Лэми помчалась к выходу. Успеть, только бы успеть. Лишь оказавшись на крыльце, она позволила себе оглянуться. В доме ни звука. Зачем за ней гнаться, вдруг шархнуло в голову, до глоссера добрых двести метров по карликовому саду, укрыться ей негде, аккуратно снимут из окна и концы в воду. Инком она оставила в машине, будто пуговица связи могла оттянуть карман. Сани знал эту её идиотскую привычку и явно не шутил, когда сказал, что рискует головой. Значит, терять ему нечего. Поверить невозможно! Она думала, война калечит людей, но что с ними делает мирное время? Время! Надо добраться до глоссера, другого выхода нет. Лэми сделала глубокий вдох, словно перед прыжком в воду, и помчалась навстречу поднимавшемуся из-за горизонта солнцу.

Стоило поднять машину в воздух, на экране замигала иконка Сани. Трезвонил без перебора, пока не загнала его в чёрный список. Переступив

домашний порог, отправила сообщение по красному коду. Ёрзая по дивану и до крови кусая губы, несколько раз переписывала донос. Вдруг вспомнилось, сразу после войны ей предложили набрать новую десятку. Лэми пыталась отстоять команду — ничего не вышло, по выслуге лет всем, кроме неё, пора было на заслуженный отдых. Отчаявшись, она подала в отставку и получила место в академии.

Ответ пришел через час. На связь вышла приятная девушка в строгом костюме, озвучила приказ командования прибыть в управление разведывательной службы к десяти часам, сказала адрес и отключилась.

Лэми примчалась, как вихрь. На проходной её встретила та самая девушка. Представившись координатором проекта, она препроводила именитую наставницу в тесную комнатушку, сказав, что прежде необходимо уладить некоторые формальности. На стол лёг документ о неразглашении информации строгой секретности. Пришлось подписаться. После этого сбитую с толку Лэми оставили наедине с голографическим экраном, на котором спустя минуты всплыла заставка: «Миссия 612».

* * *

Вернувшись из академии, Вера весь день провозился с цветными стёклышками в своей мастерской. Составлять витражи когда-то научил отец, теперь это трудоёмкое занятие спасало от осознания собственной никчёмности. Жена отыскала его и там, высказала всё, что наболело по поводу сына и, громко хлопнув дверью, уехала к сестре. Мио ушел не прощаясь. Пришлось праздновать победу в одиночестве.

Давно он так не напивался. Опорожнил три бутылки и начал четвёртую, изливая душу в безмолвие опустевшего дома. Потом долго рвал желчью. Утром обнаружил себя на коврикe в отхожем месте. Самое оно для блестящего пилота, которому прочили капитанские крылышки, а потом бортанули, оставив почётным пенсионером в самом расцвете сил. Краас насилу засунул себя под струи холодного душа, выпил крепкий чай и до вечера завалился в постель.

Снилась какая-то жуть. Глайдер окружили вражеские боты, тянувшие его на магнитном аркане. Вера не мог заставить себя сбросить давление, ведь наши пилоты в плен не сдаются. Одновременно сторал от стыда и бешеного желания жить. Пусть даже рабом на Клипте, вращавшейся вокруг голубого гиганта на окраине Большого Магелланова Облака. У чёрта на рогах, хоть где, только бы жить! Он зажмурился, готовясь отдать машине последний приказ.

Настырная трель инкома вырвала из кошмара. Вера натянул на себя шорты, свежую футболку и поплёлся в зал отвечать.

— Привет, старина. Что такой помятый?

— Да надрался вчера... Печень в отставку подала. Ну что, увиделся с Лэми?

— Да ну, лучше бы не лез. Представляешь, она решила, что это заговор клиптианских врагов. Видите ли, в дыхательной маске и под двойной нагрузкой я плохо разыгрывал Дуга, — он помолчал немного. — Только Сани под монастырь подвёл. Я и подумать не мог, что Лэми так ожесточится.

— А что ты хотел? Сколько лет она считала тебя мёртвым? Ожесточишься тут поневоле. Я тоже вчера к ней ходил, пытался поговорить о Мио. Куда

там, отделала под орех, — развёл руками Вера. — Погоди, я перезвоню, тут кого-то в гости принесло, на ночь глядя.

На пороге топталась бледная, как смерть Лэми:

— Можно к тебе? — проговорила одними губами.

— Конечно, заходи. Ты получила доступ? — догадался Краас.

— Ага, получила. На меня будто дом свалился, Вера... Прости?

— Да ладно, не парься.

— Мио будет учиться у меня. Думаю, ему уже сообщили. Нальёшь чего-нибудь покрепче?

— Запросто, капитан. — Краас провёл гостью в зал, усадил на диван и, прежде чем отправиться в кухню, незаметно отправил вызов.

— Ну что, справовал своих гостей? — продолжил разговор Аррах и осёкся, разглядев, кто сидит напротив.

— Господи... — прошептала Лэми, подхватываясь с места. Подошла к экрану и стала ощупывать изменившееся до неузнаваемости лицо, будто слепая. Изображение расплывалось под пальцами, но восстанавливалось, стоило отдернуть руку. По щекам текла солёная горечь.

— Ну-ну, малыш, не надо, — подавился словами и потянулся перепончатой рукой, сляясь дотронуться до мягких иголок волос.

— Я... я... — задохнулась Лэми.

— Теперь знаешь правду, — кивнула рептилия. — Сани говорил, что ты до сих пор одна, что каждый год надеваешь то самое платье... честно скажу, это здорово держало меня на плаву все эти годы. Пока Эргмонт не обнаружил твоё имя в списках на мутагенецию, я и не думал тебя тревожить. Что за муж в виде уродливой ящерицы, — он горько усмехнулся, — прости, что напугал тебя. Сам испугался до чёртиков, представив, что ты можешь и согласиться. Тебе уже предлагали?

— Стать клиптианкой? Да. Не просто предлагали, всучили договор...

— Не смей ничего подписывать, слышишь? — вскочил с места Дуг, — ты и представить не можешь, что это такое.

— Представляю, я видела ролик. Страшновато, честно сказать.

— Страшновато? — протянул Аррах. — Страшновато это поначалу, когда кожа зудит так, что сорвал бы её с себя с огромным удовольствием, а руки обездвижены — не почесать. Лежишь и дёргаешься в конвульсиях на гравитационной подушке в коконе стерильной барокамеры, куда нет доступа ничему живому, потому как малейшее заражение — смерть. Щупы робота обматывают тебя компрессионной тканью, но легче становится на минуты. Часами орёшь благим матом. Потом кожа начинает слезать с тебя пластами, вот тогда и превращаешься в сплошную открытую рану. Гной течёт отовсюду, даже из глаз. Тело выворачивает наизнанку, кости суставы, всё. Обезболивающие, что мёртвому припарка. Вдобавок, задыхаешься, потому как процесс изменений достиг того уровня, когда земная атмосфера становится отравой. Дыхательную смесь всё время меняют, а ты все одно страдаешь от удушья. Перестаёшь понимать кто ты, что ты, зачем ты? Отключаешься по шесть раз на дню, а тебя втаскивают обратно в гниющее заживо тело и просят потерпеть ещё немного. Ещё...

— Почему у тебя губы не двигаются? — накрыв ему рот ладонью, спросила Лэми.

— Ах-ха, ты только заметила? Я говорю с тобой через динамик, гортань клиптианина не может воспроизводить человеческую речь.

— Скажи что-нибудь по-клиптиански.

Дуг приподнял голову, изо рта высунулся тонкий синюшный язык. Послышались отрывистые шелчки.

— Ух ты! — хлопнула в ладоши Лэми. — Расскажи, как там на Клипте?

— Не хуже, чем на нашей старушке, только всё по-другому. На материках сплошные озёра, деревья огромные, солнце ярче. Правда, солнечный день для них стихийное бедствие, зато когда идут дожди, а они там случаются часто, все нежатся в струях воды, точно как мы на пляже. У клиптиан нет городов, живут в природных гротах, освещённых радужной слизью. Живут и не пересыхают, ну так там говорят. Говорили, пока не явились мы. Теперь там горы иссушенных трупов. Самое страшное, что клиптианам вовсе не нужно было нас завоёвывать.

— То есть как?

— А вот так, линкор был чистой провокацией. Вообще клиптиане — нация очень древняя и высокоразвитая. Они могли сделать нас одной левой, но сражались на нашем уровне. Для них война нечто вроде соревнования или инициации для клиптианских мужчин. Ты не представляешь, в каком почёте там опытные воины. Думаю, Совет миров использовал эту их особенность для проверки на вшивость нашей цивилизации.

— Вот как? — хмыкнула Лэми. — И мы этой проверки не прошли?

— Да кто его знает, — он осёкся, мотнул головой. — Эй, погоди. Вот бесовестная, как ловко сменила тему разговора, а я и растрепался на радостях... Так что там с договором, Лэми?

В комнате повисла напряжённая тишина.

— Лэми? — вновь воззвал Аррах.

— Дуг, я всё подписала, — выдохнула она. — Проект рассчитан на пять лет, как раз успею выпустить группу.

— Откажись! Немедленно откажись. Они не могут тебе приказать.

— Пожалуйста, не волнуйся. Я выживу, я очень постараюсь, правда. Что мне здесь без тебя?

— Лэми...

— Хватит об этом, — в голосе зазвенела сталь.

— Ёлки, Аррах, меня б так любили, — вклинился в разговор Вера, разливавший по стаканам скотч. — Ну что, капитан, за любовь, чтоб её.

Чокаясь, Лэми заметила, что глаза у нападающего на мокром месте, и вся подобралась.

— Блин, я даже напиток теперь не могу, — злобно процедил Дуг.

— Завидуй молча, — махнул на него Вера. — Жаль только, Сани теперь посадят, вечно этот рыжий чёрт за всех отгребает.

— Не посадят, — возразила Лэми. — Я его имени не называла.

— Аррах, я говорил, что твоя жена — умница. Вот, снова повторяю. Кстати, а не позвать ли Эргмонта на наш сабантуйчик?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спустя три года капитан прославленной боевой восьмёрки, герой Клиптианской войны Лэми Арах погибла при странных обстоятельствах. Глайдер именитой наставницы на выходе из шахты зацепился за заклинившие крепления и взорвался на взлёте. Машину разнесло в пыль.

Об авторе

Настоящая фамилия — Романько-Косая. Родилась в 1976-м в Барнауле. Далее жила на Украине в городе Николаеве. После средней школы поступила в НГУК, диплом режиссера культурно-массовых мероприятий. С 1994 года артистка балета Николаевского академического театра драмы и музыкальной комедии. С 2013 года Анна является редактором альманаха фантастики «Астра Нова» и с недавнего времени журнала «Эдита» Гельзенкирхен.

Первая фантастическая повесть «Неправильный танец снежинок» написана в 2002 году, когда Анна уже переехала в Израиль. Рассылкой своих произведений не занималась, писала «для души». В 2009-м получила предложение опубликовать рассказы в сборнике «Десятка» Харьковского издательства «Умная книга». Рассказ «Глазунья» опубликован в № 10/2011 журнала «Люблю читать», мистический рассказ «Лиза» — в № 5/2012 в «Искателя Укараины» и в № 3/2014 «Смены», там же «Плюшевый мишка» — № 3/2015. В сетевом журнале Павла Амнуэля «Млечный путь» опубликованы НФ рассказы: «Садовник», «Перст указующий» и «Бессмертные отметить», а также фантастическая повесть «Корабль в море Спокойствия», написанная в соавторстве с Кириллом Берендеевым. Мистический рассказ «Неёлыч» опубликован в № 7 за 2014 г. журнала «Эдита inzensiert». Рассказы «Длинный день» и «Дельфин» опубликованы в № 59 за 2015 «Эдита» Гельзенкирхен. В № 2 за 2015 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «История одной кочерги».

Полина Потанина

Детское сердце Саламо

1 день

— Димка, ты посмотри какая красота. — Влад раскинул руки и вздохнул полной грудью. — Давно я такого леса не видел, даже на Земле.

— Влад, давай ящики таскай. А то спать на травке будешь. Лес твой до завтра никуда не уйдёт.

— Димка, не нуди, на такой травке и поспать не грех. Я бы, например, с удовольствием, — ответил Влад, но ящики таскать пошёл.

Шлюпка была забита ими под завязку. Свободными оставались только кресла экипажа и узенькая дорожка к выходу. Нарушение инструкций, конечно, зато не пришлось два раза на орбиту мотаться.

Прогалина, на которой приземлилась шлюпка, одной стороной примыкала к скале, а с трех других была окружена лесом. Джунглевый лесом — многоголосым и разноцветным.

— Тут должны быть крупные хищники, — заметила Хельга при сборе навеса. — Влад, принеси, пожалуйста, ящик с НДА-4. Он вон, у трапа слева. Дим, может, защитный периметр поставим?

— Нет. Тут недалеко племя обитает. Если они к нам придут и на периметр наткнутся, может некрасиво получиться. Капитан Стасову это не понравится, — ответил Димка, затягивая винт стойки навеса.

— Это точно. Очень не понравится, он будет в гневе. — Влад поставил ящик у ног Хельги. — Периметр лучше следящий. Крупные хищники тут вряд ли есть, раз племя рядом. Зверьё людских поселений не любит.

— Как хотите, — пожал плечами Хельга и присела перед ящиком. Ей не нравилось, когда с ней не соглашались. — А что капитан Стасов говорил по поводу контакта с племенем?

— Ничего. — Димка пожал плечами. — Что он должен говорить? Нужно следовать инструкциям, как и всегда. — Дима разворачивал на траве полотно полога. — Самим к ним не лезть. Если они к нам придут — вести себя тихо-мирно, спокойно-вежливо. Не пугать, не проявлять агрессию. Но это — по возможности. Влад, иди сюда. Давай накинём.

Они подняли с травы край почти невесомого серебристого полотнища. Легкий ветер сразу подхватил его, расправляя по ветру. Влад с Димой накинули его на купол каркаса. И полог образовал крышу и две стены навеса.

Димка и Влад по периметру защелкивали маленькие карабины, удерживающие полог на каркасе.

— А устанавливать контакт нам разрешено? — не отставала Хельга.

— Если аборигены к нам придут, то придётся. — Дима пощелкал пультом управления и отложил его в сторону. — Кстати, нам кроме биологической и геологической информации, рекомендовано, по возможности, антропологическую собрать.

— Ну, всё как обычно, — усмехнулся Влад. — Что найдём, собираем в кучу. Чем куча больше, тем лучше будет...

К вечеру всё успели сделать. И аппаратную под навесом организовать, и жилой модуль развернуть. И периметр поставили, настроили и замаскировали.

Хельга даже тестировку дронов успела провести.

Влад, как белый человек, лег спать на кровати, но уставший был, как негр с плантации.

4 день

Погода была отличная — солнце светило, легкий ветерок приносил запахи джунглей и травы. Завтракать, не стовариваясь, опять устроились под навесом.

— Влад, ты герметизацию починил? — спросил Дима.

— Да. — Влад взял пульт и нажал на кнопку. С крыши навеса на открытые стенки с шелестом упали пологи-шторы и притянулись к направляющим пола и стойкам каркаса. Послышался тихий свист накачки воздуха. Запахи леса исчезли. Стало сумрачно.

— Ну, перестаньте, — сказала Хельга. — Обязательно сейчас демонстрацию устраивать? Влад, дай хоть кофе спокойно допить.

Влад еще раз нажал кнопку на пульте, и шторы, образовывавшие две стены, быстро поднялись.

— Спасибо, — сказала Хельга и налила себе еще кофе.

Дима спросил:

— В чем было дело?

Влад улыбнулся:

— В пульте было дело. Там сигналка перегорела. Только я этого сначала не знал и все цепи здесь прозвонил. А потом только про пульт подумал.

— Зато ты теперь уверен, что все работает нормально. — рассудительно сказала Хельга. Потом неожиданно заявила, — мне тут не нравится. Планета слишком комфортная. Добренькая такая. Как будто притворяется. А у нас, как прилетели, сплошные поломки и ЧП.

— Да ну, Хельга, — не согласился Влад, — не преувеличивай. Всегда что-нибудь да сломается, пока станцию разворачиваешь. Аппаратуры-то вон сколько...

— Влад прав, Хельга. Не такая уж эта планета добренькая. Двенадцатую группу вчера ночью снегом завалило. Они утром из шлюпки выйти не смогли. — Дима налил себе вторую чашку. — Обычная планета. Нам просто курортное место досталось. — Дима помолчал. — Правда, у меня со вчерашнего дня появилось стойкое ощущение, что за нами следят. Скорее всего,

скоро пожалуют гости. Я говорил с капитаном. Он рекомендовал вести себя аккуратно. Отчеты о контакте с местными отсылать каждый вечер.

— Ну ты, Димка, пророк. — рассмеялся Влад, — смотри, какая к нам делегация шествует.

Дима обернулся — из леса выходила группа аборигенов. Впереди шел мужчина в возрасте: представительный, крепкий, даже кряжистый. Он был одет в рубаху с узорами и нашивками и просторные штаны. В его облике было что-то внушительное, авторитетное.

«Точно вождь», — подумал Влад. — «Ух, какой серьезный. Настоящий».

За вождем шли двое мужчин с копиями — то ли охрана, то ли эскорт. И кто-то худощавый, в светлой безрукавке и штанах брел последним.

Где-то посередине между кромкой леса и навесом аборигены остановились. Худощавый сразу подошел и встал слева от вождя.

«Помощник, что ли? Ага, по контактам с инопланетянами», — усмехнулся про себя Влад.

Дима поднялся из-за стола и пошел навстречу делегации, на ходу включив наушник связи с компьютером шлюпки. Влад и Хельга тоже встали. Солнце било в глаза, и Влад шурился.

Подходя, Дима сразу протянул руки ладонями вверх, показывая, что у него нет оружия. Помощник вождя сделал тоже самое.

Потом Дима ткнул пальцем в небо, а затем себе в грудь. Помощник хлопнул в ладоши, ткнул пальцем в небо, а потом в грудь вождя. Вождь тоже хлопнул в ладоши и, отодвинув помощника, протянул руки Диме. Дима тоже протянул руки. Вождь взял правой левую руку Димы за запястье и несильно сжал, сказав какую-то недлинную, очень мелодичную фразу, разнял руки и отступил на шаг назад.

После чего помощник начал что-то говорить и показывать руками.

Дима пытался отвечать универсальными жестами, но половина из них, похоже, не срабатывала. Хотя было видно, что помощник пытался Диму понять и даже объяснял что-то вождю. Вождь был на редкость терпелив и тоже пытался что-то сказать. Помощник размахивал руками, помогая ему. Дима старательно соглашался и тоже пытался отвечать. Так продолжалось минут двадцать. Потом делегация ушла, а Дима вернулся под навес.

— Мы о чем-то договорились, — сказал он, садясь на свое место за столом, — но я не совсем понял, о чем. Кажется, они придут через два дня, и мы будем говорить. Но я могу ошибаться. — Димка залпом допил остывший кофе. — Я думаю, ответный визит в их деревню наносить не стоит. Но пару дронов надо отправить. Пусть проведут скрытную съемку. Может, я тогда пойму, что они хотели сказать.

— А что мы будем делать сегодня? — спросила Хельга. Димка посмотрел на нее непонимающе:

— Работать. Что на сегодня запланировано?

— А разве не стоит установить защитный периметр?

— Не вижу необходимости. Тут нет хищников — мы же убедились.

— При чем тут хищники? — возмутилась Хельга. — Периметр нужен от этих, от дикарей. Они нас не боятся, а значит, могут напасть.

— Хельга, я не вижу никаких предпосылок для этого. Они вели себя миролюбиво, без агрессии.

— Но ведь могут повести и агрессивно.

— Успокойся! — Димка слегка повысил голос. — Хельга, это уже паранойя, возьми себя в руки. Приказ на сегодня — продолжить выполнение программ исследований. Всё без изменений.

— А если дроны что-нибудь увидят? — Хельга не унималась. — Военные приготовления, например?

— Хельга, прекрати! — прикрикнул на нее Дима. — Ничего не случилось...

— Когда случится, поздно будет! — перебила его Хельга.

— Отставить, я сказал! — Димка хлопнул ладонью по столу. Повисла нехорошая пауза.

Нарушил ее Влад:

— Хель, ты действительно того... успокойся. Видно же, что они миролюбиво настроены. И вон какие терпеливые. А могли бы Димке и по шее дать за то, что он на их языке говорить не хочет. — Хельга на него только глазами сердито сверкнула.

Влад повернулся к Диме:

— Слушай, а действительно, чего это они даже не испугались? За богов нас не приняли. За демонов. Пришли, как будто к ним гости из космоса каждую неделю прилетают, а?

— Не знаю. — Дима пожал плечами. На Хельгу он не смотрел. — Потом разберемся.

— На корабль об этом надо сообщить, пока не поздно. — буркнула Хельга.

— Хель, не ерунди. — Влад укоризненно покачал головой.

6 день

Вождь пришел без воинов за спиной, но с двумя мальчиками-подростками и давешним помощником в светлых штанах и безрукавке.

Дима вышел из шлюпки к нему на встречу, включив наушник связи с компом, — нужны были материалы для лингвистической программы. Но вождь, указав на двух мальчиков, сказал что-то мелодичное, короткое и, как показалось Диме, торжественное и ушел.

Помощник, оставшийся с мальчиками, начал что-то объяснять, помогая себе руками. Подошедший Влад понял первым:

— По-моему, он хочет, чтобы мы научили их говорить с нами!

— Вот как? — Димка удивился и покачал головой. — Ай да вождь...

Правильно решил.

Дима увел всех под навес. Там мальчики робко, но с большим интересом потрогали руками стол, стулья, стойки навеса, ткань полога, ящики, фонари, кожухи приборов. Все очень аккуратно, кончиками пальцев. Потом их посадили за стол. А помощник вождя, быстро оглядевшись, сел недалеко от них возле стены. На предложение сесть за стол никак не отреагировал.

— Влад, не настаивай, не надо, — сказал Дима. — Он, похоже, здесь в качестве наблюдателя.

Когда все расселись, выяснилась одна вещь...

— Так, — сказал Дима. — Кто кого будет учить?

— В смысле? — не понял Влад.

— Мы учим их руслингу или нам надо выучить их язык? — пояснил Дима.

— Дим, — сказала шагнувшая под навес Хельга. — Я думаю, что надо и то, и то делать. Так правильной будет. Безопаснее.

В этот день только более-менее научились выговаривать имена друг друга. Выяснилось, что мальчиков зовут Леаигаин и Уаимиан. В именах было двойное ударение — в начале второстепенное, а в конце — главное. Влад, умеющий играть на гитаре, уловил это ухом музыканта и смог произнести имена правильно — ЛеаигаИн, УаимиАн. Впрочем, мальчишки были снисходительны, и после того, как все помучались с их именами, представились более короткими. Леаигаин назвался Гаи, а Уаимиан — Ими.

Имена землян у мальчишек вызвали большое оживление.

Звука «х» в их языке похоже просто не было, а согласные не ставились рядом. Поэтому Хельга превратилась сначала в Еляга, а потом и в просто — Еля с придыханием в начале.

Имя Дима для мальчишек явно что-то означало. У них не всегда получалось его правильно произнести, они постоянно добавляли слоги: ди-ма-ди-ма-ди.

С именем Влада были самые большие проблемы. В нем и согласные звуки стояли рядом, и согласная была в конце. Без гласной произнести ее у мальчиков никак не получалось Влад постепенно превратился в Лади, а потом в Лаа.

Неожиданно помощник вождя, про которого все забыли, поднялся и что-то сказал. Гаи указал на него: «СалАмо». На чем первое занятие и закончилось.

Мальчики встали из-за стола, помощник еще что-то произнес, прижав правую ладонь к левой стороне груди, и вся троица пошла к лесу.

7–10 день

Мальчики и Саламо приходили по утрам после завтрака.

Постепенно выяснилось, что повторять то, что говорит Хельга, мальчикам проще всего. Наверно потому, что у них самих голоса были еще детские, достаточно высокие.

А вот Влад лучше всех слышал и повторял переливы чужого языка. Его попытки говорить правильно очень веселили мальчишек, но они достаточно терпеливо повторяли для него раз за разом одни и те же слова и фразы.

Их язык для уха землянина звучал как бесконечная мелодия.

Дима, поняв, что тут и без него прекрасно обходятся, самоустранился. Программу исследований надо было выполнять, а информацию собирать и передавать.

Видео съемки уроков с мальчиками отсылали на корабль каждый вечер. Ждали их с нетерпением. Ни одна из остальных девятнадцати групп, высаженных на планете, контакта пока не удостоилась.

11 день

— Мальчики учатся довольно быстро, — сказала Хельга за завтраком. — Я вот думаю, может им на экране показывать картинки? Так проще будет.

— На экране? — Дима задумался, а потом сказал, — Не стоит. Нам почти не известна их физиология. Механизма их зрения мы не знаем. Изображение с экрана может им навредить или напугать их.

— Ну, тогда мы погуляем немного. Хорошо? Пусть они показывают что-нибудь, а я буду называть.

— Ага, — подхватил Влад. — И пусть они тоже называют. Я с вами!

— Хорошо, — кивнул Дима. — Не забудьте взять камеру.

Решено было пройти вдоль скалы. Мальчики и Саламо были не против.

Влад взял с собой блокнот и многоцветный маркер. Камеру он прикрепил на кепку. Хельга прихватила контейнер для образцов.

Шли медленно, постоянно останавливаясь и отвлекаясь на все подряд. Саламо шел последним, молча поглядывая вокруг.

Ими и Гаи пришли в восторг, когда увидели, как Влад зарисовывает небольшую птицу. И стали показывать, что еще, по их мнению, стоило нарисовать.

Потом Ими схватил Хельгу за руку, не дав сорвать с какого-то куста гроздь белых ягод. После чего изобразил целую пантомиму, как он их срывает, ест, хватается за голову и падает на землю.

— Похоже, они ядовитые, — заметил Влад.

— Но я же не собираюсь их есть, — ответила Хельга.

— Хель, мальчики думают, что если ты их срываешь, то хочешь съесть. Сейчас ты им ничего другого не объяснишь. Давай, я их тебе потом принесу, ладно?

Хельга молча согласилась.

Прогулка вышла славной, не недолгой.

Прервал ее Саламо. И в довольно резкой форме, как выразился Влад:

— Понимаешь, Дим, — рассказывал он вечером, — ничего особенного не происходило. Мы пошли вдоль скалы, и дошли до небольшого водопада. Просто шли. Тыкали пальцами во что-нибудь и говорили, как называется. Кстати, — приснул он вдруг, — «ди-ма-ди-ма-ди» — это одна небольшая птица так кричит. Желто-серая, на сову похожа.

— А что у водопада случилось? — спросил улыбнувшийся Дима.

— Так в том-то и дело, что ничего. Или я что-то не понял. — Влад развел руками. — Хельга забралась немного вверх по стенке возле водопада, что бы образцы взять. Там цвет камня другой. А Гаи за ней полез. Тут Саламо на него как рывкнет. Гаи тут же слез. Саламо развернулся и молча ушел. И мальчишки за ним.

— Может, это место неприкосновенное, запретное? — предположил Дима.

— Не думаю, — помотал головой Влад. — Почему тогда Саламо Хельгу не остановил?

— Непонятно, — задумчиво произнес Дима. — Надо будет у него спросить.

— Нет, — уверенно сказал Влад. — Он не ответит. Ему положено за мальчиками следить, а не с нами разговаривать.

— Это да, — усмехнулся Дима.

20 день

После двух дождливых дней завтракать под навесом было очень приятно. Ветер пах речной водой.

— Сегодня мне капитан Стасов сообщил, что Ворожейко вернулся на корабль изучать наши материалы. — Дима смотрел на Влада и Хельгу, улыбаясь. — Причем, заинтересовали его в первую очередь записи ваших занятий с Ими и Гаи.

Ворожейко хотя и был руководителем всей научной экспедиции, но до последнего времени работал с девятой группой где-то в экваториальных горах.

Дима продолжал:

— Ворожейко просил передать вам, что бы вы уделяли больше внимания характеристикам предметов, явлений и действий.

— Прилагательным, что ли? — хмыкнул удивленный Влад.

Дима пожал плечами.

— Я только передаю его слова. Он сказал, что в той схеме языка, которая сейчас выстраивается по нашим материалам, есть явные несостыковки.

— Прилетел бы сюда, сам и разбирался, — сказала Хельга. — Мы же не лингвисты. У нас и свои программы есть.

Дима не ответил.

— А знаете, что я заметил? — задумчиво сказал Влад. — У наших мальчишек интересная жестикуляция. Одни и те же жесты они делают разными руками. И в зависимости от этого у жестов разная окраска.

— А точнее? — Дима заинтересовался.

— Жесты, сделанные правой рукой — это то, что серьезно, реально, весомо... — Влад не знал, как лучше объяснить. — А жесты левой руки — это шутка, насмешка, преуменьшение. То, что как бы несерьезно. Или не совсем то, что жест изображает.

— Не понял, — Дима покачал головой.

— Ну, понимаешь, если бы Ими сидел за столом, встал и прощально помахал правой рукой, то он сразу бы ушел. А если левой — то это была бы просто шутка.

— Это интересно. — Дима чуть задумался. — И, скорее всего, важно. Влад, напиши подробный отчет на эту тему. Я думаю, Ворожейко эта информация пригодится.

— А мне кажется, Влад ошибается. — заявила Хельга. — В эту схему не укладываются как минимум два жеста.

— Это какие? — повернулся к ней Влад.

— Вот эти, — Хельга приложила правую ладонь к левой стороне груди, а потом левую ладонь к правой.

— А чем они различаются? — спросил Дима.

Влад принялся объяснять:

— Первый идет как бы от сердца. Он означает: «Спасибо большое, я вам сердечно признателен». А второй идет скорее от рассудка: «Я признаю ваши заслуги, примите дань уважения». Почему такое различие, и откуда оно взялось, я не знаю, — Влад допил чай и поставил кружку. — Напишу все в отчете — пусть Ворожейко сам разбирается.

31 день

— А мне этот Саламо не нравится, — заявила Хельга за ужином.

С утра шел дождь и похолодало. Поэтому ужинали в жилом модуле.

— Почему? — удивился Дима.

Саламо, когда приходил с мальчиками, всегда садился в уголке и либо просто сидел, либо делал какую-то мелкую работу. Плел что-нибудь или вырезал. В разговоры он никогда не вступал, на вопросы не отвечал. Только когда мальчишки начинали откровенно баловаться, он мог сказать пару фраз, и они притихали.

Хельга дернула плечом.

— Когда мы с мальчиками гуляем, он никогда не дает им побегать или попрыгать.

— Точно, — подтвердил Влад. — И прогулки у нас короткие. Саламо их всегда прерывает. Когда мы пошли к реке, и по дороге сделали привал, он велел ребятам лежать на земле минут двадцать, не вставая.

— И поэтому он вам не нравится? — усмехнулся Дима.

— Да, — сказала Хельга.

— Нет, — сказал Влад. — Не в этом дело. Мне непонятно, почему он так делает. Я пытался мальчиков спрашивать, но они толком ничего не сказали. Или я их не понял. Может, они чем-то больны, а мы не знаем?

— Нет, — покачал головой Дима. — Я просматривал видео с дронов. Так вот, в деревне наших аборигенов почти не было бегающих детей. — Он задумался и уточнил, — Вернее, я не видел больших бегающих детей. Мальшня бегают, прыгают — все как положено. А вот дети постарше, особенно подростки...

44 день

Хельга ворвалась под навес, как фурия.

— А я говорила! Я вас предупреждала! — Волосы Хельги были растрепаны, в глазах стояли слезы ярости. — Ваши добренькие дикари! Миротлюбивые и терпеливые! Вот вам! — Она швырнула на стол перед Димой видеопланшет. — Это! — она ткнула в планшет пальцем, — убийство! Жестокое, безжалостное, беспричинное!

Дима отложил в сторону тестер и поднял планшет.

— Хеленька, ты только успокойся... — Влад попытался приобнять ее за плечи и усадить. — Может, водички?.. Давай спокойно разберемся...

Хельга гневно оттолкнула его руки:

— Тут не в чем разбираться! Мальчик просто запнулся и упал! А этот.. Подонок!.. Ножом его!.. Спокойно так... И нож об траву вытер!!

Хельга рухнула на стул и разрыдалась.

— Влад, дай ей воды. — Дима нажал повтор записи.

Это было видео с дрона. На экране была видна широкая тропа, ведущая к деревне. По ней шли подросток и взрослый мужчина. Они о чем-то разговаривали. Вдруг подросток запнулся, упал и остался лежать лицом вниз. Мужчина склонился над упавшим и перевернул его на спину.

Дальнейшее было не очень хорошо видно. Дрон вел съемку сверху и чуть со стороны, из кроны дерева. Когда мужчина присел и начал то ли ощупывать, то ли обыскивать лежащего, его спина почти скрыла тело подростка. На экране были видны только ноги упавшего в потрепанных травяных сандалиях.

Мужчина, закончив осмотр-обыск, снял с пояса нож и что-то сделал с упавшим. Что именно — земляне не видели.

Вытерев нож об траву, мужчина повесил его на пояс. Поднялся, взял подростка на руки и зашагал в сторону деревни

Когда он повернулся боком к зрителям, стало видно, что голова подростка безвольно мотается из стороны в сторону, а по рубашке на груди расплывается большое красное пятно.

— Теперь вы убедились? — Хельга, гневная и зареванная, смотрела на Диму и Влада. — Они убивают детей. Они, наверное, вообще людоеды. Вы видели, какой он был спокойный и деловитый? Даже по сторонам не оглянулся. Будто все так и надо.

Дима очень аккуратно положил видеопланшет на стол:

— Мы не располагаем всей информацией и не можем делать выводы.

— Какая тебе еще информация нужна?! — вскинулась Хельга.

— Тобой сейчас управляют эмоции.

— Конечно, управляют. А разве на такое можно смотреть спокойно? наших мальчиков надо забрать на корабль, здесь им угрожает опасность!

Дима поймал взгляд Хельги:

— Мы не будем никого никуда забирать. Не зная всей ситуации, мы только дров наломаем.

— Спасти детей — это наломать дров?! — возмутилась Хельга.

— Возьми себя в руки. Даже если ими похож на твоего сына, это не повод устраивать истерики!

— Ты... Ты... — Хельга задохнулась от возмущения. — Ты бесчувственный болван! — Она резко встала и ушла в шлюпку.

45 день

Когда мальчики с вождем и с Саламо ушли, земляне устроили небольшой совет.

— У меня две новости. — сказал Влад. — Вождь приходил, чтобы поговорить. Вроде мы друг друга поняли. Мальчишки очень помогли. Теперь нам разрешено приходить в деревню. Это первая новость.

— О чем конкретно вы говорили? — спросил Дима.

— Я сказал ему, что мы пришли с неба. Оказалось, они знают, что их солнце — это одна из звезд. Я ему сказал, что около других звезд есть другие земли, где мы и живем. Еще я сказал, что мы только хотим узнать о его земле, что мы скоро уйдем. Он спросил, не Хранитель ли я? Я сказал, что только собираю знания для Хранителей. Тут он меня спросил, когда я стал мужчиной? Я сказал, что мужчина с рождения. С этим вопросом надо будет еще разобраться — мне кажется, он что-то имел ввиду вполне конкретное. Но я не совсем понял, что. — Влад пожал плечами и продолжил рассказ:

— После этого вождь сказал, что мы мудрый народ, и что он приглашает нас на праздник Рождения Мужчин. Это вторая новость. Праздник состоится завтра, начнется в полдень. За нами придет Саламо и проводит.

— Ну, конечно, кто же еще, — пробурчала Хельга.

Влад глянул на нее:

— Кстати, Хельга, женщин племени на этот праздник не допускают, но тебя, раз ты из мудрого народа, приглашают.

— Какое великодушие! — фыркнула Хельга.

— Надо будет сообщить обо всем на корабль. — задумчиво сказал Дима. — Такие праздники могут многое рассказать о народе, многое объяснить. Хельга, завтра отправь, пожалуйста, пару дронов с утра, хорошо?

— Хорошо, — буркнула Хельга, не глядя на Диму.

— Я видеокамеру возьму, — сказал Влад.

— Обязательно, — кивнул Дима. — И проверь наши поммуникаторы. Связь с кораблем будем держать постоянно.

46 день

Саламо пришел за землянами около полудня. Он проводил их к поляне, недалеко от деревни.

Там уже собралось все мужское население племени.

Землян, как почетных гостей, усадили по правую руку от вождя. По левую руку от него сидел Саламо и какой-то старик.

Праздник начался с рокота барабанов. На середину окруженной воинами площадки вышли пятеро старейшин. Вождь встал и что-то сказал. Влад перевел:

— Он говорит, что пусть старейшины отберут тех, кому пора стать мужчинами.

К старейшинам стали один за другим подходить подростки, и те тщательно осматривали каждого мальчика. Изучали глаза, теребили волосы на голове, прикладывали ухо к груди, разглядывали пятна на спине, которые у аборигенов играли роль веснушек.

Некоторых подростков отправляли за край поляны, а некоторых оставляли в круге воинов.

— Вот эти мальчики, которые в круге, станут мужчинами. А остальные не подошли, — объяснял Влад. — Смотрите, Ими и Гаи тоже в круге остались.

Вождь снова встал, поднял руку и произнес несколько фраз.

Влад перевел:

— Вождь поприветствовал будущих воинов и велел напоить их соком восьми плодов. Сказал, что это даст им силы для рождения.

Пока подростки пили, были принесены целые охапки едко пахнувшей травы. Ее разложили на земле в несколько слоев.

На это ложе старейшины уложили мальчиков.

Вокруг лежащих подростков воины племени встали в круг и запели протяжную, многоголосую, красивую песню.

— Я плохо разбираю слова, но, кажется, они желают счастливого рождения ребятам и обещают ждать их, что бы они встали рядом с воинами как воины, — перевел песню Влад.

Потом некоторые из воинов подошли к лежащим на траве мальчикам и подняли над ними копья с очень тонкими длинными наконечниками.

Вождь встал, пропел какую-то торжественную фразу. Тут же резко загремели барабаны.

Они грохотали так громко, что земляне не сразу услышали начало новой песни. Песни-гимна. Ее пели все: вождь, старейшины, воины. Ее ритм был тревожный, мелодия — зовущей.

Песня все нарастала и уже перекрывала грохот барабанов. И на самом пике громкости воины, стоявшие над мальчиками, одновременно ударили копьями, коротко ткнув в грудь каждому подростку с левой стороны.

Влад пытался разобрать хоть немного слова гимна и перевести их, поэтому не сразу понял, что произошло. А Дима уже валил на землю кричащую и бьющуюся Хельгу. Гимн звучал, барабаны гремели, и никто не обратил внимания на землян. Дима с Хельгой, борясь, перекатились пару раз по траве, после чего Дима встал, а Хельга осталась неподвижно лежать на земле. Барабаны и гимн становились все тише.

— Я ее выключил на время — сказал побледневший Дима. — Но через полчаса она придет в себя. Я думаю, нам сейчас лучше уйти. Извинись перед вождем, сможешь? — Димка тяжело дышал — Как придем, я свяжусь с кораблем и поговорю со Стасовым и Ворожейко. Попрошу разрешения на досрочное возвращение.

Дима резко развернулся, поднял Хельгу на руки и пошел с ней по тропинке к шлюпке.

Влад стоял оглушенный. Барабаны стихли, песня-гимн умолкла. Воины затаили какую-то лирическую песню и стали к ногам каждого из убитых мальчиков складывать подарки.

Влад подошел к вождю и, не глядя на него, поблагодарил за приглашение на праздник объяснив, что их женщине стало плохо. Поэтому они уходят к себе.

Вождь благосклонно кивнул и сказал, что женщины не так мудры, как мужчины. И что он завтра к ним сам придет и у них будет важный разговор.

С чем Влад и ушел.

47 день

Рано-рано утром, когда Влад сидел и накачивался кофе под навесом аппаратной, пришел Саламо.

Он молча сел перед Владом за стол и спросил, тщательно выговаривая слова:

— Вы будете учить двух мужчин?

У Влада была бессонная ночь. Они по переменке с Димой дежурили у постели Хельги, которая даже под медикаментозной накачкой металась и стонала во сне. Под утро ей стало лучше, она успокоилась, и Димка ушел спать. А Влад спать не мог.

Он надел куртку и вышел под навес аппаратной, готовить себе кофе. У него было состояние полного оупения после всех событий.

Его совершенно не удивило, что Саламо так хорошо говорит на руслинге.

— Зачем? — только спросил Влад.

— Чтобы два народа могли говорить. — ответил Саламо и добавил. — Раньше ты не спрашивал такое. Почему? Мне надо говорить с Хельгой, а не с тобой?

— Хельга сейчас спит. Она заболела от горя. — сказал, закипая, Влад. — А учить мы больше никого не будем. Мы вообще скоро уйдем.

— Вы хотели быть долго. — сказал Саламо — Что случилось? Какое горе у Хельги?

Влад помолчал, справляясь с собой. Потом сказал:

— Ее сын похож на Ими. А вы вчера убили Ими у нее на глазах! И не только его.

Влад отвернулся от Саламо. Его трясло. Ему хотелось придушить этого спокойного доброжелательного невозмутимого дикаря. В племени которого так легко убивают детей во имя неизвестно чего.

Саламо молчал несколько минут, а потом сказал:

— Небесный человек Влад, ты говоришь с вождем. Ты сказал, что родился мужчиной. Да?

— Ну, да, — глухо ответил Влад, не поворачивая головы. — И что?

— Небесный человек Влад, у нашего народа рождаются детьми, а мужчинами рождаются потом...

Влад сидел на постели Хельги в медотсеке шлюпки, и рассказывал ей и Диме то, что ему объяснил Саламо.

У людей в этом мире есть два сердца. Одно детское. Оно работает с рождения. Это просто большое сплетение кровеносных сосудов, окруженное мускульным мешком, который медленно и плавно сокращается и расслабляется в такт с дыханием. Поэтому у детей нет пульса.

Детей нельзя заставлять сильно напрягаться физически — они могут погибнуть, их детское сердце может не выдержать. Пока ребенок растет, развивается его взрослое сердце. Оно должно заработать в подростковом возрасте и заменить детское сердце.

Но в жизни бывает по-разному. Иногда, детское сердце уже останавливается, а взрослое еще не готово работать. Тогда подросток погибает. А если взрослое сердце заработает, а детское еще не остановится, то подросток тоже может погибнуть от множественных кровоизлияний — сосуды не выдержат.

Поэтому и существует праздник, на котором мальчикам-подросткам помогают родиться мужчинами. Когда копьё задевает детское сердце, то от болевого шока начинает работать взрослое сердце. А детское сердце — перестает.

— Этот ритуал спасает очень много жизней. — рассказывал Влад. — И сегодня мы в этом убедимся. В полдень придет Вождь и будет просить взять в ученики двух мужчин. Гаи и Ими.

Димкино лицо было ошарашенным, а Хельгино недоверчивым.

— Саламо приходил просить нас не утомлять Ими и Гаи во время занятий несколько дней. У них сейчас не очень хорошо с координацией и зрением. Тело еще не приспособилось к взрослому сердцу.

— Врет он все. — угрюмо сказала Хельга.

Дима удивился:

— Почему?

— Он мог это и потом попросить, когда с вождем придет.

— Не мог, — покачал головой Влад. — Саламо, это не имя, это почти должность. Саламо называют тех мужчин, у которых так и не заработало взрослое сердце. Это редко, но случается. Саламо всю жизнь живет с детским сердцем. Он не может охотиться, воевать и выполнять тяжелую физическую работу. Считается, что он чуток ко всему, как ребенок. Он становится Хранителем знаний. Это единственное его место в племени.

— Вот оно что, — пробормотал Дима.

— Саламо — он человек племени, но не настоящий мужчина, не воин. И если он начнет говорить в присутствии воинов об их слабости, это будет оскорблением. Поэтому он пришел заранее, чтобы предупредить нас об Ими и Гаи.

Дима молчал. Хельга тоже.

— Саламо мне еще кое-что объяснил. — помолчав продолжил Влад. — Жесты левой руки — детские, игровые. Правой — взрослые. Но этот жест, — Влад прижал правую ладонь к левой стороне груди, — самый серьезный из всех. Он означает, что воин признает себя в чем-то ребенком перед тобой. Это жест наивысшей открытости и доверия.

— А если наоборот? — Дима прижал левую ладонь к правой стороне груди.

— Это просто признание в тебе равного. — ответил Влад.

— Понятно. — задумчиво сказал Дима.

— До полудня осталось полчаса. — Сказал Влад, вставая. — Пойду я душ приму, пока время есть.

Вождя с двумя мальчиками, вернее уже мужчинами, и Саламо они встречали возле шлюпки.

Димка, как капитан-пилот шлюпки, велел Хельге держать себя в руках. Когда вождь с мальчиками и Саламо вышли из леса — Хельга еще крепилась. Но когда они подошли, Хельга не выдержала, и бросилась обнимать Ими.

Ими от нее шарахнулся и что-то мелодично залопотал. Влад хмыкнул. Димка тут же любопытствовал, что тот говорит. Влад ответил:

— Он говорит, что Хельга очень красивая, но он еще молод иметь детей.

Димка улыбнулся и попросил:

— Скажи ему, что Хельга просто очень рада его видеть. И я тоже. — и землянин прижал правую ладонь к левой стороне груди.

Ярослав Хотеев

Сорняки

Огромный кокон, подминая кусты и деревья, тяжело опускается на землю. Существа, облаченные в белесые лепестки, выходят на Поляну, нелепо передвигаясь на двух коротких стеблях.

— Сорняки, — так назвал их Корень.

Мы почтительно молчим. Корень — прародитель всего сущего, наш Отец. Каждая травинка, каждый куст и раскидистое дерево — часть единого целого, часть Корня.

В первый день прародитель высаживает ростки вокруг кокона. На второй день бутоны раскрываются, и среди множества побегов появляюсь я. Сочные зеленые листья свисают до земли, прикрывая толстый стебель. Ярко-красные лепестки приподняты к небу, привлекая внимание пришлых. В центре венчика вместо тычинок и пестика возвышается созревший плод причудливой формы, отдалено напоминавший белесые создания.

Выйдя из кокона, сорняки словно пускают корни. Так беззаботно гуляя прежде, теперь не могут сделать и шага. Они смотрят на нас, мы на них, а Корень поспешно перебирается на другую Поляну.

— Мама! — наконец, кричит один из пришлых и срывается с места.

Он бежит к одной из нас, быстро перебирая стебельками. Товарищи успевают перехватить беглеца в нескольких шагах, валят на землю. В тот день больше никто не решается подойти к нам.

Со временем сорняки смелеют, подбираются ближе, шупают, изучают.

— Капитан, это мимикрия, — рассуждает один сорняк невысокого роста. — Планета богата специфичной флорой и именно так она реагирует на наше появление. Сами посудите, у кого из вашей команды поднимется рука на дочку? Сможет ли кто-то ударить мать?

Капитан внимательно смотрит на меня.

— Оригинальный механизм защиты, ничего не скажешь, — изрекает он.

— И я о том же! Вот бы еще узнать, как эти образы удалось вытащить из нашей памяти?

Капитан, не слушая низкорослого сорняка, осторожно касается плода. Замерев на секунду, внимательно смотрит на верхушку и, смутившись, отводит взгляд. Щелкнув замысловатым механизмом, снимает белесые лепестки и накидывает на меня.

Корень, перебравшись на безопасное расстояние, с интересом изучает пришлых. Мы — часть Его, и каждое касание, каждое слово сорняка доносится до прародителя.

Капитан приходит ко мне каждый день. Не говорит, только смотрит снизу вверх. Интересно, каким он видит мой плод? Что прочел в его мыслях Корень?

Другие побеги тоже изучают своих сорняков. С кем-то пришлые говорят, рассказывают о доме, о долгом захватывающем полете. Кого-то постоянно шупают, но украдкой, чтобы не видели другие. Когда один случайно касается чужого плода, сразу вскипает драка. Собратья поспешно разнимают сцепившихся, а капитан яростно кричит:

— Обоих под арест! До отлета с корабля ни шагу!

На провинившихся смотрят с непонятной жалостью.

Корень впитывает каждую крупницу информации, делает лишь себе понятные выводы. Мы просто побеги, его покорные дети.

С каждым днем мы все лучше понимаем сорняков: их обычаи, образ жизни. Не знаю почему, но они охотно делятся с нами своими мыслями, заботами и радостью. Кто-то называет нас мамой, кто-то любимой. И только капитан всегда молчит. Сидя на траве, не сводит печального взгляда, счастливо улыбается.

Заботливо наброшенные лепестки безмятежно колышутся, и я надеюсь, ветер позволит сохранить неожиданный дар.

Молчание тянется бесконечно. Я сама хочу услышать хоть слово. Почему он не говорит? Подозревает подвох? Глупости. Корень никогда не навредит живому существу, даже бесполезному сорняку.

Пришлые с каждым днем выходят все реже. Этим утром по Поляне одиноко бредет лишь капитан.

Испуг, что сорняк заберет свои лепестки, захлестывает с такой силой, что его ощущают остальные побеги. Но капитан неподвижно стоит напротив. Глаза выдают печальный блеск и сорняк отворачивается.

— Черт... и в тот раз я тоже не осмелился что-то сказать, — произносит он, и быстрыми шагами удаляется к кокону.

— Постой, — пытаюсь крикнуть я, — скажи мне, прошу, скажи, что хотел. Скажи... хотя бы напоследок.

Но мои слова слышны лишь другим побегам и прародителю.

— Не нужно грустить, — ободряет Корень. — Это просто сорняк.

— А мы просто твои побеги, ботва, чтобы отвлечь пришлых, пока ты спасаешь себя, — огрызаюсь я.

Тяжелый кокон нехотя отрывается от Поляны, набирает высоту. Мерно покачиваясь на ветру, мы провожаем своих мужчин. Как настоящие сорняки они успели прижиться на нашей планете и пустить корни в нашу жизнь. Все, что нам остается, — это ждать, что в один прекрасный день они вернуться. Вернутся, ведь здесь, дома, их ждут матери и дочери, жены и возлюбленные и те, о ком они могли мечтать всю жизнь, но так и не решиться сделать шаг.

Об авторе

Родился в г. Набережные Челны в 1989 году. Учился на оператора вычислительной техники и автоматизированных систем. Работает маркетологом аналитиком в компании по разработке программного обеспечения. Пишет с 2003 года, но печатная публикация на данный момент одна. Публиковался на литературных порталах и не задумывался о печатных носителях. И наверняка к лучшему. За это время успел поднять навывк, и теперь, по его мнению, не стыдно выйти к читателю в бумажных изданиях.

В № 1 за 2016 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Дом Почетных Граждан».

Тамара Ветрова

Первый космонавт Микула Селянинович

Хотелось бы заметить, что талантливая книга Гиндилиса «SETI: Поиск внеземного разума» аннотируется как сочинение, доступное читателю со средним образованием, и, помимо того, не требующее никаких специальных знаний. Впрочем, если вдуматься, то и правда — зачем? То есть к чему эти специальные знания? Известный космонавт (обладающий специальными знаниями) услышал во время полета отчетливый лай. Лаяла, по его предположениям, собака безусловно плебейской породы... Вокруг же, как сами понимаете, открытый космос... Можно, таким образом, допустить, что в описываемую минуту космонавт ощутил себя именно человеком со средним образованием, как раз... Такова реальность.

Возможно, в тот же самый час, когда было зафиксировано явление невидимой псины на космической станции, мертвая квартира № 9 подала признаки жизни. А может, это безотносительно... Так или иначе, вначале в квартире заработал пылесос. Сдержанный рокот прокатился по подъезду.

— Очнулись б... ди, — кратко высказался Старопольцев Виктор Ильич, жилец квартиры № 11.

Старопольцев, интеллигентный пенсионер, который ежедневно с мрачной иронией выслушивал обзор погоды по региону, был человеком терпимым и выдержанным. Однако девятая квартира подточила эти его природные свойства. В течение последнего года он дважды просил в хозяйственном отделе показать ему топорик; получив требуемый предмет, Виктор Ильич его ревниво осматривал.

— Подходит? — равнодушно спросила девочка за прилавком.

— Смотря для чего! — отрезал Старопольцев.

В конце концов пенсионер топорик отверг. Что топорик! Жилец девятой квартиры Вася, маленький, толстый, голубоглазый идиот, гулял уже вторую неделю; гулял так лихо, что в квартире этажом в ы ш е намокли полы! Вот, спрашивается, как? Но, однако, именно намокли; набух палас... А грохот на лестничной площадке был таков, что мог соперничать с Ниагарским водопадом! Голубоглазый подонок Вася, однако, не находил в своем досуге ничего предосудительного. Тем более, его досуг тянулся с утра до вечера... Гулял, скотина, с таким смаком, как будто родился бабочкой, а не человеком... В субботу из окна (еще прошлой осенью лишенного стекол) выпала неплохая люстра с тремя рожками.

— Подними! — зорала в пустое окно соседка. И добавила, что люстра еще т а к с е б е, вполне годная...

Вася моментально возник в окне и улыбнулся, точно сидел в телевизоре. Но благодушие внезапно покинуло телегероя.

— Щас! — заорал он на заботливую соседку. — Кто швырял, пусть и поднимает. Блин! И провалился обратно в пустую комнату; сгинул...

А иногда случалось и так: праздничный дух неожиданно покидал девятую квартиру, и она, будто повинувшись таинственной злой воле, превращалась в поле брани. Брань там, кстати, действительно слышалась — крепкая и, прямо скажем, первородная... Что-то валилось на пол — тяжелое, как ядра; бухали далекие взрывы... Ну а потом, как и на всяком поле сражения, наступала тишина; в голову даже невольно заползала мысль о павших богатырях с известной картины; в высоком небе кружили черные вороны...

Но вот что следует отметить: никто не мог сказать с достоверностью, сколько человек жило в удивительной квартире. Ну сколько? Это было неизвестно, тем более, всякий раз из дверей вываливались разные, нередко и совсем незнакомые фигуры. Однажды — это чистая правда — в проеме окаянной квартиры вырос высокий красавец в фиолетовой чалме. Смуглое лицо с изогнутым, как боевой лук, носом, указывало, что чалма не видение... А что? Сплошные вопросы без ответов...

Жилица 10-й квартиры Альбина Семеновна действия своих соседей никак не комментировала. Глядя на страшную дверь, она молча, но с сильным чувством плевала через левое плечо, а потом обводила вокруг себя руками в соответствии, по-видимому, с утраченным языческим ритуалом.

Конечно, милицию вызывали... Что ж!

Молодой участковый, симпатичный мальчик, растерянно вглядывался в раскрытый блокнот. Как видно, он искал там указание или хотя бы намек: как быть? В смысле — как одолеть орду из квартиры № 9?

— С Васей я разговаривал, — робко докладывал он Альбине Семеновне. — Дважды... И с Анатолием...

— С Синим, что ли? — сверкнув глазами, уточнила жилица квартиры № 10.

— Он синий только в период запоя, — объяснил участковый. — А в период ремиссии...

— А?

Участковый вздохнул.

— В диспансер определяли... На две недели...

Альбина Семеновна утерла лицо тыльной стороной ладони и машинально обвела вокруг себя руками. На что, интересно знать, рассчитывала? На магический круг?

Но бывало и так. Девятая квартира затихала на день, два, три. В недрах бастиона устанавливалось глухое безмолвие. Это было тем более странно, что никак нельзя было понять: куда подевались люди? Пусть и этот Синий? Или другой, в чалме? Да и беспечный, как птица, жилец Вася с ярко-голубыми глазами?

Полная тишина, полнейшая... Будто на некогда живой мир справедливые боги наслали вечную тьму; маунды, пустыня...

Вот в такой-то час и заработал в квартире № 9 пылесос.

— Очнулисьб...ди, — высказался по этому случаю Виктор Ильич Старопольцев.

И будто в подтверждение в недрах проклятой квартиры сразу открылись краны. Выло и хлестало, как в Тереке — есть на далеком Кавказе такая гордая, непокорная река...

Виктор Ильич постоял пару минут, не отводя тяжелого взгляда от дверей девятой квартиры.

— И поджечь не годится, — выговорил сам себе пенсионер. — Сами же окажемся в зоне бедствия... А этим что! вон как вода хлещет...

И тут, будто от мощного удара изнутри, раскрылась дверь...

На пороге стоял (Виктор Ильич покачнулся) высокий человек... а лучше сказать — богатырь... Косая сажень (если вы понимаете, о чем речь)... Короче говоря, могучий, как дуб, незнакомец, подпирающий плечом дверной проем... С КАСТРЮЛЕЙ НА ГОЛОВЕ!

В глазах Виктора Ильича потемнело.

«Это не кастрюля, — успел, кажется, подумать пенсионер, угасая. — А шлем...». Подумал — и закрыл глаза, мягко оседая на пол.

Неизвестный гость осмотрелся. Выглядел он форменным чудовищем: здоровый, как небольшая водонапорная башня, с плоской озадаченной физиономией... А одет?! Какая-то рубаха с узором до колен, лапти — каждый экземпляр величиной со сковородку.. Залежавшийся реквизит ДК железнодорожников! И не будем мы садиться на добрых коней, не поедем мы во чисто поле... Бред, бред — да и еще с фольклорным уклоном...

Между тем, можно было заметить, грохот пылесоса и кранов в девятой квартире смолкли сами собой. А из распахнутых дверей потянуло как будто озонем; во всяком случае, ни один из стандартных запахов — пролитого пива или вчерашней закуски — наружу более не вырывался.

Незнакомец покашлял и коротким и точным движением запустил могучую длань под рубаху. После чего раздался шелчок, будто там внутри был скрыт какой-нибудь тумблер — и тут гость раскрыл рот.

— Гусли-самогуды, люди добрые, хлеб да соль! — сообщил богатырь. — Молодца на обед лошаденку на ужин, — добавил сей персонаж народной фантазии — впрочем, без особой уверенности.

Пенсионер Старопольцев открыл глаза.

— Не сули беду, ладу горькую, — участливо прогудело неизвестное чудовище.

— Лажу? — пискнул пострадавший пенсионер.

— Ой-люли-люли! — отвечал богатырь.

Тут в подъезде появилось еще одно действующее лицо. Это была Альбина Семеновна. Еще с утра женщина была расстроена; поскольку горячая вода только называлась г о р я ч е й, а на деле была к о м н а т н о й.

— Что ихней водой помоешь? — прямо спросила она лежавшего на лестничной площадке пенсионера Старопольцева. — Руки?

Но тот ничего не отвечал.

Зато откликнулся богатырь из девятой квартиры.

— Чудище поганое! — густо вымолвил он. — Кишки воронам скормлю, зеленую кровь в болото спущу!

Лицо Альбины Семеновны слабо порозовело, но женщина не растерялась. Она привычно сплюнула через левое плечо и обвела себя руками.

— Хоть в унитаэ, — спокойно ответила жилица десятой квартиры, а потом с осуждением сказала поверженному Старопольцеву:

— И вы хороши. Развалился, как на паласе...

Богатырь (или кто там было это чучело в национальной одежде) всё щелкал под рубахой неизвестным механизмом.

Внезапно в открытых дверях девятой квартиры возник жилец Вася. Тут следует отметить, что, во-первых, Вася был безусловно трезв. Или, может, лучше сказать — не был пьян? Так или иначе, он твердо стоял на коротких ногах, а голубые глаза (это второе удивительное обстоятельство) смотрели не под ноги, а вверх, будто пытаясь пробиться сквозь облупленные стены и разглядеть звезды...

Наконец Вася отворил уста.

— Постоянство скорости света, — довольно уверенно заметил он, — требует, чтобы мы отказались от устаревших представлений о том, что одно-временность является универсальным понятием.

В подъезде сделалось очень тихо.

— Вот ведь материподарочек, — едва слышно вымолвила Альбина Семеновна.

— Додегустировался, — заключила женщина с жалостью, кивая головой в адрес Васи.

— Не существует универсальных часов, — гнул своё Вася. — Часы не могут бесстрастно отсчитывать секунды здесь, в квартире № 9, — и на Марсе, на Юпитере, в туманности Андромеды или в любом другом уголке Вселенной.

Высказавшись, Вася внезапно всхлипнул. Слезы одна за другой покатились из голубых глаз.

— Вселенная, — всхлипнув, добавил Вася (надо думать, от себя), — очень большая...

А богатырь, установив могучие кулаки на широкой талии, вымолвил:

— Ошибка... Ошибка... Ошибка...

И — возможно машинально — прибавил:

— Горе-горькое, мати-дубравушка... Мати...

— Квартира № 9 — наше д а н о, — заявил Лектор. — А теперь прокомментируем описанную ситуацию. Прошу!

Самый юный Слушатель задал вопрос:

— С чьей точки зрения?

Лектор усмехнулся.

— А с чьей бы вы предпочли?

Юный Слушатель пожал плечами.

— Я-то предпочел бы с точки зрения Вселенной.

Лектор хохотнул и покинул свою кафедру. Легким шагом он прошелся перед Слушателями, а потом заметил:

— А может, все-таки, с точки зрения Земного Наблюдателя? Допустим — одного из жильцов дома? Или непосредственно — девятой квартиры?

— Взгляд жильцов квартиры № 9 непродуктивен для анализа, — уверенно возразил юный Слушатель. — Если учесть, что, согласно д а н о, жильцы квартиры пребывают в галлюциногенном тумане...

— Обыкновенный алкоголь, — вставил Лектор, с интересом приглядываясь к юному Слушателю.

— Неважно! Главное — общая неадекватность оценок. Что им чудобогатырь? Мало ли... К ним, возможно, уже и джин из бутылки являлся!

— Что касается свидетелей, — продолжал Слушатель, — то, признаться, я не вижу большого отличия между жильцами девятой квартиры и жильцами других квартир. Характер их восприятия, как мне кажется, весьма сходен (хотя причины, лежащие в основе этого восприятия, — различны). **ТЕ И ДРУГИЕ СВИДЕТЕЛИ НЕИНТЕРЕСНЫ**, поскольку склонны объяснять фантастические события, не прибегая к фантастическим теориям.

— В д а н о, — заметил Лектор, — не было указаний на попытки объяснения.

— Так дайте эти указания! — дерзко высказался юный Слушатель, — **И ВЫ** убедитесь, что трактовка будет стандартной...

— Не будем отвлекаться, — предложил Лектор. — Начнем с самих событий, а реакцию на события (как объект комментариев), с вашего позволения, отложим на потом.

— Ладно, — неохотно сказал юный Слушатель.

В лекционном зале возникло движение. Остальные Слушатели, по-видимому, начали проявлять нетерпение.

Лектор вернулся за кафедру.

— Вы понимаете, — обратился он к аудитории, — что тема обсуждения — контакт. Разнообразие его вероятностных форм стремится к бесконечности, однако... Мне бы хотелось напомнить вам, что Эйнштейн указывал на изъяны нашей интуиции...

— Эйнштейн, — влез непочтительный юный Слушатель, — говорил о скоростях, которые чрезвычайно малы по сравнению со скоростью света!

— Так и есть, — печально согласился Лектор. — Чрезвычайно малы... Да.

— Но мы говорим о другом, — буркнул юный Слушатель.

— О том же самом, мой друг, — выговорил Лектор. — О том же самом...

— Я думаю, — сказал Лектор, помолчав, — мы все забываем одну маленькую деталь. Которую — подчеркиваю — должны помнить во всякую минуту нашей жизни. **МЫ ЖИВЕМ В КОСМОСЕ**, вот в чем дело. Не в городе Малые Коленцы, улица Степана Разина; не на Луне (поселок Колонистов) — а в Космосе. Независимо от адреса и прописки. Бесчисленное количество предметов, окружающих нас — будь то природные объекты или то, что сконструировано искусственно, — всё это, в конечном счете, — Космос. И до тех пор, пока мы не научимся учитывать эту космическую составляющую, — мы будем жить в заблуждении, что контакт возможен лишь с зелеными человечками, прилетевшими на летающей тарелке, на которой, к слову сказать, далеко не улетишь... Так, с крыши одного сарая на крышу другого...

— А тот, другой сарай, где? На Меркурии? — пробурчал неугомонный юный Слушатель.

— Неважно, — отрезал Лектор. И вторично предложил:

— Не будем отклоняться от нашей задачи. В квартире № 9 произошел контакт. Впервые в истории человечества — или в десяти тысячный раз — нас не касается. Контакт. Как, на ваш взгляд, инопланетяне появились на чужой территории?

Раздалось сразу несколько неуверенных голосов:

- С помощью переноса энергии!
 - Сконденсировались из местных материалов, чтобы не использовать релятивистские скорости (что невозможно!).
 - Из невыброшенного вовремя мусора? (юный Слушатель).
 - Отказались от идеи переноса больших масс?
 - Именно! Иначе вся их надежда базировалась бы на создании гиперпространственных тоннелей!
 - Ну и базировалась бы...
 - Это невозможно! Зато перенос электромагнитным излучением информации для формирования необходимых структур из местного материала...
 - Уже говорил...
 - Тем не менее! Хочу напомнить о Зонде Брейсуэлла...
 - Ну, напомни...
 - Господа! (Лектор). Быть может, имеет смысл отказаться от личных амбиций и перейти к культурной дискуссии?
 - Они (реплика юного Слушателя) появились им одним известным способом!
 - Из воздуха?
 - Смотрите что вы называете в о з д у х о м...
- Лектор (несколько повышая голос): Благодарю, господа, за интересные версии. А теперь прошу прокомментировать — гм — внешний облик.
- То есть лапти, шлем?
 - Богатырскую повадку?
 - И лексику?
 - Именно так, господа.
 - У него на бейджике (реплика с последнего ряда) указано имя: Микула Селянинович. Я разглядел...
 - Да ведь бейджик скрыт на внутренней стороне воротника!
 - А я присмотрелся...
 - Он же сам признал, что его богатырство — ошибка. Экспонат...
 - Как ты сказал?
 - Ну, экземпляр...
 - Сам ты экземпляр!
 - Господа, господа! Оговорки на уровне терминологии нередко имеют, как вы знаете, серьезные последствия. Назовем нашего гостя «космонавт»; тем более, так оно и есть. Микула Селянинович... э-э-э... — первый из известных космонавтов, вторгшийся на территорию Земли из внешнего космоса.
 - Вторгшийся? (реплика юного Слушателя).
 - Прошу прощения. Явившийся с визитом.
 - Ага...
 - И последнее на сегодня (Лектор). Каковы перспективы? Иначе говоря, как данное событие отразится на судьбе жильцов квартиры № 9? Всего подъезда? Дома? Населенного пункта? Человечества? Солнечной системы? И всего звездного сообщества?
 - Всего?
- Лектор (поколебавшись): Рассмотрим для начала только область Млечного Пути. В двух словах, господа... Прошу!

Голубоглазый Вася приходил в себя.

— Вот коростель, — заметил он, пытаясь схватить ускользающую мысль. Тут жилец девятой квартиры протер глаза и обвел комнату равнодушным взглядом.

— Разрушения, — вымолвил Вася. — Как на великой стройке...

Напротив сидел знакомый добрый молодец. Даже сидя он был заметно выше Васи, который стал рядом и со скрипом потянулся.

— Здорово, — сказал хозяин квартиры гостю. Потом подумал и добавил:

— Как это говорится... Хлеб да калачи... Чего?

Богатырь молча выслушал жильца квартиры № 9 и тоже встал. Вася вторично протер глаза, или лучше сказать — ясные очи.

— Крепкий... организм... — вымолвил он, с трепетом осматривая чудесного гостя.

Богатырь вдруг отворил уста.

— Я пошел, — сообщил он.

— Куда? — уточнил жилец.

— Восвояси.

— А это где?

— Рядом. 12 тысяч световых лет.

— А?

— Но ты останешься. Будешь моими глазами и ушами.

— Ну, — сказал Вася, почесав лоб. — А работы много?

— Никакой. Только смотреть, слушать и записывать.

— Шпионить?

— Добывать информацию. Но за мной, — добавил гость великодушно, — всё необходимое. Пиво, водка — в количествах, которые требует твой организм.

— Он, — вставил Вася, — того... Много требует.

Гость кивнул.

— Будет, — твердо пообещал он. — Каждый день столько, сколько сумеешь вместить.

— Я-то вмещу, — заметил жилец девятой квартиры.

Богатырь кивнул. Он сделал шаг к окну и напоследок обернулся. Потом засунул руку под рубаху и привычно щелкнул. Раз — и Васи в комнате больше не было. Зато на покрытом клеенкой столе появился граненый стакан. Глаза и уши. Око Вселенной... Мы не будем садиться на добрых коней, не поедем во чисто поле... Не поедем? Ну да, еще как поедем... Куда денемся...

Об авторе

Родилась в 1955 году. В 1979-м закончила филологический факультет Уральского государственного университета. По образованию и профессии — преподаватель русского языка; последние 15 лет преподает в Детской школе искусств г. Лесного Свердловской области словесность. Предмет профессиональных интересов — спонтанное литературное творчество детей. Постоянный автор нескольких литературных и профессиональных журналов: «Урал» (Екатеринбург), «Человек и закон» (Москва), «Искусство в школе» (Москва); многочисленные публикации в российской и зарубежной периодике: «Зеркало» (Тель-Авив), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Новый свет» (Канада), «7 искусств», TextOnly и др. Шорт-лист Международного конкурса «Русский Гофман» (2016). Автор книги иронической прозы «Кремлевские звезды» (Екатеринбургское изд-во PJ-GROUP. В № 2 за 2011 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Заблуждение».

Владимир Коркунов

Существо

Это существо попало в сети неподалёку от рыбацкой деревни Кассиопи. Внешне оно напоминало дельфина — небольшая голова с заострённой мордой, спинной плавник, вытянутое тело. Только не было дельфином. Переливающаяся сине-зелёная окраска, четыре пары плавников на брюхе... А звуки, издаваемые им, напоминали крики чашк, перемежаемые скрипом, писком и щёлканьем.

Возможно, о нём никто бы и не узнал, если бы не жена рыбака, вызвавшая береговую охрану. А вскоре учёные, поместившее неведомую зверушку в бассейн, гадали — что перед ними?

Скептики полагали, что существо — мутант, жертва экологии, подвергшаяся радиации или пострадавшая от разлива нефти.

Оптимисты настаивали на новом виде. Или витке эволюции.

Реалисты ждали.

А пока за существом круглосуточно наблюдали; пытались кормить, сканировали мобильным рентгеном. Пару раз вкалывали сонную сыворотку — для более тщательного осмотра.

Вот только Амикус — такое имя дали существу — не принимал пищу. Смотрители вынуждены были вылавливать разлагающиеся тушки рыб и кальмаров, собирали останки моллюсков и раков.

Да и по строению тела существо отличалось от дельфиновых и китообразных. Зубы округлые и выгнутые вперёд. Дыхало, выпускавшее воздух с хлопками, покрыто перепонками. Позвоночника — как показал рентген — два: спинной и брюшной. Кожа на ощупь — не тонкий шёлк, скорее бархат: сотни ворсинок, от которых, если быстро проведёшь, непросто отнять руку. Температура тела, в отличие от дельфиной и человеческой, неестественно низкая — чуть больше двадцати градусов.

Поведение казалось странным: Амикус мог полдня судорожно метаться по бассейну, а потом застыть, задержав дыхание. А из-за постоянных криков, издаваемых существом, исследователям приходилось одевать беруши.

Только уборщик Георгиос подходил к бассейну, не затыкая уши. В годы балканского конфликта он был контужен, и звуки до него доносились, как из соседней комнаты или — сквозь наушники.

— Ты хорошая рыба, — приговаривал Георгиос, вытирая пол. — Мы похожи: целыми днями в закрытом пространстве. Тебя, наверное, ожида-

ется твоя рыбица, вот ты и снуёшь туда-сюда. Потерпи немного, успеешь ещё с ней насвистеться.

И, подхватив ведро и напевая тривиальный мотив, переходил в следующую секцию.

Новость об удивительном существе облетела свет. Журналисты и энтузиасты, туристы и любители острых ощущений косяком двинулись на Корфу. Побережье близ Кассиопи обрело вид муравейника. Люди всматривались в Ионическое море, выискивая плавники, а самые отчаянные прочёсывали дно.

Людской поток пошёл было на убыль, а жители острова вздохнули с облегчением, когда афинский дайвер обнаружил в двух милях от деревни, в подводной впадине, обломки капсулы неизвестного происхождения. Материал из неизвестных сплавов, вероятно, давший трещину от соприкосновения с земной атмосферой.

Тогда-то и появилась гипотеза о внеземном происхождении Амикуса.

— Вот ты, оказывается, какой друг, — усмехался Георгиос, намекая на латинское значение имени существа. — И рыбица твоя не здешняя. Понятно, почему ты зелёный. Но говоришь всё равно — одну чушь.

Необычная находка дала толчок к более тщательному изучению существа. Вокруг Амикуса стаями хищных птиц кружили яйцеголовые. Лучшие дешифровальщики пытались разобрать в его криках признаки осмысленных сообщений. Тщетно.

Тогда решились на анатомическое исследование. Существо обездвигили, в игру вступил неумолимо наточенный скальпель, и вскоре образцы крови и тканей Амикуса легли под микроскопы лабораторий. Возбуждению учёных не было предела — иная генная структура, другой набор хромосом, материи, предназначение которых было скрыто за пологом дырявых знаний...

Амикус всё больше времени проводил под лучами рентгенов и сканеров, число анализов увеличивалось, а время, когда он метался, пересекая дорожки бассейна, сокращалось.

В какой-то момент он перестал издавать звуки. Только иногда вырывалось что-то жалостливое, будто плакал щенок. Но люди не могли (или не хотели?) понять, о чём горюет их пленник.

Георгиос по-прежнему разговаривал с животным. Без желания выпытать тайны, скрытые под бархатистой кожей, без намерения проткнуть иглой спинной хребет...

— Грустишь, рыба? — И Амикус плыл за уборщиком, повизгивая и как бы жалуясь на судьбу. — И я грущу. Я же говорил — мы похожи. Меня тоже однажды выловили. Не из пены морской, а из кровавой — бомбили Белград, и снаряд разорвался у нашей колонны... Такие дела-переделки. Знаешь, рыба, нам предстоит расстаться. Отрезают меня, как плавник. Поиздержались наши отцы на тебе. Так что грустить тебе придётся без меня. А я как-нибудь справлюсь. И за тебя погрощу.

Через две недели после увольнения Георгиоса, сразу после полуночи, охрана по экстренной связи вызвала исследователей. Амикус бросался на края бассейна: набирал скорость и бился. Методично. С каждым разом сильнее. Разбивая бока, ломая плавники, уродуя клюв. Емкость бассейна розовела. При всех отличиях кровь Амикуса была как у земных особей — красной. Прибывшие учёные ошеломлённо смотрели на последние конвульсии непонятного не то мутанта, не то разумного существа, попавшего в их руки и только ценой гибели выскользнувшего из мёртвой хватки.

Об авторе

Родился в 1984 году в Кимрах (Тверская область). Окончил МГУ приборостроения и информатики и Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Дети Ра», «Литучёба», «Волга», «Урал», «Вокзал», «Гвидеон», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета», «Книжное обозрение», сборниках «Самые смешные рассказы» (М.: Астрель: Олимп, 2010), «Новые писатели» (М.: фонд СЭИП, 2011, 2013) и др. Лауреат премий журналов «Студенческий меридиан», «Дети Ра», «Зинзивер». Шорт- и лонг-лист Волошинского конкурса, шорт-лист премии «Писатель XXI века», лонг-лист премии «Дебют». Лауреат конкурса «Мицыри» (Москва), премии «Молодой Петербург» (Санкт-Петербург), международного конкурса «Приключения приходят сами. Мир без войны и насилия» (Польша). В № 1 за 2016 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Missing link».

Влад Копернин

Реквием на флейте водостока

повесть

Огни. Десятки, тысячи огней пронзают острейшими иглами аренный мрак. Барабанная дробь глушит все звуки: вздохи и ахи зрителей, рык животных и шорох конфетных фантиков. Барабаны впиваются в мозг, выбивают адскую дробь на нервах, на черепахах. Огромнейшая высота — под самым куполом, и там балансирует на тончайшей проволоке черно-белый мим. Ромбы костюма сливаются в серую рябь, проволока плохо натянута, прогибается при каждом шаге — а в руках смельчака нет привычного балансира. Публика ждет развязки — чтобы взорваться радостными аплодисментами или впитать в себя ужас падения, прийти домой с ощущением чужой трагедии: это делает собственную жизнь не такой уж и архипаршивой.

Мим пляшет. Он находит в себе силы перекрикивать барабаны, бросать этим жадным глазам, этим иглам ослепляющего света веселые шутки.

Жан-Поль ловит их на лету. Раскусывает, как ползурелые орехи, и презрительно сплевывает скорлупу. Говорят, кто в армии служил — тот в цирке не смеется. А уж если после армии в школу милиции угораздило поступить — то тем более. Глаз-алмаз, нюх обострен, тренированные мускулы ждут сигнала к действию. Но сигнала все нет.

Он смотрит на канатоходца, каждый прожектор видится лампой, направленной в лицо подозреваемому. Показалось — или действительно предательски блеснула в нескромном луче ажурная нитка страховки? Смельчак и сорви-голова — или просто прощелыга, который дурит готовых ко всему и охочих до дешевых и острых эмоций москвичей?

Узнать бы... Узнать — и этак гоголем выпрямиться, обвинительно протянуть палец:

— Товарищи! Вас же дурят, дурят вас братцы! Он за веревку привязан, я видел точно!

И луч прожектора выделит его, стройного, хоть и невысокого, из десятитого ряда. И замолчат ненужные уже глупые барабаны. И хрипло рассмеются, заулюлюкают мужчины. И вздохнут дамы. И она...

Ах, она. Она взглянет из-под полей широкой шляпы, она мило улыбнется, она подойдет к нему в луче прожектора:

— Курсант Пискунов, вы разоблачили этого жулика! Это так важно, особенно сейчас, когда вес советский народ понес тяжелую, невосполнимую утрату. Дважды.

И тогда... Да, вот тогда-то точно...

Что произойдет тогда — Жан-Поль представить не успевает. Паразитарлекин добирается-таки до спасительной тумбы — и уже вертится чертом, рассыпая улыбки и воздушные поцелуи всем желающим. Оркестр играет туш, включили обычный верхний свет, и иллюзия закончилась.

Он снова всего лишь маленький, да еще и промокший до нитки курсант, забжавший от проливного ноябрьского дождя под козырек цирка на Цветном бульваре. А она — она не иначе как княгиня. Та самая, из эмигрантов, вернувшаяся с семьей на родину. Или дочь министра. Или вообще иностранка.

Эх, Жан-Поль, Жан-Поль. Не про тебя такая как она! Зря ты, как телок на привязи, пошел за ней. Ведь и цирк-то с детства не любишь же.

А вот она встает, идет на сцену — и весь зал с восхищением следит за точеной фигуркой в облегающем платье.

Стоп. На сцену? Как на сцену, зачем? «Опять все пропустил, раззява!» — привычно ругает себя курсант. Всматривается, вслушивается. Следующий номер — всемирно известный чудотворец и иллюзионист, проездом из Токио в Сингапур, только одно выступление в Союзе.

Приглашена из зала, с первого ряда — она. Как зритель и участник. Подсадная? Нет, не может быть. Подсадные на черной «Волге» к парадному входу не подъезжают. Что же происходит, что? Она снимает шляпу, глаза — чуть раскосые, огромные: даже с десятого ряда видны искрами зеленые чертенята — удивленно мигают.

Человек в черном тюрбане, черном фраке и в дымчатых очках приглашает ее подняться в черный же украшенный серебряными звездами и полумесяцами ящик. Она смеется, заходит. Зрители аплодируют, кричат, мужчины свистят. Показалось? Наверное, показалось. Или нет? За секунду то того, как черная дверь металлически лязгнула — зеленые чертенята в глазах незнакомки панически задергались, лицо перекосило ужасом.

— Ахур-Маздур-Заротастур! — возглашает черный человек, ящик окутывается дымом, крышка откидывается — под купол цирка взлетают голуби, воздушные шары, парочка воробьев и одиноко планирует на арену красная широкополая шляпа.

Черный исчезает в собственном дыму. Униформисты подбегают к ящику, открывают — пусто.

Пусто! Хочется немедленно вскочить с места, бежать, выяснять.

— Милиция, всем оставаться на местах! — вертится на языке.

Но понятно, что мокрый и жалкий, Жан-Поль остался на месте, не проронив ни звука. Иллюзия же. Оптический обман зрения. Сейчас появится черный маг, снимет очки — и окажется Игорем Кио. А из кулис выйдет она. Кио поцелует ей руку, объявят перерыв — и они отправятся пить коньяк в «Арагви», а несчастному курсанту пешком тащиться через пол-Москвы под проливным дождем.

Но нет. Не так. Объявляют перерыв, но фокусник не появился из своей дымовой завесы. И, самое главное, ее нет. Где она, как она? Надо выяснить. Надо срочно выяснить, это может быть преступлением. Это может быть похищением. Это... Это всем чем угодно может быть.

Жан-Поль заставляет себя встать с места. В конце концов, он сотрудник милиции. Ну, еще не совсем — но уже почти. Он должен охранять жизнь и здоровье советских граждан. И гостей Союза тоже. Он имеет право знать.

Пробирается вниз. Спотыкается. Преодолевая течение, рвущееся в буфет за пирожными и мороженым, за коньяком и кофе, — спускается как самой арене. Вот и ее место в первом ряду.

А вот... Вот и она. Живая, здоровая и довольная. Она? Она.

Она? Нет, не она. Такое же облегающее платье. Такая же точеная фигурка — осиная талия, высокая грудь, соски приподнимают мягкую ткань, которая почти не скрывает... Стоп. Отставить пялиться, дело серьезное. В глаза смотреть! А глаза-то другие. Спокойные синие омуты, ни намека на диких зеленых чертенят. И лицо — лицо другое. Другой, может, не заметил бы, а Жан-Поль как раз словесный портрет давеча пересдавал.

Похожая гражданка, спору нет. И ведет себя соответственно: прошла на арену, шляпу подобрала, надела — как будто так и надо.

— Гражданка, вы почему эту шляпу подняли? — это ему не воображается уже, это он действительно сказал. Сказал, и сам обмер. А гражданка его надменным взглядом меряет с мокрых русых волос — и до мокрых же чавкающих ботинок. Что остается делать? Обратной дороги нет:

— Я из милиции. Ваши документы предъявите, пожалуйста.

Скандал, конечно же. А что, собственно, можно предъявить? Документы у гражданки вполне в порядке. Соседи разницы не увидели — да, говорят с самого начала представления здесь сидела, можем подтвердить. Пискунов настаивал, что фокусника к ответу привлечь надо — да куда там. Он сразу со сцены — в машину, и в аэропорт. Летит уже в свой бананово-лимонный Сингапур, и рука советской законности не скоро еще до него дотянется.

Все второе отделение курсант просидел в какой-то каморке, ждал пока приедут за ним. И дождался. Но не своего начальства — строгого и готового рвать и метать. И даже не милицейского патруля, который вывел бы его за дебош под белы ручки, да с размаху бросил бы в черный воронок.

Дождался Жан-Поль, что заходит в его каморку высокий гражданин в темных очках и сером костюме. Да-да, ночь давно в Москве, дождь как из ведра поливает, в каморке дохлая лампочка под потолком еле светит — а он в темных очках. И начинает сразу расспрашивать — что да как.

Пискунов от неожиданности осмелел настолько, что документы у серого предъявить потребовал. Серый глумиться не стал — предъявил. Курсант так и сел. Не в том смысле, что за решетку его сразу, а просто ноги подкосились, в глазах потемнело — и что дальше было вспоминать ему сложно. Да и неохота.

Наутро еще сюрприз. Вместо занятий — вызов к ответственному преподавателю, на кафедру. Ничего хорошего, совершенно понятно. Пока шел, даже не навоображал себе ничего. Чего воображать-то страсти всякие? Сейчас вживую горюшка хлебнет, ясно же.

Но на кафедре — пусто. Ответственного, майора Петренко, нет. И вроде как не предвидится. В углу старичок сидит — пьет чай с лимоном. Известен всей школе этот старичок — преподает странно, путанно. Вроде, в чем душа держится непонятно: нижняя челюсть вперед бессильно выпячивается, седой ершик усов этого почти не скрывает, с палочкой ходит — а держится прямо, как гусар. И иногда как рывкнет, душа в пятки уходит. В каждой школе, в каждом институте такой человек-легенда есть. Это нормально. Сидит себе и пусть сидит, казалось бы.

Но у Пискунова чутье, сколько раз в Афгане жизнь спасало. Если что не так — мурашки по коже и передергивает всего. Вот и сейчас. Старый человек, видно что заслуженный. И видно, что все в прошлом у него уже — в далеком прошлом. А курсант при входе споткнулся — но перед ним навытяжку:

— Курсант Пискунов по приказанию майора Петренко явился!

«Гусар» улыбается:

— Молодец, что явился. Жду тебя. Давай-ка, сынок, раз уж явился, присаживайся вот сюда, поближе. Да рассказывай, что вчера за клоунада была — и особенно, что с конторой не поделил.

— Э, товарищ... Э... — замялся Пискунов.

— Меня можешь называть «товарищ подполковник». А я тебя буду звать Ваня, а то Жан-Поль, — хмыкает подполковник, — что-то поповское в этом есть. Не люблю этого.

— Почему поповское? — опешил Ваня, которому нравилось сравнивать себя со знаменитым французом, кумиром миллионов.

— Потому что Иоанн-Павел, — отрезал старик. — И давай к делу ближе. Время идет.

Пискунов рассказал все, как было. Подполковник слушал, не перебивая. Потом начал уточнять детали — и выжал Ваню почти досуха.

— Считаю, практические занятия по опросу свидетелей, — ободрительно треплет обессилевшего курсанта по плечу. И снова тянет, как клещами, все новые и новые подробности.

Наконец, сыто жмурясь, отваливается на спинку стула:

— Теперь, Ваня, можешь чуть отдохнуть. Попить чайку с лимоном. Успокоиться. А я немного помозгую — как нам дальше быть.

— Нам? — не удержался курсант.

— Конечно. Вплоть до особого приказа ты откомандирован в мое полное распоряжение. Так что пей чай и не мешай думать. А, впрочем, — старик ударил тростью в пол и лихо поднялся: — Чего тут думать? Поехали.

— Куда?

— Осмотрим место происшествия. А там видно будет.

Однако, осмотр места происшествия пошел не совсем так, как учили Пискунова в школе. Даже, прямо надо сказать, совсем не так. Сначала этот странный подполковник ведет Ваню на рынок, долго ходит по мясным рядам, приценивается — и покупает полкило телячьей вырезки. Потом заталкивает курсанта в укромный аппендикс между рядами, ловко снимает тростью крышку с канализационного люка и приглашающе улыбается.

— Т... товарищ подполковник, вы чего? — не понимает Ваня.

— Полежай! — короткая команда и жест пальцем вниз — в темноту.

Что ж, приказ есть приказ. Ваня наклоняется, нашаривает скобы для опоры. С одной из них нога соскальзывает, с негромким плюхом курсант падает в гнусно пахнущую жижицу. Сверху пытит подполковник. Он аккуратно задвигает тростью крышку, змеей соскальзывает вниз. Луч потайного фонарика разрывает мрак. Хромовые сапоги, заправленные в галифе, даже каплей не запачканы. За угол спешно ретируется какое-то животное, помельче спаниеля, но явно крупнее таксы.

— Не знал, что собаки в канализации живут, — хохотнул Ваня. — Сливтерьеры, да?

— Это крысы, — равнодушно поправляет старик. — Не обращай внимания.

И вот тут Ваню накрывает. Мокрый, в нечистотах по самые уши, он при-слоняется к грязной стене коллектора и мелко трясется — не то от смеха, не то от плача, не то просто от холода, голода и злости:

— Крысы? Значит, крысы, вашу так? Сумасшедший допрос, полдня проторчали на рынке, чтобы ужин вам выбрать, прыгаем в дерьмо по самое эссамое, а теперь дурацкие шутки-розыгрыши? А, ну да — в цирк же идем. И где представление будет? Впервые на сливной арене — великий и ужасный товарищ подполковник со своими дрессированными курсан...

Закончить ему не удается. Подполковник, сначала с любопытством смотревший на Ваню, наотмашь бьет его тростью по плечу:

— Прекратить истерику! Курсант, мы на задании. На задании слушать старшего по званию и беспрекословно выполнять приказы. Розыгрыши, шутки, пляски, песни народностей — в свободное от выполнения задания время, — жесткая отповедь эхом разносится вдоль кирпичных арок, Ваня понемногу затихает и поднимает глаза:

— Но ведь крысы, товарищ подполковник. Крысы — с собаку?

— Крысы. С собаку. Не обращай внимания, и все хорошо будет. Еще помнишь, зачем мы здесь, или напомнить?

— Осмотреть место происшествия...

— Вот и пошли осматривать. Здесь недалеко, — и старик бодро тыкает тростью в темноту слева.

Подниматься по скользким заплесневевшим ступеням несколько не проще, чем спускаться. Юный сыщик тяжело дышит, старательно цепляется, чтобы не упасть опять в грязь лицом перед бравым подполковником — который, несмотря на возраст, даже не запыхался.

Открывает люк — в глаза ослепительный свет, музыка. А навстречу... Навстречу чудище, то самое, что с детства в кошмарах снилось: чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй. Взяв без спросу книгу с дедовой полки, думая почитать о захватывающих приключениях, погонях и потасовках, маленький Жан-Поль прочел только эпиграф — и этого хватило, чтобы на долгие годы отравить ему сны.

И вот, приоткрыв чугунную крышку, сквозь красное аренное сукно он видит, как надвигается на него огненнодышащая гидра, гремит стальными копытами, лает, заливается адским ржанием.

Руки дрожат. Нога подворачивается — и снова падение в зловонные сточные воды бывшей речки Неглинки. Подполковник достает платок из галифе и тщательно вытирает забрызганные сапоги:

— Что увидел, сынок?

— Дракон, товарищ подполковник.

— Да ты что, Пискунов, белены объелся? Какой дракон в советском цирке?

— Точно вам говорю — дракон. Ржет, бьет копытом, дышит огнем.

И лает к тому же.

— Расслабься, курсант. Это пес на коне верхом. Номер репетируют. Ты давай без лишней мистики — без нее забот хватает!

— Ну, товарищ подполковник — после крыс этих я же готов был к чему угодно. Они же наблюдают за нами, я видел. Вот и сейчас — вон, вон глазки-бусинки! Хотя какие бусинки, целые шарики от подшипника, только черные!

— Я тебе говорю, не обращай внимания — и все нормально будет. Лучше посмотри, как ты удачно упал.

— Издеваетесь, товарищ подполковник, — обиженно размазывает грязь по лицу Ваня.

— И в мыслях не держал даже, вот поверь, — искренне хрипит старик. — Посмотри-ка внимательно, друг мой, что к тебе из этой лужи приклеилось.

И аккуратно кончиком трости снимает с рукава яркий кусок шелка:

— Узнаешь, курсант?

— Узнаю, — лепечет Ваня. — Узнаю, товарищ подполковник! Это же от ее платья, такой шелк ни с чем не спутаешь. И клок-то приличный. А ведь на той гражданке, что в антракте сидела, платье не порванное было

— Соображаешь, курсант. Хвалю. Шелк, действительно, не спутаешь — японский, довоенный еще. А если на той гражданке платье было не порвано — значит, наша с тобой подопечная через этот люк цирк и покинула. Добровольно, или нет? Как сам думаешь?

— Думаю, товарищ подполковник, не добровольно.

— Вот и я думаю, что ты правильно думаешь. Ты у нас до армии что, мореходку заканчивал?

— Пытался, — отмахивается Ваня.

— Знаешь, моряк, какой лучший способ определения местоположения корабля в открытом море?

— Опрос местного населения! — громко рапортует с показной серьезностью Пискунов.

— Знаешь, хвалю. Вот давай-ка этим сейчас и займемся.

Подполковник резким движением поднимает трость, поворачивает, достает кинжал и отдает курсанту. Нижняя часть трости, оказавшаяся ножами, поднята и тщательно протерта, а потом... Потом льется, льется, льется, кружась и завораживая, странная мелодия. В ней слышится писк победы и свист поражения, романтика свалок и эстетика грязи. Эта мелодия, кажется, не может — просто не имеет права существовать здесь, в сердце столицы советского государства. И все-же, она льется, льется, льется.

И слушатели склоняют головы, складывают лапки, покорно идут на ее зов. Слушатели — это огромные черные, серые, бурые крысы. Некоторые из них почти по колено Ивану. Он стоит, опасаясь шелохнуться. Опасаясь неосторожным движением разрушить колдовство этой музыки.

Наконец, дьявольские трели стихают — и странным, щебечуще-пищащим языком подполковник начинает пересвистываться с самой большой крысой. О чем-то спорят. Жестикуют. Из рук в руки переходит кусочек шелка. Потом из оберточной бумаги появляется кусок телячьей вырезки, старик на глаз пальцами разрывает его примерно пополам. Скармливает животному.

Крыса блаженно жмурится, ее свита завистливо буровит черными шариками глаз.

Подполковник делает жест рукой — как будто припечатывает что-то указательным пальцем к земле. Крыс как ветром сдувает — только вдалеке слышится дробный перешлеп лапок по воде.

Как проснувшись, как вынырнув из холодного омута, Ваня вздыхает:

— Товарищ подполковник, а вы говорили — никакой мистики!

— Я говорил, Ваня, никакой лишней, — он выделил хриплым голосом слово «лишней», — мистики. Чувешь разницу?

— Чую, — курсант восхищен и озадачен: — Но где вы научились такому?

— Поработаешь в органах с мое, курсант, — еще не такому научишься. Я с пятнадцати лет на оперативной работе, с самим товарищем Дзержинским приходилось. И не только с ним.

За разговором старик шарил по стене руками, потом в паре мест попилал ее носком сапога:

— Да где же этот чертов... А. Вот он!

От очередного пинка кирпичная кладка с грохотом раздалась в разные стороны, и дохлый фонарный лучик испуганно заметался по огромному ангару.

— Вот и он, — довольно бормочет старик-подполковник, подходя к странной железной конструкции на гусеничном ходу. — Странно, что похитители им не воспользовались. Наверное, вкусным забыли разжиться.

— Простите, товарищ, подполковник — но я ничего не понимаю. Что рассказали вам крысы? И что это за чудище, — отмахивается Ваня от выступающего далеко вперед железного штыря. Снова скользит, хватается за гладкий металл — и штырь легко проворачивается у него под рукой. Ангар освещается двумя мощными фарами, из заглубленных где-то под броней динамиков звучит сонный голос:

— Кто меня будит? Что вам надо, люди?

— Митя, ты что, одурел со сна? Своих не узнаешь?

— Ой, Глеб Георгиевич, простите. Не узнал. Богатым, как говорится, будете.

— Типун тебе на язык, Митя. Вот, курсант, знакомься. Знаменитый мирно пашущий советский трактор, модель инженера Тяпкина, для простоты именуемый тр-тр Митя. Известен в первую очередь тем, что семь лет назад в одиночку отразил крупномасштабную провокацию на советско-китайской границе, когда незаметно просочившиеся группы по три-четыре миллиона человек напали...

— Ну это же анекдот! — не верит Пискунов. — Ну анекдот же, а?

— Ну я где-то преувеличил, конечно. Но суть та же. Информация просочилась на Запад, поэтому пришлось все срочно маскировать под шутки, розыгрыши и детские книжки. Спецом писателя наняли, чтобы все обстряпал. Ты же как раз тогда в самом возрасте был, что не читал?

Глаза Пискунова округляются и становятся похожи на глаза тех самых китайских диверсантов, напавших на мирно пашущий, но готовый дать отпор.

— Что, тот самый? Из Простоквашина? У которого движок на супе и котлетах работает?

— Ну почти! Движок-то у него обычный, танковый. А СУП — это система управления программированием. И работает она на гемоглобине и протеине. Митя, а Митя, — голос подполковника источает мед: — Смотри, что есть у меня!

И он достает из оберточной бумаги остатки вырезки: свежей, сочащейся кровью.

В ответ откуда-то из недр металлического монстра раздаются утробные звуки. Пискунов, в детстве раз двести перечитавший «Войну миров», в числе прочих книг, именно так представлял себе то самое знаменитое марсианское ухание.

Махина начинает медленно надвигаться на хрупкие человеческие фигурки — но Глеб Георгиевич проворен. Он вскакивает трактору на броню, подтягивает к себе тот самый металлический штырь — оказывается, телескопический — и насаживает на него кусок мяса.

— Поработаешь-поешь.

Казалось бы, как может передать эмоции груды железа? Казалось бы, никак. Но Тр-тр Митя умудрился всем своим видом показать, что готов распахать хоть всю Сибирь от Оренбурга до Улан-Батора, а на обратном пути снести Уральский хребет.

— Но сначала несколько вопросов, — подполковник неумолим. Он жестом показывает Ване место рядом с собой на броне — и курсант, оскальзываясь и спотыкаясь, занимает его.

— Итак, вчера мимо твоего ангара должна была пройти группа лиц, одна из которых — девушка в платье вот такой расцветки, — кусок шелка нанизан на штырь следом за мясом. — Проходили?

— Проходили, Глеб Георгиевич.

— Девушка шла с ними сама?

— Нет, они несли ее. Вообще, это очень нехорошие люди, я бы сказал. Они из тех, кто загнал меня в этот ангар, закрыв проект.

— Очень интересно. Описать, опознать сможешь?

— Опознать — опознаю. А описать не смогу. Вы же знаете, у меня органы чувств другие совсем.

— Знаю, — разочарованно тянет подполковник. — А куда они двигались, можешь показать? Ну, хоть примерно?

— Могу точно вам сказать! — в голосе Мити неприкрытая радость. — По Неглинке к Старой Площади. Я сам их довез. — И радость сменяется печалью.

— Но зачем, Митя? — не выдерживает и встревает в разговор Пискунов.

Стальные бока машины, разработанной чтобы быть гигантским механическим убийцей без страха и жалости, как бы поникают в бессилии:

— Они меня пытали. Они ели мои сардельки.

Ваня чуть не рассмеялся в голос, но старик локтем пихнул его в живот и заставил замолчать, задохнувшись. Он был серьезен и почти торжественен:

— Вези нас, Митя. Мы отомстим.

Вихрем летит Митя сквозь тьму коллектора, сквозь стоки и нечистоты. Движок довольно урчит, СУП чует приманку-мясо на телескопическом штыре и мурлычет какую-то песенку.

— Старая Площадь... Почему Старая Площадь, как думаешь, курсант? — озадачивает Глеб Георгиевич.

— Не знаю, товарищ подполковник. Может, ЦК?

— Вот и мне так кажется, Ваня. Не простая эта птичка пропавшая, ох не простая.

— Вам ли об этом не знать, товарищ подполковник! — глухой женский голос из малого ответвления коллектора вторгается в их разговор. Митя

останавливается, как вкопанный — и старик с Ваней с трудом удерживаются на броне. В лучах фар появляется женская фигура в облегающем сером костюме, со сковородкой в руках.

— Митенька, ты знаешь, что это такое? — ласково спрашивает она.

— Кровяные колбаски! — радостно ухает СУПом Митя.

— Правильно, держи, — и ловким движением, используя сковороду наподобие ракетки, женщина забрасывает в пищеприемник лакомство. Трактор ухает и требует добавки.

— Ладно, — нехотя ворчит Глеб Георгиевич, — На, проглот, радуйся.

И остатки вырезки исчезают следом за колбасками.

— Митенька, а знаешь, что на Площади Революции в кондитерской только-только булочки с марципаном испекли? — голос женщины в сером сладок, он может взволновать не только железное тракторное сердце.

— А мне, мне оставят? — с надеждой спрашивает Митя.

— Конечно, милый. Беги скорее.

Митя мнется, жмется, косится фарами на старика. Тот махает рукой: давай, мол. Чего уж тут, теперь-то.

Ни до, ни после этого Пискунов не видел, как огромный сорокаторный трактор-убийца на гусеничном ходу вприпрыжку (вот ей-ей) несется по водостоку.

В рассеянном свете умирающей лампочки трое.

Глеб Георгиевич и Ваня понимают, что дальше их не пустят — в отдалении слышны чьи-то шаги, Старая Площадь — это не Цветной Бульвар, тут не забалуешь. Все-таки, главный мозг страны, Центральный Комитет партии. Мышь не пролетит, комар не проползет.

Поэтому они стоят перед женщиной в сером. Ваня узнал ее, это та самая, из антракта. Бездонные синие колодцы глаз — холодны, как антарктический лед. Точеную фигуру подчеркивает костюм, парадоксальным образом скрывая — и в то же время выставляя напоказ все, о чем может только мечтать мужчина. Дразнит воображение, не дает сосредоточиться на главном. А главное — разговор. Глеб Георгиевич спрашивает:

— Где она? Что с ней?

— Лейтенант Щеглова выполняет правительственное задание особой важности, — чеканит в ответ женщина. Голос ее уже не ласков, в нем чудится скрежет металла и бурлящий озноб городских площадей. Но все равно Ваня готов идти за ним, идти, идти...

— Я знаю, что выполняет, — хрипло чеканит подполковник. — Я спрашиваю, где она и что с ней?

— Вам об этом знать не положено, — отрезает серая. — Возвращайтесь к своим лекциям, забирайте своего ученика, и чтобы духу вашего здесь не было через пять минут. Время пошло.

Краем глаза курсант замечает какое-то движение за ее спиной, мелькает фигура в сером, белым пятном лицо. Не может быть! Ваня закрывает глаза открывает их снова — наваждение растаяло, они снова втроем.

— Уходите, — продолжает настаивать женщина. — Пока что по-хорошему говорим, уходите!

Глеб Георгиевич тяжело опирается на трость, выглядит старым и поникшим.

— Но наше задание, — встревает в разговор Ваня.

— Нет никакого задания, — терпеливо разъясняет женщина. — Ты видел свои документы? Ты на сегодняшний день поступаешь в распоряжение Глеба Георгиевича для помощи в систематизации его личного архива только и всего.

— Но... Но цирк. И кусок шелка. И Митя...

Серая улыбается:

— Ты способный мальчик. Вполне возможно, что будем с тобой сотрудничать — и достаточно тесно. Понимаешь меня? — Она повела плечами, и Ваня невольно слотнул. — Не надо портить себе будущее. Бери своего старого учителя — и возвращайтесь к архивам и лекциям.

— Пойдем, Ваня, — махает рукой подполковник. — Давай наверх, и смотри, не поскользлись.

На площади Дзержинского, как всегда, многолюдно. Ноябрьский дождь нещадно поливает столицу, серые здания и серый небесный фон сливаются друг с другом, серые люди — не люди, а какие-то тени людей — кружатся в немислимом танце между Детским миром и сумрачным зданием московского небоскреба, из окон которого в любое время года, дня и ночи виден Магадан.

Старик идет, тяжело опираясь на трость. Ваня не может не жалеть его: ровеснику века, ему тяжело даже каждый день читать лекции — не говоря уже о подобных нагрузках. Но не поделиться своими наблюдениями он не мог:

— Товарищ подполковник...

Старик делает предупреждающий жест рукой: погоди, мол. Дай собраться с мыслями, с силами. Ваня понимающе молчит, молча заходит следом за подполковником в уютный дворик, молча следует за ним в пристроенный к зданию лифт, молча поднимается на пятый этаж.

Молча же заходят в квартиру — коммуналку на три семьи.

И только у себя в комнате старый волк преображается: трость отброшена, глаза снова светятся молодым блеском. Как тигр в клетке, он мечется из угла в угол, меряя комнату широкими шагами.

— Что сказать хотел? Только быстро. Время дорого.

— Я, товарищ подполковник, за спиной этой женщины в сером еще одного человека заметил, — Ваня замялся, не зная, как продолжить, — только вы, товарищ подполковник, не подумайте, что у меня видения какие, или с головой не в порядке.

— Не подумаю. Ну?

— Человек этот, в сером тоже. Тот самый, что ко мне в цирк приезжал. Но не это главное. Он — вылитый вы. Только моложе.

— Моложе?

— И, как бы это сказать... Злее. Да, именно злее. По глазам это сразу видно. Что, скажете опять показалось, как с тем драконом?

— Нет, Ваня. Не скажу, — бросил подполковник, вскрывая армейским штык-ножом пачку с чаем. — А скажу тебе вот что: молодец, моряк. Молодчина просто. Вел себя как надо, и все заметил что надо — и даже то, что от меня ускользнуло. Старею, брат. Старею. Но скажи, хорошо я сыграл? Поверила она мне, что устал и разбит?

— Так вы играли? Даже я, честно говоря, поверил.

— Что ты поверил — это как раз нормально. Не обижайся Ваня, но оперативной смекалки у тебя еще напрочь нет. А вот она... Ну, надеюсь, поверила. А двойник этот — да. Появляется периодически. С самой молодости на самых крутых переломах жизни я его вижу. И чувствую, встретимся мы с ним еще на узкой дорожке, и одному из нас несдобровать. Есть такое слово — доппельгангер. Знаешь, что такое?

— Э.. Двойной бандит?

— Да не гангстер, а гангер! Двойник то есть. Мистический дубликат из потустороннего мира, существование которого отрицает материалистическая наука. Это, брат, такое дело... — Глеб Георгиевич отвлекается от чая, оборачивается на Ваню — и замечает, что курсант занят вовсе не его метафизическими размышлениями. Пискунов взял со стола черно-белую фотокарточку в серебряной рамке и пораженно разглядывает.

На карточке женщина в красивом шелковом платье. Глубокие, чуть раскосые глаза заглядывают, кажется, прямо в душу из-под широкополой шляпы.

— Это... она? — не может совладать с собой Ваня.

— Нет, сынок. Это моя жена. Погибла в сорок первом при бомбежке.

— Значит, лейтенант Щеглова...

— Да. Моя внучка.

— А значит вы... — Ваня не верит себе, он не решается произнести, — легендарный Глеб Егорович — это вы?

— Нет, — резко отрезает подполковник и припечатывает характерным жестом указательного пальца. — Просто однофамилец. Ясно?

— Так точно, Глеб Егорович! Просто однофамилец! — вытягивается в струнку курсант.

— Расслабься, Ваня. Вот, пей чай. Нам предстоит долгая ночь, сынок. И систематизация архива, как ты понимаешь в наши планы не входит.

— Так точно, товарищ подполковник! Не входит!

— Ладно, ладно. Иди лучше, переоденься в чистое, — недовольно ворчит старик.

Не прошло и часа, как старенький «виллис» с подполковником за рулем и дремлющим Ваней на заднем сиденье не спеша пыхтел по Дмитровке.

Осенняя ночь, наконец, выключила дождь — и на черном хрустале ночного небосвода блестят звезды. Из оврагов поднимается туман. С трудом разлепивший глаза Ваня ловит указатель: «Петушки — 87, X-tLAN — 8». Успеваешь подумать — осколок ли это сна, или просто привиделось? Тем более что восьмерка как-то подозрительно лежала на правом боку и даже чуть-чуть шевелила, доходяга, ножками.

Больше не успеваешь подумать ни о чем.

— Вылезай, мореходка, причал на носу! — радостно кричит его спутник. Теперь, вдали от города, от привычной обыденности школы и от адской карусели этого безумного дня, Ваня по-новому взглянул на своего учителя. Да, стар. Но крепок и бодр — настоящий былинный богатырь. И гидру, и Чуду-Юду, и чудище стозевно одолеет, дай только срок.

Они спускаются в глухой овраг, в туман, в неизвестность. Сначала в тумане тают ноги, потом грудь, потом ныряешь с головой в это парное молоко — и только по звуку различаешь куда идти.

Плеск воды. Заросли смородины расступаются, и виден мост через тихую речушку. Мост деревянный, резной — перед входом на него, как арка, два куста с ярко-красными ягодами.

— Нам туда? — шепчет Ваня, и собирается шагнуть на отполированную веками древесину. Почему-то само собой разумеется, что здесь можно только шептать.

— Стой! — сдавленно хрипит подполковник. — Рано тебе еще через Калинов мост. Мне-то может, самое время — да и то я не рвусь. Здесь должен быть паром. Слушай.

Точно. Раздается тихий гул мотора, водный плеск. К просвету в кустах подъезжает платформа — ее толкает простой катер-буксир. Из кабины вываливается перепачканный в черном не то моторист, не то капитан.

— Ну что, долго вас ждать? Паром на Икстлан отходит, а если вам в Петушки — то это не ко мне, это к Минотавру — он сейгод электричками заведует. Едете?

— Едем! — припечатывает Глеб Егорович, и достает изо рта два пятака: — Это за меня и за того парня.

Вместе они делают шаг на паром, и вот уже скрывается в молочном тумане берег неведомой речки смородиновые кусты, тают в этом вязком молоке даже звезды — а когда проявляются, рисунок их уже совсем другой, и едва видны они в закатных лучах, и прыгать с платформы приходится на раскаленный желтый песчаник, а кругом вместо кустов — ярко-зеленые кактусы, как с картинок.

— Где мы, Глеб Егорович?

— Отставить, курсант! Я тебе как разрешил себя называть?

— Товарищ подполковник...

— Вот так и называй, и без этой самодеятельности. А на вопрос твой ответу так: ты что, указателей по дороге не читал? Мы рядом с Икстланом, в Мексике. В прошлый раз я где-то здесь припрятал «олдсмобиль». Ага, вот он. Садись давай, поехали. Время не ждет.

— А зачем нам в Мексику, Гле... Товарищ подполковник?

— Надо моего старого учителя проведать. Посоветоваться.

— Вашего старого учителя? — кашляет Ваня. — Вы не обижайтесь, но если вы, как я понимаю, ровесник века...

— Правильно понимаешь. И что?

— Но сколько же лет вашему учителю?

— Товарищу Хуану? Предполагаю, что лет четыреста. Минимум. Ну-ка, открой окошко — видишь, стучат.

В открытое окно залетает летучая мышь — и садится на приборную доску, замирая в гордой неподвижности. К ноге ее примотан белый бумажный клочок.

— Глянь, — бросает Щеглов.

— Таверна «Закат/Рассвет», 3 мили к югу, — разворачивает бумажку Ваня. — и удивленно комментирует: — Почему-то по-русски.

— А ты какой еще знаешь, кроме русского, — ехидно интересуется подполковник. — А если никакого не знаешь, то поблагодари гонца — видишь, ждет животное.

— А как?

— Ну как, как обычно. Раз вырезки у нас не осталось больше — значит кровью. Не бойся, много не надо. Пара капель, не больше.

Когда довольный десмод улетел, солнце уже почти закатилось. Последние алые отблески окрашивают пустыню в злоеший цвет. Кабачок, указанный в записке, благоприятного впечатления не производит — но уже не до красот и не до уюта.

В темном углу напротив входа их ждет человек в войлочной шляпе, черном камзоле, расшитом серебром, — и в пончо поверх этого великолепия.

— Хуан, старина! — обнимает его подполковник. Сколько зим, сколько лет! Познакомься вот, мой ученик — и твой тезка кстати. Хуан, что ты жмешься там в сторонке. Давай сюда, к нам! Подсаживайся, наливай себе — только кофе.

— Здравствуйте, — вежливо склонил голову Ваня.

— Хуанито, сынок, — прохрипел мексиканец. — Рад тебя видеть. Раз у Глеба есть ученик — значит я не зря прожил жизнь и теперь могу спокойно умереть.

— Типун тебе на язык, старина! — хлопает его по плечу подполковник. — Да ты еще всех нас переживешь! Ну давай, расскажи скорее, ты знаешь, зачем мы здесь?

— Я-то знаю, Глеб. А вот с тобой свежий воздух свободы может сыграть плохую шутку. Я сейчас буду говорить, а ты посматривай по сторонам внимательно. И ты, Хуанито, тоже. И когда начнется — будьте готовы.

— К чему? — хором переспрашивают русские.

— Ко всему, друзья мои. Я знаю, что он нашел меня. Мой час близок. Но вы не унывайте. Вы здесь из-за твоей внучки, Глеб — и твоей невесты, Хуанито.

Курсант зарделся и чуть было не пропустил следующую фразу:

— Она здесь, в подвале. Ее привезли сюда, потому что убивать нельзя — слишком много знает, а оставлять в вашей стране рискованно. Она девочка шустрая, удерет.

— А что, отсюда не удерет? — саркастически спросил подполковник.

— Может, конечно. Но одна по пустыне далеко не уйдет. Это вам не тайга, и даже не ваши Каракумы.

— Сколько у нас времени?

— Немного. Если заступит на охрану кадавр с ледорубом — его не обойти. Он жаждет реванша, он жаждет власти. И если придет за мной мой вечный противник, что вышиб меня с родины и отправил в долгое бегство от самого себя — нам тоже долго не продержаться.

— Так чего же мы ждем? — горячится Ваня.

— Мы ждем четвертого. Он обеспечит отход — без него начинать что-то просто подобно самоубийству. А вот, кстати, и он.

В бар входит — даже, скорее влетает, настолько стремительны и воздушны его движения — седой человек во фраке, белом галстуке и двумя револьверами у пояса.

Секунда, и он у стола, протягивает руку в лайковой перчатке:

— Джентльмены, о вас наслышан, так что формальности в сторону. Разрешите представиться — меня зовут Амброуз Бирс.

Ваня наклоняется и ехидно шепчет на ухо старшему товарищу:

— Что, скажете, тоже однофамилец?

— А сам-то как думаешь? — в тон ему отвечает тот.

— За дело, джентльмены? — спрашивает седой.

— За дело! — хором отвечает остальная троица.

Как раз в этот момент — конечно же, ни раньше, ни позже, последние закатные сполохи догорают в пустынной дали, тьма сваливается на окрестности кабачка.

Двери со стуком закрываются, гости срывают с себя маски алкашей-неудачников, хищно оскаливают клыки. Револьверы в руках Бирса рывкают, отплевываются серебряными пулями. Подполковник орудует невесть как возникшим в руке серебряным подсвечником, товарищ Хуан разит направо и налево шпагой, а в руках Вани — чисто рефлекс, ножка от табуретки и «розочка». Четверка спина к спине пробивается к запасному выходу. Где-то рядом, судя по шуму, тоже сопротивляются нежелающие становиться едой случайно забредшие на огонек гости.

Раздолбанное пианино хрипит попеременно то «Эй, Джуд», то «Ох, Сюзанна». Певичка, крутясь вокруг столба, сладострастно извивается — ее тело привлекает к себе внимание, манит — и даже то, что вместо рук шупальца не остановило бы, наверное, многих.

— Для наших гостей из далекой сибирской России, — маняще хрипит она, и начинает исполнять «подмосковные вечера». Ваня готов идти к ней сквозь драку, почти готов слиться с ней в немыслимом извращенном экстазе — но серебряная пуля Бирса кладет конец наваждению.

Певичка ловит ее шупальцем, томно облизывает раздвоенным языком — но уже поздно, Ваня целится и с размаху засаживает ножку от табуретки прямо ей в глотку.

Фонтан зеленой кровищи хлещет без остановки. Сквозь шум схватки слышен крик Хуана:

— Она на минус третьем. Туда!

Пробиваются по лестнице. Расталкивают оскаленные парочки, терзающие тела гостей, сливающие в экстазе, оружие и вопящие.

На минус третьем пусто. Тихо. Подозрительно пусто и тихо. Засада? Ловушка? Все равно. Ломают дверь, за дверью привязанная к стулу — она.

— Анечка! — одновременно кричат Щеглов и Ваня. Невозмутимый Бирс становится на вахту у двери, Хуан галантно, одним движением режет путы. Спасена! Свободна.

Но подозрительно тихо. Только вдалеке бьют часы.

— Дед, мне нужно много рассказать: слушайте быстро. Против Константина Устиновича Черненко готовится заговор. Ты слышал про ВЦ при ЦК?

— Да. Что неужели они хотят все-таки поставить над всеми нами эту адскую машину?

— Они фактически уже поставили. Юрий Владимирович отравлен. Константин Устинович скоро последует за ним. Все решения уже сейчас принимает машина — машина, спроектированная по штатовской технологии. Машина... — она прислушивается, — как долго бьют часы, они не могут бить столько времени.

— Это не часы, — мрачно роняет Хуан. — Это он. Он нашел меня. Это его шаги.

— Дирижабль будет через, — Бирс достает часы, нажимает репетир, — через четыре минуты. Надо продержаться.

— Кто-то должен задержать его! — кричит подполковник. — Я это сделаю, больше никому.

— Нет, дед, — берет его за руку Анна. — Ты нужен там. Только ты сможешь предотвратить этот ад, только ты сможешь уничтожить это безумие. Без Бирса вам не взлететь. Ваня, — она улыбается и гладит курсанта по щеке, — Ваня поможет тебе, и если с тобой что-то случится, продолжит дело. Остаемся мы с Дон-Хуаном.

Видно, что подполковник разрывается между долгом и любовью. Но выхода нет:

— Уходим! — командует он. — Анют, постарайся вернуться.

— Я постараюсь, — и Анна целует деда в щеку — а потом, совершенно неожиданно — крепко-крепко, врасос Ваню. — Не стой столбом. Увидимся, чао!

Приветственный жест ладонью, салют шпагой. Шаги все громче. Все здание сотрясается от этой поступи. Трое беглецов, не оглядываясь, несутся по коридору, через окно — на открытую площадку. Вниз — множество ступеней, гигантская пирамида, впечатанная в овраг. Вверх — черное небо, и на фоне черного неба и ослепительно ярко-звездных игл — белое облако. Нет, это не облако, это дирижабль. Он кидается вниз, как гарпия, крюки выстреливают с бортов и подхватывают команду.

А в темной комнате на минус третьем уровне — трясутся стены, пол, потолок. Дон Хуан проверяет шаг, девушка что-то шепчет — то ли заклинание, то ли молитву. Дверь слетает с петель, ослепительный свет заливают все. Анна визжит и поднимает ладони, из ладоней бьют молнии. Хуан заматывается шпагой и падает, как подкошенный. Хрипит:

— Все кончено. Я гибну! Донна Анна...

Непостижимым белым айсбергом дирижабль рассекает океан ночного неба. В гондоле пятеро. Говорит бесстрастный Бирс:

— Джентльмены, позвольте мне представить вашего соотечественника, Григория Ефимовича Распутина. Я познакомился с ним при очень странных обстоятельствах в северном ледовитом океане, и с тех пор периодически пользуюсь услугами его летающей льдины-крепости.

— Однофамилец? — обреченно уточняет Пискунов.

— Нет, почему же, — басит двухметроворостый бородач. — Тот самый.

— Но почему вы-то нам помогаете, — не понимает курсант. — Из-за денег?

— Я мзды не беру, юноша, — вздыхает богатырь. — Мне за державу обидно.

Раздается мелодия «Ох, Сюзанны». Щеглов и Ваня вздрагивают, но это всего лишь Бирс открыл часы:

— Здесь я буду вынужден вас покинуть, джентльмены! У вас чертовски приятная компания, но я, как всегда, отбываю в совершенно неизвестном направлении.

Он поднимает с пола ранец с парашютом и начинает прилаживать ремни:

— Помните только, когда будете строить свои расчеты, что случилось на мосту через Совиный ручей. Гуд-бай, джентльмены. И — удачи!

Дирижабль плавно покачивало. Курсант спал, Глеб Егорович беседовал с Распутиным. Они вспоминали общих знакомых, о чем-то спорили, горячились. Но сходились, как сквозь сон понял Ваня, в главном — машинная дикта-

тура, диктатура буквы закона, а не его духа — окончательно убьет страну. Этого нужно избежать во что бы то ни стало. Так что Анина жертва была не напрасной.

Впрочем, может, еще и не жертва. Может, все обойдется — в конце концов, у командора были счеты только к Дон-Хуану, а не к далекой его прапрапра-внучке.

Винты мерно гудели, дирижабль заходил в устье реки Смородины. Щеглов бесцеремонно растолкал Ваню: вставай, мол, перебирайся на поверхность.

На поверхности льдины было холодно — особенно после мексиканской пустыни. Утешало только то, что вдалеке виднелись уже кремлевские звезды.

Вот, курсант Пискунов и подполковник в отставке Щеглов уже на набережной. Они не спеша идут по ночной Варварке к Старой площади. Плана пока нет, план будет после. А пока старик снова тяжело опирается на трость — и руки его слегка дрожат.

На площади Ногина навстречу им медленно разворачиваются три «Волги».

Они ждут чего угодно, они готовы к появлению автоматчиков в бронжилетах, ученых в белых халатах — и даже к появлению Самого. Но из средней машины выходит немолодой человек в старом зеленом френче. Он идет к Щеглову, протягивает руку.

— А, товарищ генерал-лейтенант нас встречает, — саркастически хрипит Глеб Егорович. Но протянутую руку пожимает.

— Зачем так официально, Глеб?

— А ты хорошо выглядишь, разведка! Только зря старую форму надел, маловата она тебе.

— Не надо так, Глеб. Ты же знаешь, я...

— Я знаю, что ты. Я знаю где ты, когда и сколько, — чеканит слова Щеглов. Ему неприятен этот разговор — но уйти от него он не может.

— Ты обвиняешь меня? В чем? Я никогда, ни копейки...

— Да при чем тут твои копейки, — отмахивается подполковник. — Один очень умный человек сказал, что самый страшный из всех пороков — это трусость. Дай мне пройти, Вова. Дай мне пройти, и сделаем вид, что этого разговора не было.

— Нет, ты не пройдешь! Ты обвиняешь меня в трусости? Меня? Я поднимал роту в пешем строю против пулеметов, пока ты в тылу...

— Ну я в тылу тоже не на продуктовой базе подъедался! А трусил ты не тогда, под Кенигсбергом — а позже, в пятьдесят шестом. Что, не струсил?

— Нет! Я просто признал свои ошибки. Я признал. А ты нет. Хотя сам говорил, всегда говорил, что упрямство — первый признак тупости!

— Да, не меняют мнений только глупцы и покойники. И пусть я — глупец, отстраненный и почти разжалованный — но ты покойник. Ты умер не только для меня, а для себя. Умер, и сам не знаешь, что в твоём теле ходит кадавр! Дай мне пройти.

— Не говорит ерунды, Глеб. Ты не пройдешь!

— Ты хочешь, чтобы все было по закону. По твоему закону. По буковке, по черточке. А если не укладывается человек в нее, что твоя машина будет делать? Что она будет делать с человеком, давшему по морде подонку? Посадит за легкие телесные? А что она сделает с человеком, убившим насильника? Расстреляет?

— Да, расстреляет! И правильно сделает. Потому что в здоровом обществе...
 — Где, разведка? Где ты видишь здоровое общество, черт возьми? Ты у себя в генеральском кабинете совсем от жизни ушел? Дай пройти!

— Ты не пройдешь!

— И кто меня остановит? Твои люди? Не смеши меня.

— Я. Если потребуется, я сам. Меня, знаешь ли, тоже кое-чему научили — а я моложе. Последний раз прошу, уйди с миром.

— А я последний раз прошу — дай пройти.

— Ты не пройдешь. Что ж, пусть заговорит Пушкин. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»

И хмурое осеннее небо заволочло тучами, налетел ветер, пошел снег, сделала метель. Эта метель била в лицо, резала до крови, продирала до костей, пока Глеб не крикнул:

— Довольно, сокройся, пора миновала!

Они долго обменивались цитатами-заклинаниями, как ударами. Наконец, каблук генерала подвернулся в грязной жиже, он упал, ударившись головой о бордюр. Все стихло. Щеглов занес руку с кинжалом из трости для решительного удара — но в последний момент рука дрогнула. Все-таки, не мог зарезать бывшего друга.

В следующее мгновение генерал поднялся, перехватил кинжал и по самую рукоятку вогнал под печень подполковнику.

У Вани потемнело перед глазами. С криком «НЕТ!!!» он поднял ладони — и серебряные молнии пронзили генерала. Он подергался, замер.

— Глеб Егорович!!!! Това...

— На башне бьют куранты, уходят музыканты... — прошептал подполковник, и затих.

Куранты били полночь.

Из второй машины вышел человек в красивом импортном костюме:

— Товарищ курсант, необходимо отметить ваши заслуги в деле раскрытия заговора! Мой личный датчик показывает, что энергетическая вспышка, природу которой мы обязательно изучим, уничтожила наш ВЦ. Ваш учитель может гордиться вами. И хотя я, например, совершенно не представляю — что теперь делать — но я уверен, что в первую очередь надо поискать консенсус. Надо обязательно поискать консенсус. А уже потом расширить, и так сказать, ухлубить. Вы согласны со мной?

Ноябрьское небо снова начало мести ледяной крошкой. Москва ждала холодов.

Об авторе

Родился в Москве. Профессиональный финансист. Стихи пишет с детства, прозу — относительно недавно. Победитель и призер литературных конкурсов. Публиковался в журнале «Фантастика и детективы», альманахе «Астра Нова», различных сборниках. В № 2 за 2014 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Сталь, порох и бумага», а в № 1 за 2016 г. — рассказ «Путь далек...».

Дарья Зарубина

Мираклин

— Давай же, парень, — сквозь зубы зашипел Адам. — Нам пора убираться отсюда.

Эйб повис у него на руке тряпичной куклой, и Адаму пришлось ухватить его за шиворот и крепко тряхнуть, чтобы тот снова начал перебирать ногами.

Ощупью пробираясь по полутемным портовым труппам, Адам старался выбирать места темнее и глуше. Раз или два хозяева здешних мест, принимая Эйба за перебравшего гуляку, пытались потолковать с ними по вопросу неожиданных капиталовложений. Но всякий раз, осознав свою ошибку, торопливо убегались восвояси, предоставив джентльменам самим расхлебывать свою кашу. Адам не боялся лихих портовых парней. Может, потому, что в нем мало что осталось от джентльмена. А может, из-за того, что страх, который мог бы остановить его, остался далеко позади — в чистой маленькой лаборатории отцовского дома в Мэйдстоне — в том самом доме, где некогда был магазинчик миссис Перкинс. Магазинчик, куда, по слухам, некогда заходила за сахаром сама Френсис Киддер*. И единственное, что гнало сейчас Адама по дуврским дышащим гнилью закоулкам, было видение качающейся пеньковой петли.

По телу Эйба прошла едва заметная дрожь, из горла вырвался стон. И Адам зажал ему рот.

— Держись, братишка, — шепнул он, — Не смей сдаваться сейчас.

Адам втокнул Эйба в темную нишу. Рядом тотчас вспыхнул яркий свет. Открылась расшатанная дверь кабака, наружу вывалился подвыпивший матрос в компании ярко раскрашенной девицы. Шел сорок шестой год. Война окончилась, но морячок, видно, не заметил этого — он нагло оглядел Адама с головы до ног, стряхнул с руки хихикнувшую девку и, широко ставя ноги в грязных военных ботинках, направился к нему. Синий необъятный клеш на мгновение прильнул к ноге матросика, намекнув Адаму — у этой птички найдется для тебя перышко.

Адам видел много птичек — морских и сухопутных. Видел через внимательное око пулеметного прицела. Видел, как, несмотря на свои перышки, винтовки, кительки и шинельки, они падали в весеннюю грязь, безропотно подставляли лица под клювы падальщиков и отдавали мародерам казенные вороньи сапоги.

— Закурить не найдется? — ухмыляясь, спросил матросик. Адам заметил, как из двери кабака появились еще двое парней и, учуяв назревающую драку, направились к ним.

* Френсис Киддер — последняя публично казненная в 1868 году в Англии женщина-убийца.

— Завязал, — небрежно уронил Адам, стараясь закрыть собой сползающего по стене брата. Эйба трясло как в лихорадке, парнишка вцепился в пальто Адама и снова застонал.

— Здоровье берегу, — бросил в лицо матросику.

— Здоровье он бережет, — громче выкрикнул тот через плечо, отчего папироска в углу его рта подмигнула Адаму красным глазком. Приятели задиры прибавили шагу, на ходу закатывая рукава, — О здоровье думают тыловые крысы. Уж не сидел ли ты, парень, в кабинетике, пока мы кровь проливали... За королеву...

— Думаю, друг, что королеве едва ли нужен грог, что течет в твоей проспиртованной туше, — Адам осторожно нащупал за пазухой смит-вессон, — Шел бы ты стороной и не мешал человеку.

— Эта вонючая крыса... — обернулся было к товарищам морячок. Адам мысленно прикидывал, что делать с третьим, на которого не хватит пули, и успеет ли он уволочь Эйба из этой дыры, пока на крик девки не сбегутся местные.

Девка завизжала, хотя Адам еще не выстрелил. Матросик побледнел, застыл с открытым ртом, и папироса, прилипшая к его губе, задрожала. Адам почувствовал, что тело Эйба выгнулось дугой, рука, вцепившаяся в его пальто, разжалась.

— Бог мой, парень, нет, — с досадой прошептал Адам, ныряя в темноту и подхватывая брата под руки, — Это же Дувр, братишка. Они тебя повесят...

Под истошный крик девки матросики бросились наутек. И вслед за ними из переулка шагнул небольшой, в холке не крупнее лошади, длинный, мягко отсвечивающий зеленью ящер.

Ощерившись, рептилия выбросила вперед длинную суставчатую лапу, сцапала задиру-матросика и поволокла по плевкам и отбросам.

Адам вытасил из-за пазухи короткую толстую палочку, вложил ее в яростно клацающие зубы брата и держал, покуда Эйб не затих:

— Ну же, Абрахам, убирай эту тварь, мальчик... — ласково попросил он, но Эйб блаженно улыбался, бессмысленно глядя в черное исколотое звездами небо. Тварь с глухим влажным чавканьем заглатывала ногу истошно вопившего драчуна. К чести выпивохи, тот не только насаждал горло, но и умудрился выхватить нож и пару раз ударил им по фосфоресцирующей чешуйчатой морде.

Адам поднялся, приблизился, выстрелил твари в желтый круглый глаз, потом подхватил на плечи обмякшего Эйба и нырнул в темноту.

Весной 1879 года, в тот самый день, когда солнце нещадно жгло осоловевший от зноя Париж, когда упрямый зануда Альфонс Бертильон, лелея в голове честолюбивые мечты, корпел над полицейскими карточками. Когда седеющий Жан Серве Стас, первооткрыватель способа выделения растительных алкалоидов из трупного материала, вносил правку в очередную статью. Когда в далекой Германии Юлиус Конгейм подтвердил инфекционную природу туберкулеза, Людвиг Бригер обмакнул перо в чернила и вывел на девственно чистом листе первые слова своего «Ueber Ptomaine», а юная красавица Амелин Сидэ заметила в дверях книжной лавки месть Тибо скромно одетого молодого доктора... Так вот, в этот самый день в Лиможе, в небольшом розовом домике с эркерами жена аптекаря Этьена Миро Эрнестина произвела на свет первенца — Рене.

И, пожалуй, никто, ни доктор Вернон, присутствовавший при родах, ни счастливый отец, ни бабушка — мадам Клер — никто не предполагал, что этот краснолицый, захлебнувшийся плачем младенец всего через пару десятков лет принесет в этот мир чудо.

Сам Рене тоже до поры до времени не подавал признаков гениальности. Как все окрестные мальчишки, он по воскресным дням ходил с маменькой и гранд-мам в церковь и покорно рассказывал святому отцу, как начал дегтем круассаны мадам Элоизы и как они с Жаном и Матье, сыновьями булочника Лаватена, на днях открыли перочинным ножом мертвую крысу.

Священник мягко журил Рене за круассаны, втайне благодаря провинение, покарвавшее гадкую сплетницу Элоизу. А вот за осквернение тела твари Божьей Рене, а также и более молчаливые на исповеди братья Лаватены каждый по две сотни раз прочли «Отец наш небесный» и обещались до самой Пасхи помогать церковному комитету убирать цветами алтарь. Что с успехом и выполнял Жан. Матье, к сожалению, не проявил достаточного вкуса и был привлечен к уборке и ремонту церковных скамей. А Рене? Рене составил несколько замечательных букетов для воскресной службы и, походя, начал церковные свечи похищенной из аптеки Этьена Миро серой.

Даже заступничество мадам Клер, имевшей вес в церковном комитете, не смягчило гнева святого отца. Грех осквернения мертвой крысы остался неотпущенным, а нечестивец Рене перестал сопровождать маман и мадам Клер на воскресные богослужения. И, признаться, не слишком расстроился. Его больше занимала мертвая крыса...

Эти твари были повсюду. Их красные глаза фосфоресцировали в темноте. Эйб лежал на деревянном ящике, укрытый от любопытных глаз сваленными в груды мешками. Адам подтащил к нему пару бочек и, поднатужившись, поставил одну на другую. В воздухе резко запахло порченной рыбой. Теперь даже самый внимательный пассажир «Екатерины» не заметил бы в нагромождении груза распростертое на досках, неподвижное человеческое тело. А если бы все-таки заметил — молча поспешил удалиться, решив, что бедняга уже переселился в более счастливое и веселое место, где не было места алчным красноглазым крысам и сизой пыли, лохматой как клочья ваты.

Но юноша был жив. Адам уже не верил обманчивой неподвижности брата. Лицо Эйба было чистым и безмятежным, как сентябрьское вечернее небо. Но Адам знал, что через какие-то пятнадцать-двадцать минут это небо вспыхнет и мечущиеся лучи прожекторов выхватят из бархатной синевы черные силуэты юнкерсов — эйфория, охватывавшая брата после каждого чуда, проходила. Оставалось лишь надеяться, что «Екатерина» придет в Кале в срок.

Барка мерно покачивалась на волнах. Эйб спал. Пока он спал, Адам мог отдохнуть. Он прикрыл глаза, но не убрал руки с рукоятки смит-вессона. Сон Эйба становился с каждым днем все короче, и один Бог знал, во что в следующую минуту придется всадить пулю.

В правом кармане оставалась еще одна — последняя доза. И Адам надеялся лишь на то, что в Кале найдется сумасшедший, готовый продать ему еще.

Осенью 1891, когда в Брюсселе умирал Жан Сервэ Стас, а в далеком Санкт-Петербурге Иван Петрович Павлов намечал перспективы нового отдела физиологии Института Экспериментальной Медицины. Когда Роберт Кох возглавил основанный им Институт инфекционных болезней в Берлине, а Михаил Федорович Попов отдал в редакцию «Известий Томского Университета» статью «О птомаинах, токсальбуминах и об иммунитете», в маленькой лиможской аптеке появился новый помощник — сын аптекаря Рене. В день, когда Попов, заведующий кафедрой судебной медицины Императорского томского университета, обрушился с критикой на идею Ломброзо о «порочной организации» преступников и провозгласил, что преступником человека делает воспитание — в тот самый день Этьен Миро вернулся домой раньше обычного и собирался уже плотно поужинать, когда Эрнестина заговорила с ним о Рене.

Мальчик рос непослушным, огорчал святого отца, матушку и бабушку... Под потоком жалоб супруги Этьен отложил ложку, молчаливый, как кладбищенская статуя, направился в кабинет и потребовал к себе сына.

Через месяц с небольшим Рене начал работать в аптеке у отца. По советам сказать, Этьен Миро не слишком хорошо представлял, что делать неумному подростку в стенах аптеки, и потому Рене чаще скучал от отсутствия дела и доверия родителя, по сотому разу перемывая склянки, протирая пол или окна. От скуки он начал читать.

За чтением статьи «Применение пикриновой кислоты при определении растительных алкалоидов в токсикологии» в одном из новых, только что привезенных отцу парижских журналов, и застал мальчика звонок колокольчика.

Этьена Миро вызвали к мадам Лаватен — бедняжка лежала без чувств, муж опасался за ее жизнь и рассудок, но никак не мог отыскать доктора. Причиной бедственного положения мадам послужила гибель Матье — его нашли поутру возле дерева, где мальчишки устроили себе дом на ветвях. Матье упал и разбился. Испуганный и встревоженный, Рене напросился с отцом.

Покуда мсье Этьен хлопотал вокруг мадам Лаватен, Рене прокрался в комнаты, где, окруженный свечами, лежал мертвый товарищ. Но, увидев его бледное, восковое лицо, заострившийся нос, сизые губы, Рене не почувствовал ни страха, ни отвращения, ни печали — маленький, похожий на лисенка, он шмыгнул к гробу и внимательно вгляделся в лицо Матье.

— Мсье, — тихо сказал он отцу в экипаже по дороге домой, — мне кажется, Матье не умер...

— Я понимаю тебя, мой мальчик, — снисходительно отозвался аптекарь. — Он на небесах, и смотрит на тебя.

— Нет, отец, — возразил Рене, и голос его окреп, — Я думаю, его убили. Я заметил на его шее пятна, думаю — его задушили, а потом сбросили с дерева.

Через шесть месяцев убийца Матье Лаватена был казнен. Рене Миро продолжал тайком вскрывать крысы, не ведая, что его судьба уже предрешена.

Ночь была так темна, что Адам не опасался случайных прохожих. Чертовы лягушатники оказались еще трусливее своих — взять новую дозу было неоткуда. Адам снял комнату в грязной гостинице, накрепко прикрутил Эйба к кровати, вколол брату морфия.

Пожалуй, за пару монет он уговорился бы с местными о помощи, да только дельце было не шуточное. И полагаться можно было только на себя. Поэтому он впервые за долгие месяцы решился оставить брата одного.

Адам размахнулся и воткнул лопату в землю. Искать свежую могилу в такой темноте было трудно — он пошел на запах живых цветов, шупал пальцами еще не осевшую землю. Наконец, выбрав наугад могилу, Адам принялся быстро, не щадя сил копать, покуда лопата не чиркнула о крышку гроба.

— Прости, друг, — тихо шепнул он, поддевая лопатой доску, — может быть, Господь наш простит тебе твои грехи за то, что я сейчас вынужден сделать.

Адам расстелил на земле простыню, взятую с кровати в гостинице, стараясь не дышать, вытряхнул на нее тело, развернул кожаный футляр с инструментами. Брюшина трупа поддалась легко, скальпель вошел почти беззвучно. Адам ощупью нашел то, что требовалось, тщательно отделил материал и положил во флягу со спиртом. Наскоро забросал гроб землей, молясь, чтоб Эйб дождался его возвращения.

Парню было плохо — комната кишела тварями. Адам набрал ванную, переловил химер и утопил, чтоб не мешали работать. Пристрелить проще, да только постороннее внимание ни к чему. Реактивов почти не осталось: эфир и едкий калий отсутствовали вовсе. Адам выругался — в который раз за вечер.

Абрахам выгнулся, хрипя. Лопнула веревка. В углу комнаты сгустилась тьма и из нее тотчас соткались, устремились к нему полтора десятка толстых осьминожьих щупалец. Адам пару раз со злости ударил по ним кочергой и вышел. Кажется, на соседней улице есть небольшая аптека, возможно, если быть тихим и осторожным, лягушатник не заметит, что кто-то пользовался его гостеприимством.

В 1902 году, когда дело Роз Харсент стало известно далеко за пределами тихого Писенхола. Когда эсер Балмашев был повешен за убийство министра внутренних дел Сипягина. Когда пришедший на улицу Фобур Сент-Оноре в дом No 157 Альфонс Бертильон обнаружил на месте убийства его слуги Жозефа Рейбеля осколок стекла с жирным отпечатком пальца — и захватил с собой в лабораторию... так вот, в тот год молодой Рене Миро был всего лишь одним из многих молодых медиков, которых судьба привела под крылышко Сюртэ. Усердный анатом, Рене любил свое дело и был достаточно честолобив, чтобы добиться многого. Но даже он не предполагал, что первым шагом к мировой славе станет дело Амелин Ортанс.

Амелин Ортанс (урожденная Сидэ) была женой доктора Жана Мориса Ортанса. Супруги благополучно прожили в браке более двадцати лет, подавая друзьям и знакомым пример супружеских отношений. Но безоблачному счастью не суждено было длиться вечно — Амелин заболела. Убитый горем муж диагностировал туберкулез. От этого недуга Амелин и скончалась на руках супруга, и была похоронена на кладбище Монпарнас — безутешный Жан Морис не жалел денег и не скупился на обещания и мольбы. Ведь речь шла о его Амелин.

Мадам Ортанс так и упокоилась бы с миром, если бы не анонимное письмо, заставившее полицию заподозрить неладное. Неизвестный утверждал, что супруг облегчил мадам Амелин переход в мир иной при помощи

таинственного яда, который тот приобрел незадолго до смерти супруги в Новом свете через цепочку знакомых.

Следователь, не менее честолюбивый молодой человек, немногим старше Миро, вцепился в дело, надеясь, что таинственный яд обеспечит ему внимание газет. А на стол к Рене лег трупный материал, полученный при эксгумации тела Амелин.

Дело окончилось, едва начавшись. Жан Морис признался, что отравил жену мышьяком, не в силах видеть ее страдания. Суд признал его виновным, и уже через пару недель Париж забыл о месье Органсе, увлеченный новыми сенсациями.

Единственным неготовым расстаться с делом Органс был Рене Миро. Он все еще не определил, что за яд использовал сентиментальный доктор для убийства супруги. Миро был уверен: Органс использовал не мышьяк или какой-либо другой металлический яд. Сам Орфила, если бы был жив, согласился бы с ним.

Рене понял, что нужно искать алкалоид.

Адам снял пальто и с сожалением заметил, что полы прострелены в трех местах. Одна пуля задела плечо. Царапина. Он видел раны значительно тяжелее этой. Только плечо болело нестерпимо, и сама мысль о том, чтобы взвалить на себя бредившего Эйба, вызывала озноб.

Чертов аптекарь оказался бдительным — слишком резво вызвал жандармов. Адам бросил в аптеке все: инструменты, остатки трупного материала, грязные колбы. Взял только дозу. Уж теперь у тех, кому придется за ним убирать, не останется сомнений, что готовили в лаборатории этой аптеки.

Адам наклонился над Эйбом, наложил жгут на правую руку брата и ввел в вену все содержимое одного из двух шприцев. Юноша резко втянул ртом воздух, его глаза широко раскрылись. Волна дрожи прошла по телу.

— Где мы, сэр? — через минуту прошептал он, пытаясь сесть, — Здесь так холодно...

— Вставай, парень, — стараясь казаться спокойным, ответил Адам, — Нам предстоит долгая дорога...

— Так точно, сэр, — едва слышно отозвался Эйб. Он спустил ноги на пол, настороженно осмотрелся, прищурился, вглядываясь в лицо брата.

— Извините, сэр, — начал он, но остановился, подбирая слова, — Разрешите обратиться, сэр. Я на положении военнопленного?

— Вы на положении свободного, но очень больного человека, — ответил Адам, — Война закончена. Во всяком случае, для тебя.

— Вы можете подтвердить это документами? — спросил Эйб, недоверчиво оглядывая Адама, кровь на плече, испачканную землей одежду. — Возможно, у вас есть письменный приказ моего начальства?

— Тебе придется поверить мне на слово, Эйб, — ответил Адам, одеваясь, — Как брату.

— Адам? — переспросил Абрахам, заглядывая ему в лицо.

— Точно, парень, — Адам помог брату подняться и поправить одежду, —

И пока ты в сознании, нам стоит поторопиться.

— А это? — испуганно шепнул Эйб, косясь на комок мертвых щупалец.

— А это уже не важно...

Рене Миро был ученым. Из тех, для кого наука становится единственной возлюбленной. Одержимый загадкой, он неделями не покидал лабораторию, экспериментируя, пробуя все новые реактивы.

Алкалоид. Рене Миро искал алкалоид. К его величайшему сожалению, время работало против упрянца. Труп успел изрядно разложиться, и теперь выделить растительный алкалоид, которым воспользовался Ортанс, стало в сотни, тысячи раз сложнее. Отделить его от животных алкалоидов, продуктов тления — птомаинов... Миро сходил с ума.

Увы, наука, его капризная любовница, не могла в те поры помочь ему. Опыты чередовались с экспериментами. Несколько раз Рене был близок к разгадке, но удивительное происшествие заставило безумца Миро оставить загадку Ортанса.

Выделив очередной образец, Рене в который раз приступил к серии опытов. По счастью, в Париже водилось достаточно бездомных собак. С помощью ассистента, месье Клода, Миро доставил в лабораторию двух собак и обеим ввел полученное вещество.

К радости исследователя у одной из подопытных вскоре появились те же симптомы, что и у бедной мадам Ортанс. Животное умерло. Но каково было удивление Миро, когда он обнаружил, что вторая собака, у которой на момент начала эксперимента наблюдались признаки туберкулеза, не издохла, более того — находилась в полнейшем здравии. При более детальном осмотре потрясенный Рене Миро обнаружил, что собака не только не пострадала от введенного препарата — шрамы и ожоги, также наблюдавшиеся у животного ранее, исчезли.

Миро решил повторить опыт, расширив опытную группу. Было заражено туберкулезом пять животных. Непосредственно перед введением препарата собакам были нанесены идентичные резаные раны скальпелем. У четырех собак из пяти после введения препарата обнаружилось быстрое рубцевание ран и восстановление функций поврежденных органов. Пятая собака умерла после череды судорог, при которых изо рта животного появились большие объемы пищи, едва смазанной желудочным соком.

Из голодной дворовой собаки, которой перед экспериментом не давали есть, вышло порядка трех килограммов свежей еды, хоть и посредственного качества. Словно невидимая сила на глазах ученых набивала бедное животное пищей.

Миро вновь принялся за эксперименты, на этот раз остановившись на двух животных, предварительно зараженных туберкулезом бычьего типа, одно из которых плотно покормили перед введением препарата, а другое оставили без еды.

Голодная собака погибла, сытая — выздоровела.

Заинтригованный результатами исследования, Миро решил на рискованный шаг — эксперимент над человеком. С этой целью он собрал сведения о безнадежных пациентах клиник Парижа и предместий и лично поговорил с каждым из сорока шести. Несмотря на риск, двое из них согласились стать испытуемыми.

Мадам Р., вдова шестидесяти лет, после заражения туберкулезом и введения препарата почувствовала улучшение самочувствия, прекращение болей. Неоперабельная раковая опухоль начала уменьшаться и совершенно исчезла через шесть дней после начала эксперимента.

Мадам Г., сорока девяти лет, страдающая правосторонним параличом тела, умерла вследствие развития болезни, получив известие о долгожданной женитьбе сына.

— Это чудо, — воскликнула мадам Р. над ее трупом, — Ваш препарат не вылечил ее, он исполнил ее желание. Умирая, она была совершенно счастлива.

— Чудо, — повторил в глубокой задумчивости Рене, — «Miracline»...

Так была открыта «сыворотка чудес» — мираклин*. Но в тот момент его отец и первооткрыватель и не подозревал, какая судьба ждет его детище в новом XX веке.

Адам оставил дрожащего от слабости Эйба в дровяном сарае, надеясь, что никому не придет в голову в такой час туда отправиться. Взмечал на крыльцо и дернул за колокольчик, думая, как заставить прислугу без лишних расспросов впустить его в дом.

Но дверь открыла не служанка, а высокий седой господин в свободном артистическом свитере.

Адам не предполагал, что Рене Миро так мало похож на свои портреты в научных журналах. Он ожидал увидеть старика, изнуренного научной лихорадкой, сломленного невзгодами. Но господин Миро, несмотря на свои шестьдесят семь лет, был крепок и держался прямо.

— Что вам угодно, месье? — спокойно спросил он, со сдержанным интересом оглядывая одежду молодого гостя.

— Мне нужна ваша помощь, господин Миро, — глухо проговорил Адам.

— Вы, мой друг, по-видимому, англичанин, — небрежно бросил старик, переводя взгляд с незваного гостя на пышные пунцовые астры под окнами дома, — Я уже достаточно помог англичанам. Поэтому прошу простить меня...

Так и не взглянув в глаза своему посетителю, Миро повернулся и взялся за ручку двери.

— Месье Миро, я прошу не для себя, и уж тем более не для своей страны, — дрогнувшим голосом бросил ему в спину Адам, — Я прошу для того, кому знакомство с вашим открытием может стоить жизни...

— Мое, как вы выражаетесь, открытие, — не оборачиваясь, тихо ответил старик, — многим стоило жизни и карьеры. И в том нет моей вины. Я не смогу помочь вам.

Адам чувствовал его непреклонную решимость. И, пожалуй, понимал чувства старика. Но в дровяном сарае, корчась от боли, лежал его брат. Совсем еще мальчик. И Адам решил не выбирать средств.

— Подразделение М-1, — тихо сказал он, так, чтобы услышал только старый брюзга, — Вы точно не чувствуете вины, профессор?

Миро остановился в дверях, потом медленно пошел в дом, не закрыв двери. Адам счел это приглашением.

* Мираклин — неизопреноидный индольный алкалоид, психоактивное вещество из класса триптаминов. Галлюциноген. Выработка М. провоцируется воздействием МБТ на обмен триптофана в организме человека. При предельной концентрации является сильным ядом. Побочное действие: при высокой концентрации способствует спонтанной материализации образов, продуцируемых областью бессознательного. М. впервые выделен в 1902г. Р. Миро в лабораториях Сюртэ (Париж).

— Со мной раненый, — крикнул он вслед старику. Миро устало махнул рукой, позволяя гостю делать, что заблагорассудится. Через четверть часа Эйб лежал на софе в гостиной профессора. Адам сидел у него в изголовье. Миро не стал садиться: он медленно прохаживался возле камина, согревая в руках бокал с коньяком. От коньячного аромата желудок Адама громко напомнил о том, что нуждается в пище.

— Я отпустил прислугу, — ответил Миро желудку, — Но могу предложить холодную телятину, сыр...

— Не нужно, — ответил Адам, — я прошу прощения за свои слова. Надеюсь, выслушав меня, вы поймете, что вынудило меня быть жестоким. Мне нужна ваша помощь. Вы — последний человек, способный ему помочь. Вы — отец мираклина...

— Я всего лишь нашел мираклин, — воскликнул Миро, прерывая гостя, — Нашел, как уличный мальчишка находит монету. Я нашел чудо. И это сломало мне жизнь. И не только мне. Они запретили мираклин. И я был не против — вещество опасно. Я сам помогал им уничтожить сведения о нем, едва вполне осознал, чем может стать мой мираклин. Но у меня нашлись последователи, нашелся ученик, такой же ненормальный, каким был я сам...

Адам молчал, глядя в пол. При последних словах профессора странная смесь чувств отразилась на его лице, но Миро не заметил этого. Старик продолжал ходить по комнате, широко размахивал руками, расплескивая коньяк.

— Этот ненормальный, кажется, даже писал мне несколько раз...

— И вы не ответили, — глухо отозвался Адам, — тогда ему пришлось самому разыскивать информацию о ваших опытах с мираклином. Вы могли предупредить его, но не нашли нужным ответить на письма. Тот парень оказался, на свою беду, старательным малым — он нашел не уничтоженные выпуски журналов с вашими статьями о первых экспериментах. Он воспроизвел...

— Так это были вы? — потрясенно воскликнул Миро, — Это вы, мистер Адам Сэн..., Стэн...

Старик зашелкал пальцами, пытаясь вспомнить фамилию, но Адам не спешил помочь ему.

— Не нужно, — бросил он, — Того человека больше нет. Я изменил имя, когда меня попытались заставить работать на проект М-1. Проект, созданный на основе моих собственных исследований. Моих и ваших. Я стал другим человеком, я бросил семью и ушел на фронт, надеясь потеряться там, на передовой, и вернуться, когда шум уляжется. Я был уверен, что без меня они ничего не смогут сделать. Но им удалось привлечь к сотрудничеству вас, мой дорогой меесь Миро — самого отца мираклина. Да, я открыл мираклиновую кому. Но именно вы создали отряд М-1, в который попал мой брат.

— Этот молодой человек?.. — Миро с интересом посмотрел на мертвенно бледного Эйба. Абрахам впал в короткое забытие, и Адам надеялся, что им удастся договориться со стариком к тому времени, как парнишка начнет «творить чудеса».

Миро присел на корточки возле софы, пристально взгляделся в лицо Эйба. В глазах старика вспыхнула надежда.

— Они закрыли проект?

— Нет, — холодно ответил Адам, — М-1 существует и остается основным оружием моей страны. Да и какая страна откажется от отряда чудотворцев. Я выкрал брата...

— Я был прав, называя Вас сумасшедшим, юноша, — почти радостно отозвался Миро, на этот раз с заметным интересом взглянув и на старшего из братьев, — Но ваш брат слишком молод, чтобы заинтересовать военных?

Адам развел руками, будто бы извиняясь за свое безрассудство.

— Увы, не мне вам объяснять, что для М-1 нужны не мускулы, а здоровое тело, богатая фантазия и большая внушаемость. После того, как вы покинули проект, они значительно омолодили состав группы — и дальность материализации увеличилась вдвое. Синхронизированная группа из двадцати человек способна материализовать внушенный образ любой величины за вести одиннадцать миль от базы, размерами не более самоходной машины — за триста миль. И это с погрешностью менее километра.

— Потрясающий результат, дружище! — Восторженно воскликнул Миро, счастливо глядя на Адама, — я и не подозревал, что мираклиновая кома может обеспечивать такую дальнобойность! Но... организм должен работать на пределе...

— За пределом, — мрачно кивнул Адам, — максимальная интенсивность выработки мираклина надпочечниками, плюс инъекции по три кубика в сутки.

— И он еще жив? — Миро удивленно заглянул под веки Эйбу, — Он в сознании? Вы вытащили его?

— Нет, не вытащил. — Молодой человек подошел к каминной полке и, не спрашивая разрешения хозяина, налил себе в бокал коньяка, выпил залпом.

— Я старался, — чуть охрипшим голосом ответил он.

Он действительно сделал все, что было в его силах. Пытался восстановить работу надпочечников, приостановить выработку мираклина. Тщетно. Попытки уменьшить дозу вводимого препарата привели к глубоким обморокам и, дважды, к остановке сердца. Адам реанимировал брата. И начал эксперименты сначала. Переливание крови не дало результатов. Эйбу становилось хуже, требовалась все большая доза. Галлюцинации Абрахама становились все причудливее, убирать следы материализации становилось труднее. Чтобы не попасться в руки военных, Адам возил брата по стране, пробуя все новые способы лечения.

— Результата нет, профессор, — горько заключил Адам, — Он умирает. Наука не в силах его спасти, поэтому остается только чудо. Вы — творец чуда, творец мираклина. Вы знаете о нем все. Может быть, есть способ, о котором я и не догадываюсь. Возможно, другие свойства...

Адам замолчал, с надеждой глядя на старика. Миро покачал головой.

Он знал свойства «чуда», как свои пять пальцев. Мальчик был обречен. Рене потер пальцами лоб, стараясь найти слова. Но в тот же миг безумная мысль мелькнула в его голове.

— А вы пробовали сами принимать мираклины? Вылечить брата в мираклиновом припадке материализации? Ведь, судя по всему, это ваше желание ошутимо доминирует над другими?

— Увы, профессор, — отозвался Адам, — я пробовал и это. Но, видимо, для меня в этом мире чуда не предусмотрено. Полкубика внутривенно — и анафилактиксия. А вот туберкулез обжился так хорошо, что я едва не умер, пока таскал Эйба из города в город, бегая от тех, кто охраняет мирный сон моей родины.

— Я сожалею, — прошептал Миро.

— Я знаю, что вы сожалеете, — заговорил Адам, вцепившись взглядом в лицо старика, — Сожалеете не только о моем брате. Я знаю цену сожалений. Я исправил бы все сам — но бессилён. Бессилён как младенец. Чудо в ваших руках, месье Рене, и ваши сожаления будут гарантией. — Голос молодого человека окреп, в нём послышались стальные ноты, — Жалей вы чуть меньше, и какое-нибудь другое желание могло бы одержать верх. Но вы сожалеете также как я. Вы сожалеете о тех, кто поплатился жизнью и научной карьерой, защищая ваше изобретение. Вы сожалеете о тех, кого убила зависимость от вашего детища...

Адам помолчал, испытывая странное наслаждение от смятения старого профессора. Кажется, Миро наконец начал понимать, за чем в действительности пришел его незваный гость. Эйб выгнулся на узкой софе, застонал.

— А еще, мой друг, — почти шепотом добавил Адам, и на его губах дрогнула улыбка, — я знаю, что вы больны туберкулезом. И я склонен видеть в этом перст судьбы, дорогой профессор. Я жду от вас... чуда.

Адам протянул старику шприц.

Миро спокойно принял его, рассмотрел, взвесил на ладони.

— Вы умный человек, месье Адам С., — наконец сказал он, — Умный и жестокий. Отчего-то я уверен, что если я сам не сделаю себе инъекцию, вы вполне способны мне помочь. Но я не в обиде. Я виноват перед вами и вашим братом. И я искренне хотел бы все изменить.

Миро неторопливо сел в глубокое кресло. Адам подал ему жгут. Профессор откинулся на спинку кресла и сосредоточенно ввел содержимое шприца в вену.

— Я, правда, желал бы все изменить, — шепнул он.

Весной 1879 года, в тот самый день, когда Софья Ковалевская выступала с сообщением на VI съезде естествоиспытателей в Санкт-Петербурге... В этот самый день в Лиможе, в небольшом розовом домике с эркерами жена аптекаря Этьена Миро Эрнестина произвела на свет дочь Мари Эмануэль. Обычную девочку, в будущем — примерную жену, мать троих детей, бабушку восьмерых внуков. Женщину, не поколебавшую ни единой из мировых основ.

А в далекой Германии, во Франкфурте-на-Майне, вместе с Мари и другими ничем не примечательными крикливыми краснолицыми младенцами, в тот же солнечный весенний день появился на свет Отто Ган — будущий отец ядерной химии.

Об авторе

Родилась и живет в г. Иваново. Кандидат филологических наук. Работает редактором газеты и преподавателем русского языка как иностранного в Ивановском государственном энергетическом университете. Первая литературная публикация состоялась в 2009 году. С тех пор опубликовано три романа (один в соавторстве), четыре повести, более 30 рассказов.

Евгений Ткачёв

Последний миг жизни

Кино закончилось поздно. Марина ещё долго продолжала сидеть на своём месте и лениво смотреть на пробегающие по экрану титры. Это было её любимое занятие. Список имён. Казалось, что он может длиться бесконечно.

Мимо уже спешили зрители. Молодая семейная пара двигалась в объёмку к выходу. Щупленький паренёк в ветровке, уже заткнувший уши бусинками наушников. Люди, люди... люди. И их совершенно не интересовали имена тех, кто только что выложил перед ними свою работу.

Может быть, это и верно.

В зале зажегся свет, и меж рядов засновали крепенькие тётеньки со швабрами. Марина поднялась, поправила куртку и двинулась в сторону выхода. Там уже наверняка собралась очередная публика, жаждущая зрелищ. Марина поморщилась и ускорила шаг, ощупью находя телефон в сумочке. Давно пора навести в ней порядок.

Экран засветился ровным матовым светом. Пароль, установка связи... Умная техника отобразила облачко прямо в центре, намекая своей хозяйке, что на улице дождь. А зонтиком она так и не озаботилась. Марина тяжело вздохнула и, морально готовясь к безрадостному зрелищу, надвинула капюшон посильней.

И впрямь, разверзлись хляби небесные. Серая пелена дождя стояла стеной, вода весело пузырилась в разбегающихся лужах, и уже на расстоянии вытянутой руки трудно было что-то различить. Пробежка до остановки становилась подвигом при выживании во Всемирном Потопе, и конца этому не было видно.

Над головой щёлкнул и расправился тёмный мужской зонт. Мощная лакированная рукоятка ткнулась в ладони.

— Такси скоро подъедет, — раздался голос из-за левого плеча.

— Спасибо, — Марина взяла предложенный зонт, даже не обернувшись в сторону внезапного помощника. — Но, если честно, я бы и сама справилась.

Тёплый воздух чужого дыхания неприятно шекотал ухо.

— Мне это было несложно. И даже приятно.

Марина тяжело вздохнула. Она не любила подобных бесед. И таких собеседников тоже.

— Хороший был фильм?

— А ты не смотрел? — поинтересовалась она.

— Хочу для начала узнать твоё мнение. Я, знаешь ли, ему всегда доверял.

— Жвачка, — безжалостно бросила Марина. — Обёртка от шоколадки. Яичница всмятку.

— Как всегда. Зато через десятилетия люди назовут это...

— Да какая нам, собственно, разница, как это назовут через десятилетия.

Марина устала. Ей хотелось прийти домой, заварить огромную чашку крепкого чая и, забравшись в пенную ванну, полистать пустой глянцевого журнал. Чтобы отдохнуть, чтобы ни о чём не думать.

Тут за пеленой дождя мелькнули фары и раздался призывный гудок такси. Марина вздрогнула, а потом зябко повела плечами.

— Что мне с зонтом делать?

— Хочешь — оставь, а хочешь — выкинь, как сядешь, — в голосе её собеседника скользнула ирония. — Какая нам, собственно, разница.

Марина прошла к машине, которая оказалась довольно бодрой «жучкой», выкрашенной в жизнерадостный жёлтый цвет. Потом обернулась и посмотрела назад. Её собеседник довольно ловко прятался за маревом дождя, и казался огромной серой тенью. Только в районе глаз горели два ярких красных уголька.

— И всё равно спасибо, — сказала она. Насмешливый голос фыркнул в её голове. Прямо под непослушной копной рыжих волос.

Потом она опустила зонт в лужу и подтолкнула его сторону хозяина.

Марина не любила оставаться должной.

* * *

Их взяли в клещи на самом выходе из ущелья. Бешеной собакой пролалял американский автомат, и тут же вырос каменный цветок, возвращённый «Мухой». Леха только и успел прыгнуть в сторону, подгребая под себя юнца из последнего призыва. Спрятаться, вжаться. И лишь потом осмотреться. Оценить обстановку. И начинать действовать.

Хотя, фигли её оценивать. Обстановка хреновая — как ни крути. Духи явно засели где-то сверху, а наши перед ними — как на обеденном столе. Вот душеры и поливают свинцом, даже высунуться не дают.

Суки.

Салага застонал. Леха скосил на него глаза. Голос подал, шевелится. Значит, будет жить. Видимо, когда падал, головой о камень шибанулся. Ничего. Это уж до первой брачной ночи затянется.

«Земля, земля. Я Второй. Я Второй. Духи прямо надо мной. Приём. У меня три «трёхсотых» и один «двухсотый». Приём. Да где же вы, твари?»

Леха огляделся. Командир крыл матом рацию за соседним камушком. Рядом, согнувшись калачиком, лежал кто-то знакомый, но как Леха ни всматривался, узнать, кто это был, он не мог. Чуть вдалеке огрызались до боли знакомые родные «калаши».

— Больно, — внезапно простонал салага и тяжело задышал. Леха пригляделся повнимательней и, ругаясь на чём свет стоит, полез за аптечкой. Новичок был тяжело ранен, и впопыхах Леха этого не заметил. Главное — не опоздать сейчас. Да где же эти долбанные ампулы? Неужели раздавил в падении?

«Земля, земля. Духи идут. Кинь «огурцами». «Огурцы» на грядку три-два-четыре-восемь. Засунь себе «дыни» знаешь куда? Только «огурцы». Приём».

Затянуть жгут, вколоть обезболивающее. Спокойно, Леха, спокойно. Мёртвые не потеют. Им просто некогда. Да откуда же из тебя хлещет-то?

В воздухе загудели «шмели». Яркая волна света и жара обрушилась на спину вместе с каменной крошкой. Леха раскинул руки, пытаясь защитить салагу от того страшного, что должно было обрушиться на них сверху. Мимо головы пролетел здоровенный, с добрый кулак, камень.

Леха осторожно приподнял голову и огляделся. Проклятая каска тут же слезла на затылок. «Шмели» смели укрытие командира, и теперь там виднелась жирная черная проплешина. Вот гадство. До Лехи только сейчас дошло, что до своих было метров тридцать под плотным огнем духов. Такое расстояние самому бы пробежать, а ему еще салагу на горбу тащить. Леха закусил губу. До друзей было рукой подать, и в то же время — так далеко.

В глазах потемнело.

Внезапно ему показалось, что он видит девушку. Высокую, стройную. Одетую в какое-то старинное белое платье. В копну ярко-рыжих волос были вплетены длинные разноцветные ленты. Сквозь девушку просвечивала скала, но казалось, что её это ни капли не смущает. Она хмурилась, оглядывая поле боя. Леха зажмурился и начал трясти головой.

Привидится же такое.

Он открыл глаза. Девушка стояла на месте и теперь смотрела прямо на него. Она улыбалась, обнажив ряд белых жемчужных зубов. Потом она призывно махнула рукой. Леха снова затряс головой.

Бред какой-то. Вокруг него продолжался бой. Жужжали рассерженными пчёлами пули, рвались серым крошевом взрывы. Было слышно, как с легким, пузырящимся свистом, дышал салага.

А девушка всё улыбалась и призывно махала рукой.

Тогда Леха вздохнул, взвалил салагу на плечи и, подобрав автоматы, бросился бежать. Быстро и ни на что не обращая внимание.

— Ну ты даёшь, — в восхищении бросил Лехе сержант. — Пёр, как носорог.

Леха тяжело перевёл дыхание. Очень хотелось пить, и он с благодарностью принял протянутую флягу. В горле восхитительно забулькало. Над салагой уже хлопотал ротный медик, распаковывая второй кирпичик бинта.

— Гадом буду, но я видел, как сквозь тебя пули проходили, — продолжал сержант. — Точно видел. Ты бежишь, а пули насквозь и дальше. Чистое кино, ёлы-палы.

Леха слабо улыбнулся, а потом посмотрел на то место, где видел девушку. Стена ущелья — как стена ущелья. Выщербленная пулями и взрывами. Девушку он так и не увидел. Зато услышал гул винтов.

* * *

Гость появился посреди ночи.

Вышел прямо из стены и удобно, почти вальяжно, развалился на стуле. Подумал, а потом закинул ногу на ногу. Марина выпустила колечко дыма в воздух и затушила окурочек в чистой пепельнице. Курила она редко, но сегодня очень уж хотелось. На гостя она глядела спокойно, несмотря на его странное появление и довольно экзотический вид. Остроконечные ботинки, наглажен-

ные брюки, стильная рубашка с пижонским галстуком были нежно салатового цвета. Лицо могло похвастаться не только цветом травы, но и ярким цветком из узора на обоях.

— Чаем угостишь? — ворчливо сказал гость, нарушая затянувшуюся паузу. Марина поднялась и сделала шаг в сторону шкафчика.

— Тебе какого? — спросила она. — Красного, жёлтого или зелёного?

Не удержавшись, хмыкнула. Гость недоумённо уставился ей вслед, приподняв бровь, а потом посмотрел на свои руки. Зелень на щеках потемнела, а затем резко обесцветилась. Только одежда осталась неизменной.

— Юмористка, — сквозь зубы сказал он. — Заваривай любой. Мне главное, чтобы без сахара.

Марина достала пакетики и аккуратно положила их в белоснежный заварочный чайничек, свесив хвостики наружу. Залила кипятком.

— Тебе покрепче или...

— Или. Времени у меня нет ждать чай по всем правилам.

Марина наполнила чашки и отнесла их к столу. Открыла другой шкафчик и достала пакет печенья и коробку твердых, как камень, бубликов.

— Бублики должны быть мягкие, — укоризненно сказал гость.

— А мне их в чай макать нравится.

Марина не собиралась оправдываться. Она просто проинформировала.

Гость долго и сосредоточенно топил бублик в кружке. Потом шумно его достал и откусил почти половину. Марина же перелила чай в блюдце, и теперь пила его маленькими глотками. Она внимательно и изучающе смотрела на своего гостя. Начинать беседу она не торопилась.

— Ты опять за своё? — спросил, наконец, гость.

Марина приподняла бровь, словно бы не понимая, о чём речь. Гость издал протяжный вздох, схватившись за голову.

— Ты опять за своё, — повторил он. — И что бы тебе не успокоиться?

Марина пожала плечами и потянулась к печенью. Хрупкая плитка ломалась и крошилась под её пальцами. Отвечать она тоже не торопилась.

— Ведь тебя туда зачем отправили? А ты?

— Что я?

— Опять спасать кинулась.

— А что в этом плохого? — лениво поинтересовалась Марина, запивая кусочек печенья чаем. Гость чуть не взвыл. Он подскочил со стула и полетел к потолку, где и прилип лицом вниз. Чашка с чаем опрокинулась со стола и с лёгким звоном разбилась.

— Что такого? — трагическим шёпотом возопил гость с потолка. — Что такого? Да ты... да я... у меня слов нет.

— Тогда не говори, — Марина встала и двинулась в сторону раковины, где у неё прятались ведро с тряпкой. Гость отлепился с потолка и легко спрыгнул вниз. Поднял с пола осколки и аккуратно положил их на краешек стола.

— Зачем ты это делаешь? — устало спросил он.

Марина склонилась над лужицей разлитого чая. Бросила на нее тряпку, а потом резко выпрямилась и отвернулась к окну. Над крышами многоэтажек загорались звезды.

— А тебе их не жалко? — внезапно спросила она.

— Жалко, не жалко... — начал было гость, и вдруг насторожился. В замке входной двери кто-то яростно шуровал ключами. Гость досадливо махнул рукой и быстро двинулся к стене. Его остроконечные туфли словно трепетали от желания убраться с Марининой кухни. На мгновение гость повернулся и показал язык, а потом быстро нырнул в стену. Даже следов не осталось.

А на кухню уже залетала соседка Танечка. Пухленькая брюнетка в дорожной кожаной курточке, высоких сапогах и чёрных брючках. В каждой руке она сжимала по бутылке с шампанским.

— Ой, Марина! Ты ещё не спишь? Тогда мы сейчас по бокальчику с тобой накатим. У меня этих бутылок вообще-то три было, Ванечка подарил, но я же такая клуша, что одну в подъезде кокнула. Как думаешь, а Лиза Сергеевна ругаться будет?

— Обязательно. Так что ты сейчас возьмешь тряпку и сходишь уберёшь.

— Я завтра это сделаю. Правда-правда. Честно-честно. А сейчас я в душ и ... — Танечка увидела осколки чашки, глаза её удивлённо округлились. — А ты здесь что? Воевала или плакала?

— Вела переговоры с коллегами, — с улыбкой ответила Марина.

— С применением посуды? — восхищённо спросила Танечка.

— Можно и, так сказать.

Танечка была только человеком. Но самым родным человеком для Марины.

* * *

Самолёт разбился в самой середине тайги.

Оставалось надеяться, что спасатели приняли сигнал бедствия и помощь уже в пути. На самом деле Ольга в этом сомневалась. Уж очень быстро небесная птица вернулась назад на землю. Но она гнала от себя эту мысль. Так как лишиться надежды означает — лишиться шанса выжить.

А жить она очень хотела.

Ольга огляделась и сделала очень большое усилие, чтобы не заплакать. А ведь они почти опоздали на этот злосчастный рейс. Вот только и в аэропорту случилась задержка, и она успела затянуть Игоря на трап. Впереди ждали жаркое турецкое море и горячее солнце. Вот только у кого-то наверху были другие планы. И теперь её Игорь... её молодой, красивый и любимый всем сердцем Игорь, лежал где-то в обломках, а ей было страшно идти его искать.

Было страшно увидеть, что от него осталось.

— Меня кто-нибудь слышит?

Эхо раскатилось по лесу и вернулось в полном одиночестве. Неужели она одна? Это было так несправедливо, что Ольга уселась на чей-то чемодан и, наконец-то, разревелась. Плакала она долго.

— Прекрати, — раздался за её спиной спокойный и уверенный голос. — Что ты как тряпка, честное слово.

Ольга резко обернулась, и увидела стоящую над ней девушку в старинном белом платье. Другим классом, что ли, летела, подумала она. В нашем-то невест не было.

— Я думала, что одна, — всхлинула Ольга.

Незнакомка поморщилась и начала теревить ленточки, что вплела в свои рыжие волосы. Потом закусила губу и огляделась.

— Думала она. Курица плаксивая.

— Сама ты... — обиделась Ольга, и вдруг судорожно вздохнула. Незнакомка сделала шаг в сторону и внезапно полностью погрузилась в корпус самолета. Прошла сквозь него, словно его тут и не было.

— Боже мой! — вырвалось у Ольги. На неё накатил какой-то древний страх, рвущийся прямо из самых глубин души.

— Он бы тут не помешал, — услышала она голос знакомки. Ольга дёрнулась и повернула голову. Незнакомка наполовину высунулась из корпуса рядом с иллюминатором, и в её взгляде было нетерпение. — Но и ты неплохо сможешь справиться. Так что, может, поможешь?

Ольга подскочила как ужаленная. Бежать, бежать далеко в лес, подальше от этого самолета, где она явно сходит с ума. Во взгляде знакомки мелькнула усмешка, и она скрылась из виду.

Ольга собралась с духом и сделала неуверенный шаг вперёд.

...через десять минут она плакала от счастья, раскопав среди обломков своего Игоря. Живого, с трудом дышащего Игоря. Любимый был без сознания. Она покрывала его лицо поцелуями, затаивала на него жгут, сделанный из ремня безопасности, и касалась Игоря руками, словно не веря своим глазам. Подумать только. Она могла просидеть всё это время рядом, когда он умирал, и не прийти к нему на помощь.

Её Игорь. Понимаете? Её Игорь.

Когда Игорь открыл глаза и увидел Ольгу, то смог только слабо и радостно улыбнуться. На него капали большие и солёные слезы. Он мог их чувствовать.

— Ты нашла меня, — прошептал он с трудом.

Ольга вздрогнула и подняла голову. Она озиралась, словно стремясь кого-то найти, но этого человека уже не было рядом. Только тайга — на много километров во все стороны света.

И где-то вдалеке гудели вертолётные винты.

* * *

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя.*

У соседей надрывались колонки. Гуляли какой-то из своих очередных праздников. Марина в этот момент склонилась над раковиной. Губка в её руке исходила пеной чистящего средства, и жирной посуды, оставшейся после посещения Танечкиных родственников, становилось все меньше. Сама соседка укатила гулять с ненаглядным Ванечкой, прихватив последнюю бутылку шампанского и солидный кусок торта.

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы —
Каждый выбирает по себе.

* Стихи Юрия Левитанского.

— Ты слишком сильно с ними сблизилась, — раздался голос. Марина аккуратно поставила тарелку на своё место и взяла следующую.

— С кем? — устало спросила она.

— Со смертными.

Марина отставила тарелку и повернулась. Ночной гость выбрал сегодня серый, со стальным отливом, костюм. На галстук солидно блестела железная булавка. Вот только на ногах почему-то были летние сандалии. Они резко топорщились крылышками и выглядели, как два бойцовых воробья.

За плечом кто-то тихо кашлянул.

— Ты тоже здесь? — улыбнулась Марина.

— Да, — тихо сказал голос. — Если ты хочешь, я могу домыть посуду.

— Прощу. Только средства много не лей.

— Я постараюсь, — за спиной заурчала и хлынула под большим напором вода. Марина поморщилась, и вода сразу утихла.

— Извини.

Гость опустил на стул, и с интересом наблюдал за этой сценой. Потом он встряхнул головой и уставился Марине в глаза.

— Ты слишком привязалась к людям, сестра, — повторил он печальным голосом. — И это не нравится не только нам.

— И что мы будем делать? — Марина протянула руку, в которую тут же прыгнула пачка сигарет. Голос за спиной заворчал что-то неодобрительное, но зажигалка с огоньком сама подлетела к сигарете.

По кухне поплыл запах мяты.

— Мы Проводники. Нравится нам это или нет, но мы только Проводники, — гость подпрыгнул на месте, и буквально завис посреди кухни. Крылышки на сандалиях усердно работали. — Не нам решать, кто остается в этом мире, а кто уходит из него.

— Я не считаю, что для тех, кого я спасла, наступал последний миг жизни, — в голосе Марины звучали стальные нотки.

Каждый выбирает по себе:

Щит и латы. Посох и заплаты.

Меру окончательной расплаты

Каждый выбирает по себе.

— Это не нам решать, — в голосе гостя сквозила неподдельная боль

— Мне, к примеру, не нравится, что мы делаем, — за спиной с шумом ополоснули тарелку и поставили её на место. Выключили воду. — Но кто-то же должен. Ты не находишь?

— Вы пришли, чтобы отвести меня на суд? — в голосе Марины слышалось удивление. — Судов не было сотни лет, и из-за такого пустяка вы все решили собраться и осудить меня?

— Суд уже был, — гость опустил на стул и обхватил голову руками, словно мучаясь от сильнейшей зубной боли. — Суд уже был, и тебе уже был вынесен приговор.

— И? — Марина улыбнулась.

— Тебе дали последний шанс. Ты должна сделать всё так, как оно должно было быть.

Марина вздрогнула. Она огляделась, словно искала какую-то подсказку за спинами своих собеседников.

— Дорогуша, ну ты же не любишь людей, — прогудел сочувствующий голос за её левым плечом. — Зачем тебе всё это?

Марина снова вздрогнула.

Она любила жизнь. Ту самую жизнь, что кипела в Лехе, выходила с кровью из зеленого салаги, блестела в слезах Ольги и была в любви её Игоря. А самое главное, что этой жизнью с ней делилась Танечка. Верная и закадычная соседка, которую она вытащила из пожара.

Марина медленно покачала головой.

* * *

Она пришла в себя под писк аппаратуры.

Было больно и очень трудно — почти невозможно — дышать. Видимо, она очень сильно пострадала при взрыве. Фильм закончен. Титры. Она через силу усмехнулась. Если остаются возможности на шуточки, то значит ещё не всё потерянно.

— Тебе лучше? — в голосе Танечки сквозила радость. — Тебе и вправду лучше? Только ты не говори. Врачи велели не говорить. Просто кивни.

Она кивнула. Боль накатила и отступила.

— Это я во всё виновата. Клуша безрукая. Забыла про газ на кухне...

Слёзы падали на её лицо, и от этого становилось легче. Глупая, младшая сестренка жива, а это самое главное. А она... она поправиться.

Внезапно она подняла голову и уставилась куда-то в угол. Обожжённые губы сложились в кривую улыбку.

— Посл... — слова пузырились липкой слюной. — Посл... миг...

— Ты молчи, — плакала Танечка. — Молчи, лучше будет.

В коридоре хрипло надрывалось радио.

Каждый выбирает для себя.

Выбираю тоже — как умею.

Ни к кому претензий не имею —

Каждый выбирает для себя.

— ...жизни, — слова сорвались с губ.

— Доктора!! Позовите кто-нибудь доктора!!!

Об авторе

Родился в 1983 году в Томске, где и проживает по сей день. Учился на учителя истории в Томском государственном педагогическом университете. Сейчас работает строителем детских городков. Писать начал в школе в старших классах. Участник двух литературных объединений: «Состояние» под руководством А. В. Гоц и литературного клуба А. Р. Рубана. Библиография: журнал «Сибирские Афины» — рассказ «Письма», ж-л «День и ночь» — миниповесть «Из света тени», ж-л «Порог» — рассказ «Мечтатель», ж-л «Порог» — рассказ «Идеал», интернет ж-л «Муза» — рассказ «Флейтист», сборник «Мороз и солнце» — рассказ «Вера», сборник «Бухта баракта» — рассказ «... слезы дождя», сборник «Рыцари» — рассказ «Флейтист», сборник «Словорели» — рассказ «Предатель», сборник «Словорели 2» — рассказ «Мечтатель», сборник «2x2» — рассказ «Инга».

Александр Юдин

Сонная сюита

Спите! Бог не спит за вас!

В. А. Жуковский

Мертвенная подсветка витрин с канопами, фигурками ушебти, погребальными масками и саркофагами не могла рассеять сумрака обширного зала. По периметру помещения, между пузатыми колоннами в форме связок папируса, застыли фигуры в капюшонах.

«И как им удалось арендовать зал искусства Древнего Египта в Пушкинском музее? — подивился Потоков. — Да еще на ночь! Да еще для... столь экстравагантных целей»

— У нас обширные связи, Семен Семеныч, — словно читая его мысли, произнес мужчина в длинном балахоне, застегнутом у горла массивной фибулой в виде строчной латинской «h» с плюсиком и длинным завитком-хвостиком, как у интернетовской «собаки», — и огромные возможности. Но, по причине жесткости общественного сознания, мы стараемся их не афишировать. — Говоривший стоял, прислонясь к витрине с мумией жреца Хор-ха. — Не все, увы, далеко не все, особенно из обывателей, разделяют благородные идеи трансгуманизма. А уж соучаствовать в созидании постчеловечества дано лишь избранным. Но вы — другое дело. Вы прошли обряд инициации, внесли вступительный взнос и теперь — один из нас, единовечных братьев-имморталов. — Он обвел рукой ряды фигур в капюшонах. — Кстати, отныне ваше иммортальское имя брат Симеон. Согласитесь, звучит презентабельнее прежнего, профанного.

— А как мне теперь обращаться к вам, Альберт Карлович? — спросил нареченный Симеоном Потоков.

— Зовите меня просто Верховным Иерофантом Высоковечного Братства Имморталов.

Семен Семенович несколько раз мысленно повторил мудреное титулование и обратил внимание, что лицо предводителя имморталов имеет странную особенность: верхняя его часть всегда сохраняет совершенную неподвижность, нижняя же, напротив, пребывает в непрестанном движении. Прежде он этого как-то не замечал. Хотя знакомы они с Альбертом Карловичем были не первый год. Конечно, ранее Потоков знал его не как Верховного Иерофанта, а в качестве руководителя одного из столичных телеканалов.

— А когда уже можно будет меня заморо... гхм, когда вы планируете меня крионировать?

— Что ж, договор на криосохранение вы подписали, чего же мешкать? Сейчас и приступим.

— Как? — несколько растерялся Симеон. — Прямо сейчас?

Верховный Иерофант бросил на неопита долгий взгляд из-под тяжелых полуопущенных век и скривил подвижный тонкогубый рот.

— Можно и не сейчас. А у вас что же, возникли колебания?

— Нет, но...

— Вспомните, что сим актом вы присоединяетесь к когорте избранных, тех, которые составят новую постчеловеческую общность — высокое братство бессмертных интеллектуалов. Уже сегодня немалая часть мировой элиты — в наших рядах. Я ведь называл вам ряд громких имен? И это далеко не полный перечень.

— Да, но...

— Между прочим, один из ваших сокурсников по университету и, пожалуй, самый плодовитый ныне литератор — я имею в виду Юрия Бабушкина — так вот, он тоже распорядился крионировать себя, не дожидаясь естественной кончины. Вы же понимаете, что эдак гораздо надежнее. После смерти связи нейронов мозга начинают рушиться уже через несколько минут. А ведь потребно еще время, чтобы доставить тело в криохранилище.

— Бабушкин? — поразился Симеон. — Как это возможно? Он ведь не так давно... ну да! где-то с год назад, на прошлое Рождество, был героем моего телешоу «Ты обделаешься!»?

— Верно. А через полтора месяца уже лежал в жидком азоте.

— Вот новость так новость! Прямо обидно, что я теперь не у дел... Пойдите! Но у него же до сих пор каждый квартал новый роман выходит!

— Дело в том, что в отличие от вас, Бабушкин не смог внести всю сумму, необходимую для условно-бессрочного криосохранения тела. Но мы нашли выход. В каждое полушарие его мозга были вживлены по двести пятьдесят шесть соединенных с компьютером платиновых электродов, и таким образом он получил возможность и далее надиктовывать свои незаурядные тексты. Этак даже эффективнее — никаких внешних раздражителей, отвлечений. Ну, а гонорары идут на поддержание его тела в прежнем замороженном состоянии. Кстати, если желаете, мы можем, в качестве бонуса, и вам...

— Нет! Ни в коем случае!

— Я лишь предложил, — пожал плечами Верховный Иерофант. — Так как вы определились?

— Да, да... — вновь замялся Потоков. — Денек-другой бы поразмыслить, собраться, так сказать, с духом... Или полагаете, откладывать не стоит?

— Я же говорю, можно и после. То есть когда вам будет угодно. Только не забывайте о своем диагнозе.

— Да, да, диагноз, — прошептал Симеон.

— Вот именно. Доктора дают вам от силы неделю-две. Метастазы слишком глубоко проникли в полушария вашего мозга, и операбельное вмешательство, увы, невозможно. Но главная опасность состоит в том, что опухоль в вашем мозгу такого рода, что сравнима с гранатой без чеки. То бишь, смерть может наступить вас в любой момент. К примеру, завтра. Да что завтра! Даже в следующую минуту. Простите, что вынужден говорить вам столь горькие вещи, но, во-первых, вам об этом и без меня известно, а, во-вторых, проблему я заостряю для вашего же блага...

— Вы правы, — решительно вскинул голову Потоков, — оттягивать незачем. Давайте приступать.

— Это ваше решение, — важно кивнул Иерофант. И обращаясь к молчаливым фигурам в капюшонах, спросил: — Братья! Надежно ли заперты двери?

- Надежно, — глухим слитным хором отвечали те.
- Выставлена ли наружная охрана? — вновь спросил предводитель.
- Выставлена, — подтвердили имморталы.
- Постойте! — встревожился Симеон. — А вы что же, опасаетесь кого-то? Нам могут помешать? А не повредит ли это процедуре...
- Не тревожьтесь, брат Симеон, — одними губами улыбнулся Верховный Иерофант. — Обычные меры предосторожности. Бдительность лишней не бывает, согласны?
- Но все же? — не успокаивался Поток. — Значит, есть причины?
- Это мы от Союза православных кадилоносцев страхуемся, — раздраженно отмахнулся Иерофант.
- А что не так с этим союзом?
- Воинствующие невежественные клерикалы. Втемяшили себе в головы, что мы-де мешаемся в замыслы их Творца, ну и прочее бла-бла-бла в том же поповском духе. Полтора года назад, когда мы еще были на легальном положении, они воспользовались нашей открытостью и ворвались в одно из криохранилищ, в то, что в Сергиевом Посаде.
- И что?
- Да как обычно, как у них заведено. Принялись голосить: «Эх, да, со святыми упокой, упокой!». И давай... упоковать.
- Как это?
- А так! Кадила то у них со свинцовой начинкой. Вот и переколотили нам с десяток дьюаров. Благо те пустыми тогда стояли. Но все равно — ущерб немалый.
- Хулиганство какое-то! — возмутился Симеон.
- Кто бы спорил. А ведь есть еще летучие отряды мотобатюшек. Те-то вовсе натуральные отморозки. В дурном смысле слова. Как налетят на этих своих ревущих байк-часовнях! Или тот же Союз отцов-плевателей во имя Чистоты Веры. Неделями копят слюну, дожидаясь подходящего случая! А вспомните боевые дружины юридивых. То-то! Видите, сколь безумный-безумный-безумный мир вы собираетесь оставить. Э-хе-хе, — предводитель имморталов сокрушенно вздохнул и покачал головой. — Я к тому, что жалеть совершенно не о чем. Впрочем, лично вам, брат Симеон, тревожиться резонов нет. Сегодня мы работаем под плотным прикрытием со стороны органов МВД и Генпрокуратуры. Именно так! Среди высшего руководства сих ведомств также имеются члены нашего братства. Кроме того, здешнее хранилище находится под круглосуточной охраной и расположено столь глубоко, что ему даже прямое попадание ядерной бомбы нипочем. Однако довольно речей. Приступим к делу.
- Верховный Иерофант нажал у основания витрины какую-то незаметную кнопку и одна из плит пола приподнялась и отъехала в сторону. Под ней открылась крутая винтовая лестница. Первым спустился предводитель, за ним брат Симеон, следом — остальные братья. Лестница привела их к лифту, который доставил имморталов в длинный зал с низкими бетонными сводами. Иерофант включил освещение, и взору Симеона открылись уходящие вдаль ряды сверкающих капсул-дьюаров.
- Предводитель имморталов подвел Симеона к одной из капсул, похлопал по стальной поверхности и указал на перемигивающийся разноцветными индикаторными огоньками пульс:

— Как я ранее вам и пояснял, время сохранения вашего тела в этом контейнере условно-бессрочно. Однако программа настроена таким образом, что как только человечество решит проблему старения, а ваша болезнь перейдет в ряд легко излечимых, вы будете незамедлительно возвращены к жизни.

— Это произойдет в автоматическом режиме?

— Да.

— Понятно. А внешнее, ручное управление дьюаром возможно? Ну, так, на всякий случай.

— Разумеется.

— Хорошо. А сама процедура? Хотелось бы поподробнее.

— Все просто. После помещения в дьюар вы моментально уснете. Потом в вашу кровеносную систему будет введен специальный раствор — криопротектор — он минимизирует возможные повреждения при заморозке-разморозке, и воспрепятствует образованию кристалликов льда в межклеточном пространстве. И наконец, камера заполнится жидким азотом...

Уже помещенный в дьюар, Симеон подумал, что надо бы сказать братьям на прощание что-нибудь значительное, сообразное историчности момента, и даже открыл рот, но хлынувший поток усыпляющего газа помешал его намерениям.

* * *

По первым ощущениям Потокова сознание вернулось к нему минуты через две, максимум через три. Однако он с трудом закрыл одеревеневший рот и разлепил веки.

Белый потолок. Белые стены без окон. Кажется и без дверей. Сам он лежит на кровати совершенно голый, укрытый белой же простыней. Что за черт? Где он? Неужели что-то пошло не так, и крионирование сорвалось?

Потоков попробовал пошевелить шеей, потом конечностями. Получилось. Он уже хотел попытаться привстать на кровати, как вдруг жуткая мысль змейей заползла ему в голову. А ну, как и не было ничего: ни приема в члены секретного братства имморталов, ни крионирования? Вдруг все это лишь бред пораженного метастазами мозга?! А сейчас он в каком-нибудь хосписе для безнадежно больных, где его пичкают наркотическими декоктами, чтобы зря не мучился! Потоков со стоном уронил голову на подушки.

— Френд Симеон? — раздался приятный высокий голос. — Как вы себя чувствуете? Ваше сознание вполне загрузилось?

Потоков скосил глаза. Посреди помещения стояло весьма миловидное златовласое существо, облаченное в нечто вроде коротенького хитончика. Пол создания был трудноопределим. Кто-то из персонала хосписа? Но Потоков мог поклясться, что секунду назад здесь никого не было!

— Гхм... кхр... ххреновато, — после нескольких попыток сумел выговорить он. — Я вввв... больнице?

Симпатичный андрогин с улыбкой покачал головой.

— Вы провели в жидком азоте, в состоянии полного анабиоза более тысячи лет. Если точно, одну тысячу сто тридцать два года. Как у вас с оперативной памятью? Вы осознаете, кто вы и что с вами произошло? Пробелов нет?

— Всё я помню, — заявил Потоков, с кряхтением усаживаясь на кровати, — нет у меня никаких провалов. Но это что же..? Мать Божья!! Значит, у них... у нас всё получилось?! Честно признаться, не ожидал! Надеялся, конечно, но... Позвольте, а кто вы? Полагаю, представитель Братства, то есть, э-э, Высоковечного Братства Имморталов, да?

Андрогин вновь покачал головой, но уже без улыбки.

— Мой ник Сомо, и я полномочный сиснунций Конфедерации Свободных Доменов планеты Земля.

— Чего? Кого?

— Вы лучше прилягте, френд Симеон. Кстати, я правильно вас кликаю? На вашем дьюаре значился именно этот ник.

— Симеон — мое иммортальское имя. А так, по жизни, я Семен Семенович Потоков.

— Какой громоздкий ник! Можно все же кликать вас Симеоном? А еще лучше — Симом.

— Зовите хоть горшком, — проворчал Потоков, подчиняясь совету Сомо и укладываясь обратно в постель, — только поскорее введите меня в курс дела.

— Уверены ли вы, френд Сим, что в состоянии сейчас воспринять столь обширный объем информации?

— А вы без лишних предисловий, покороче.

— Хорошо, я попробую. Хотя история эта древняя. Ну, так вот. Ваши бывшие френды, имморталы-радикалы, под предлогом формирования постчеловечества, на самом деле намеревались создать диктатуру бессмертных геронтократов евгенического толка. Но подлинные либертарианские трансгуманисты, вовремя разгадали их планы и, объединившись с техногайянистами сорвали этот коварный заговор... Вы успеваете сканировать?

— В общем и целом, — пробормотал Потоков. — И как же они его сорвали? Сиснунций звонко рассмеялся.

— Просто, но одновременно и гениально! К тому моменту человечество уже в полной мере освоило технологию «загрузки сознания». И вот, когда к власти в государствах сначала Европы, а затем и Северной Америки пришли подлинные трансгуманисты с техногайянистами, ими были приняты законы о том, что любой гражданин имеет право — на совершенно бесплатной основе! — сканировать свой мозг, оцифровать сознание и загрузить его в Глобальную Сеть. Что собственно и произошло. И человечество шагнуло на новую ступень развития, превратилось в постчеловечество!

— И прямо все люди, — засомневался Потоков, — вот так вот захотели оцифроваться?

— Не все и не сразу. Но стоит заметить, что в те годы среднестатистический житель планеты и без того от семидесяти до восьмидесяти процентов и личного и рабочего времени проводил в виртуале. Поэтому для большинства окончательная оцифровка не стала каким-то принципиальным выбором. Но главная суть в том, что в результате массовой загрузки сознания в Сеть имморталы потеряли приоритет на бессмертие. Их план лопнул!

Потоков присмотрелся к сиснунцию повнимательнее. И заметил, что тот стоит, не касаясь ногами пола, проще говоря, левитирует в воздухе!

— А вы, значит, тоже... оцифрованный?

Сомо радостно закивал и взмыл к потолку.

— Мы предпочитаем называть себя хомо-сайтами.

— И все-таки, что случилось с теми, кто отказались от оцифровки?

— Вы правы, френд Сим, некоторые люди проявили прискорбную кость. Нашлись даже целые государства, которые вообще запретили процедуры сканирования и оцифровки сознания на своих территориях. Более того, не остановившись на этом, они фактически объявили войну постчеловечеству. Пытались портить коммуникации, сбивать спутники связи. Но техническое превосходство было на нашей стороне. И мы с ними разобрались.

— Как разобрались?

— Окончательно.

— Надо ли понимать, — с замиранием в сердце уточнил Потоков, — что теперь на Земле одно сплошное постчеловечество?

— Вы снова правы, Сим! — воскликнул Сомо, но заметив выражение лица собеседника, поспешил заметить: — Уверяю, планете это пошло только на пользу. С тех пор она натурально преобразилась. Только представьте: никакого антропогенного давления на окружающую среду! Чистейшие моря и озера, девственные леса и поля, счастливые непуганые животные. Надеюсь, скоро вы сами сможете убедиться — настоящий Эдемский сад! Кроме того, пойдя этим путем, мы, помимо проблем старения и болезней, разом избавились и от всех остальных. Ведь в виртуальном мире не существует ни голода, ни преступности, ни болезней, ни самой смерти. При этом каждый хомо-сайт совершенно свободен во всех своих желаниях и склонностях. Ведь они никому не могут ни повредить, ни помешать. В Конфедерации Свободных Доменов счастливы даже социопаты и маньяки!

— О! А есть и такие?

— Я же говорил, оцифровка была доступна абсолютно всем. Свобода воли — наш базовый принцип.

— Феерично, — согласился Потоков. — Нет, я и вправду поражен, но... У меня проблема.

— Какая же? — спросил сиснунций, озабоченно зависнув над кроватью.

— Неоперабельная опухоль мозга. Врачи дали мне лишь неделю жизни. Вы сможете мне помочь?

— Легко!

— Уфф, — выдохнул Потоков, — а то я уж было разволновался. Подумал, раз настоящих-то людей, то есть, хотел сказать, таких как я не осталось... Значит, вы все-таки научились уничтожать подобные опухоли без операционного вмешательства?

— Нет-нет! — рассмеялся Сомо. — Зачем бы мы стали изучать болезни вымершего вида животных? Это нерационально.

— Нет?! Как, то есть, нет?! А что ж... а как тогда вы собираетесь вылечить меня?!

— Очень просто. Мы вас оцифруем.

— Вот-те раз... а другой альтернативы нет?

— Можем не оцифровывать.

— Но тогда я умру!

— Да, тогда вы умрете, — легко согласился сиснунций.

— Мне надо поразмыслить.

— Это никогда не вредно. Но на вашем месте, Сим, я не стал бы зависеть надолго. С учетом диагноза.

— Да, да, мой диагноз... Могу я выйти на свежий воздух? Где-нибудь прогуляться? Сомо хлопнул в ладошки, и белые стены и потолок растворились в воздухе. А Потоков вновь очутился в Пушкинском музее, только не в криобункере, и не в Древнеегипетском зале, а посреди Греческого двора. Судя по толстому слою пыли и тенетам паутины на статуях, портиках и барельефах Парфенона, хомо-сайты не слишком интересовались артефактами материальной культуры прошлого.

— Мне бы какую-нибудь одежду, — оглядевшись, попросил Потоков.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Сомо, — снаружи вполне комфортная температура.

— Да, однако ж... совсем голым как-то стеснительно.

— Ах вот вы о чем! — рассмеялся сиснунций. — Ваши стеснения излишни, уверяю.

«Чего ж ты такой смешливый? — проворчал про себя Потоков. — Небось, палец покажи, и то животик надорвешь». А вслух спросил:

— В смысле, снаружи никого нет, что ли?

— Не в том дело. Просто постчеловечество фактически утратило прежние гендерные различия. Зачем они нужны в виртуальном мире? Кстати, большой плюс, согласитесь.

Потоков неопределенно хмыкнул и, завернувшись на манер тоги в простыню, проследовал за сиснунцием к выходу.

Картина, представшая взорам Потокова, и впрямь напоминала сад. Только не Эдемский. Открывшийся ему пейзаж словно сошел с полотен Ватто и Юбера: оплетенные плющом живописные руины, ливанские кедры, пышные заросли цветущего олеандра; среди развалин тут и там паслись напоминающие козлов животные. В целом же природа походила на средиземноморскую.

— Вам, вероятно, хочется побыть в одиночестве? — спросил Сомо, участливо заглядывая в лицо Потокову.

— Пожалуй, — согласился тот. — Поброжу тут часок, поностальгирую. А после вернусь в музей.

— Договорились. — И Сомо тут же исчез.

«Гендерных различий, вишь, у них нет, — ворчал Потоков, осторожно ступая босыми ногами по каменистой почве, — так теперь, выходит, и ботинки не нужны!». В останках древних строений вокруг смутно угадывалась улица Волхонка. Потоков направился в сторону бывшего Гоголевского бульвара. Но скоро выдохся. Видимо, за тысячу сто тридцать два года ноги несколько отвыкли от ходьбы. Вдруг слева от себя он заметил овальное озеро; пологие берега водоема обрамляла колоннада пушистых средиземноморских сосен. «Посижука я на бережку», — решил Потоков и свернул на извилистую козью тропку.

Стоило ему приблизиться к воде, как быстро, но бесшумно рассекая озерную гладь, подплыла и ткнулась в песчаный берег утлая голубая лодчонка. Особенно не раздумывая, Потоков забрался в нее и сел. Лодка тут же отчалила, мигом доставила его на середину водоема и там, чуть покачиваясь, замерла.

«Это сервис что ль такой», — успел подумать Потоков. Но тут в воздухе перед самым его носом сформировалась тонкогубая ухмылка. Впрочем, не кошачья, а вполне человеческая. Следом за ней проявились и остальные черты лица. Памятные черты.

— Альберт Карлович, вы?! — ахнул Потоков. — То есть, Верховный Иерофант этого... как его?

— Ни-ни! — предостерег его знакомый голос. — Я теперь Спайдадмин Закрытого Контент-ресурса «Зеро».

— Понимаю, — прошептал Потоков.

— Уверены? — усмехнулся бывший Верховный Иерофант.

— Выходит вы того... не того... не стали себя крионировать?

— Обижаете, брат Симеон (уж, позвольте, я буду величать вас по-старому). Разумеется, я, как истинный иммортал, прошел процедуру крионирования. Причем, подобно вам, не стал дожидаться естественной кончины. Но когда началась вся эта заварушка с загрузкой сознаний и массовой оцифровкой племса, я был досрочно оживлен и рука об руку с остальными отмоороженными братьями-имморталами вступил в борьбу с либертарианскими оппортунистами и предателями техногайянистами. Мы сражались до последнего! И проиграли. Когда поражение стало очевидным, я сам, добровольно, пошел на оцифровку. Всяко лучше, чем ничего. И потом, вы знаете, я всегда был рационалистом... Впрочем, сейчас важно не это, а совсем другое.

— Что же?

— Брат Симеон, я не смогу долго удерживать блокирующий инфо-кокон, а потому прошу вас быть предельно внимательным.

— Слушаю вас, Спайдадмин, — напрягся Потоков. И на всякий случай огляделся. Вокруг них наблюдалось некое радужное колебание воздуха. Наверное, упомянутый инфо-кокон.

— Когда человечество ушло в виртуал, оно, конечно, совершило скачек развития, спору нет. Но одновременно люди угодили в чудовищную эволюционную ловушку, в капкан!

— Почему?

— Ну, это же очевидно, Симеон! Ведь эволюционировать способна лишь живая природа. А нынешние постлюди, все эти хомо-сайты (и я, увы, в их числе), по сути своей — потоки и сгустки электромагнитных полей. Согласитесь, электричество никак не может быть отнесено к живой материи. Все! Конечная остановка! Мы очутились в эволюционном тупике!

— Что же делать?

— У меня есть план, — значительно понизив голос, произнес Спайдадмин. — Но без вашей помощи он неосуществим.

— Да что я теперь могу? — развел руками Потоков. — Один в поле не воин.

— Слушайте! Хомо-сайтам — разумеется, избранным хомо-сайтам, преданным Закрытому Контент-ресурсу «Зеро» — необходимо обратно загрузить свои сознания в подходящие биологические существа.

— Обратно в людей? — предположил Потоков.

— Это невозможно, — отрезал Спайдадмин. — Последняя женщина вида хомо сапиенс скончалась от старости семьдесят лет назад.

— Тогда что же вы предлагаете? Перенести сознания в зверушек каких-нибудь, что ли? — с недоумением спросил Потоков. — И причем тут я?

— Говорю же, слушайте! И не перебивайте. Хомо сапиенсов более нет, факт. Но их вид можно возродить! Это реально. Мы спарим вас с самкой одной из высших обезьян, с шимпанзе, например (сегодняшние технологии такое позволяют), потом...

— Что?!

— Не перебивайте! Возьмем самку из вашего с ней потомства, снова спарим с вами, потом еще и еще раз — и так, пока не получим существо, максимально приближенное по своим параметрам к хомо сапиенсу.

— Вы в своем уме, Альберт Карлович! — не сдержался Потоков. — Я не хочу трахаться с шимпанзе!

— Нужна лишь ваша сперма...

— К черту! К дьяволу! И спермы не дам! — разорался Семен Семенович. — Я, может, и до завтра не доживу, а он спаривание какое-то предлагает! Тьфу!

— Опомнитесь, брат Симеон, — увещевательно загудел Спайдадмин. — Да, скорее всего, вам придется принести себя на алтарь постчеловечества. Но оно того стоит. Это благородно! По-рыцарски.

— Все равно, не желаю! — заупрямился Потоков. — Сами-то вон, когда хомо-сайты вам хвост прищемили, оцифровываться побежали. А меня на алтарь укладываете!

— Вы забываетесь!

— А ну вас! — отмахнулся Потоков и, стукнув кулаком по корме, приказал: — Эй, лодка, вези меня обратно.

Лодка послушно развернулась и заскользила к берегу.

— Ренегат! — гремел ему вслед голос Спайдадмина Альберта Карловича. — Ты пожалеешь! Если оцифруешься, даже носа в мой Контент-ресурс не показывай!

Потоков почти бегом вернулся в музей. Сиснунций Сомо уже поджидал его.

— Ну как, френд Сим, поразмыслили?

— Поразмыслил, — выдохнул Потоков.

— И что решили?

— Надо погодить.

— Не понимаю, — поднял брови Сомо.

— Поместите меня обратно в дьюар.

— Вы хотите снова крионироваться?

— Вот именно.

— И на какой же срок?

— Думаю, тысячи лет хватит. Чтобы тут все устаканилось.

* * *

Потоков очнулся прямо в криокамере. Когда подстегнутые инъекциями мышечные функции более-менее восстановились, он сдвинул прозрачный колпак дьюара и выполз наружу. Удивительно, но лифт все еще работал. Он поднялся на поверхность, однако вместо зала искусства Древнего Египта очутился прямо посреди влажного тропического леса.

Жирные лианы оплетали могучие древесные стволы; где-то на невидимых вершинах заливались на разные лады птицы, а здесь, в зеленом полумраке, гудели мириады насекомых.

Потоков медленно, то и дело, спотыкаясь о переплетения корней, побрел по упругой лесной подстилке. В голове у него шумело: ему слышались чьи-то крики, стоны, даже ругательства. «Болезнь, — пробормотал Потоков, — болезнь прогрессирует. Надо спешить. Только куда?»

Когда шум сделался непереносимым, он в отчаянии обхватил голову руками и привалился к стволу лесного великана. На некоторое время ему полегчало. И вдруг раздался человеческий голос, низкий, почти утробный:

— Ты маньяк?

Потоков огляделся. Никого не видно.

— Кто здесь?

— Я спросил, ты маньяк? — вновь прогудел голос.

— Нет, черт возьми! С чего ты взял?

— Тогда зачем бесцельно убил полтора десятка разумных существ?

— Когда?! — ахнул Потоков, непонимающе озираясь.

— Только что. Затоптал своими неуклюжими копытами.

Тут до Потокова дошло, что голос невидимого собеседника звучит прямо у него в мозгу. Телепатия? Или болезнь? Поди-ка, теперь, разберись!

— С кем я говорю? — попробовал выяснить он.

— Плохо видишь? Ты же на меня опираешься!

Потоков оглянулся и несколько секунд тупо смотрел на служившее ему опорой дерево. Потом робко похлопал по стволу и спросил:

— Это ты что ли? Я говорю с тобой?

— Какой догадливый! — с иронией отозвался голос.

— Ты... Ты обладаешь сознанием? Ты разумно?!

— Да что с тобой? Болен? Какой-то ты дисгармоничный.

— Да, да, я болен!

— Оно и видно, — буркнуло дерево. — Явные признаки деменции. Ладно, попробуем выстроить логическую цепочку. Следи за ходом моих мыслей. Я же живое, так?

— Т-так, — с некоторой заминкой согласился Потоков.

— Ну вот. Уже прогресс. Следовательно, как любое живое создание на этой планете обладаю разумом.

Потоков несколько минут переваривал полученную информацию.

— Это что же, — наконец выдавил он, — теперь каждое животное и растение на Земле... разумно?

— А бывало иначе? Что-то с тобой, приятель, не так.

Потоков затравленно огляделся и застонал. Потом принялся ругаться. Ругался он долго, от души.

— Эк тебя проняло, — посочувствовало дерево.

— Ох, гадко мне, — заявил он, когда самообладание вернулось к нему, — ох, тошно. А ну ваш солярис к лешему! Мне в этом новом дивном мире места нету..

Стараясь ступать по возможности аккуратнее, он поплелся обратно к криобункеру.

«Надо еще погодить», — бормотал он, с кряхтением забираясь в шахту.

Когда голова Потокова скрылась под землей, одушевленная планета издала слитный вздох. Не то разочарования, не то облегчения.

Об авторе

Родился в 1965 году в Москве, где проживает по сей день. По образованию и профессии юрист. Публиковался в журналах «Полдень XXI век», «Север», «Юность», «Наука и жизнь», «Знание-сила. Фантастика», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган», «Шалтай-Болтай», «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («ЭКМО»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»). Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С. Юдиным).

Александр Крамер

Картина

— Ты что такой дерганый весь! Случилось что?
— Может! Может случиться. Ладно, садитесь, я вам кое-что рассказать должен. Садитесь!

1

Я долгое время шатался по свету как ненормальный, пока в один прекрасный день не опостылело до смерти менять города и гостиницы, случайных знакомых, вокзалы, аэропорты... Так захотелось нормальной семейной жизни, детей, уюта, покоя... Пришла, наверно, пора осесть, остепениться, жениться... Про любовный трепет я к тому времени уж наслушался вдоволь, да и на носительниц насмотрелся. Ничего мне такого больше не требовалось. Повторяю: мне захотелось ужасно нормальной домашней жизни, детей и покоя. Разослал я тогда, кому мог, «Челобитные» письма и стал неизвестно чего дожидаться.

Тут-то дальние родичи меня с барышней и вознамерились познакомиться. И такая внезапно горячка на меня после их приглашения напала — в мгновение ока из дальней дали примчался.

Нареченная будущая, как объяснили, дальней родственницей мне доводилась. Не такое, чтоб очень родство... В общем, бабушкиной сестры мужа племянника дочка. Да ладно вам скалиться. Мне все равно это было — совершенно — и чем дальше, тем лучше.

Ладно. Родственницу-невесту Людочкой звали. Засиделась она немного — так что мое письмо прямо в яблочко и угодило.

А Людочка оказалась вполне симпатичной и милой. Немного тихоня, немного серая мышка... Ну так я на «не мышек» к тому времени, как я уже говорил, насмотрелся. Сыт был — по горло. Спасибо. А так у нее на месте все находилось и, если не придирается, очень даже нормально смотрелось. Поэтому даже думать не стал, согласился и стал к свадьбе готовиться: подыскивать кольца и украшения, с помощью будущей тещи костюм заказывать, занудство выслушивать всякое про организацию мероприятия... В общем, разной ерундой заниматься, без какой ни одна свадьба, увы, не обходится. А самое главное, предстояло купить мне дом — семейную, так сказать, гавань.

Оказалось, правда, что выбор в городе не ахти, брать что ни попадя я не собирался, поэтому дело со свадьбой стало немного затягиваться. Но честно сказать, меня и затяжка эта вполне устраивала, потому что мог немного остыть, угомониться, тихо-мирно присмотреться к своей будущей Пенелопе, а заодно и к завтрашним родственникам; а то мало еще чего напорешь в горячке... Так что хоть и ковал Гименей оковы мои ни шатко, ни валко, но на самом-то деле все, на мой взгляд, выходило совсем неплохо, и было очень даже мне на руку.

А пока суд да дело, поселился я на окраине города, в старом и ветхом флигеле. В главном усадебном доме какие-то невестины родичи обитали, а старинную развалюшку — флигель — так и быть, на короткое время мне предоставили. Ну и ладно.

2

Постройка, в которой я поселился, была довольно просторным, двухкомнатным, давно уже не обитаемым помещением. Здесь за долгие годы накопилась пропасть всякого барахла: люстры, кресла, посуда, книжная дребедень, вышедшая из моды одежда, домашняя всякая утварь... Но, стоявшее в центре спальни, роскошное старинное ложе — с голубым балдахинном, на мощных львиных ногах — оказалась волшебным удобным, и я каждую ночь с настоящим восторгом забирался в постель.

А в гостиной, кроме того, что повсюду всякий хлам был навален, все стены, от низкого потолка до пола, как попало, иногда на чудных просто уровнях, были плотно увешаны всяческими гравюрами и эстампами, гобеленами и картинами, старинными и современными, приличного уровня и мазней откровенной... Впрочем, изредка совершенно чудесные вещицы отыскивались! И висела вся эта живописная «роскошь» так плотно, как если бы странный коллекционер был в первую очередь количеством, а не качеством озабочен.

Сплю я, вы знаете, плохо, часов пять от силы. Поэтому по вечерам, вернувшись из очередных занудных гостей (меня плотно знакомили со всевозможными родственниками, друзьями, приятелями и еще с каким-то совершенно уж непонятным народом), я устраивал себе, отдыха ради, небольшую экскурсию: расчищал самым варварским образом место, ставил возле одной из стен на две высоченных тумбы-колонны по яркой старинной керосиновой лампе (электричества не имелось), пододвигал поближе к стене престарое кресло-качалку, устраивался поудобнее с большой чашкой крепкого чая и принимался неторопливо рассматривать стенные сокровища.

Двигаясь таким образом по часовой стрелке, через некоторое время я оказался прямо напротив окна, где в узком проеме справа почему-то висела только одна картина, хоть место, по флигельным меркам, нашлось бы и для второй, и даже для третьей.

На картине этой был сумеречный пейзаж, унылый и безотрадный; он притягивал, завораживал и дергал за нервы одновременно.

В центре странного полотна змеилась — узкая, цвета меди — дорога. От дороги слева — лежало темно-лиловое, густо поросшее камышом и осокой... то ли озеро, то ли болотце; в глубине, за болотцем-озером, смутно, угрюмым призраком — дом просматривался, и даже, казалось, в мансарде чуть брезжит окошко. Или только казалось? А справа — простирался до самого горизонта лес осенний, мрачно-багровый, вызывающий неуходящее чувство опасности и тревоги. И над всей этой безрадостной, угрюмой местностью повисло грозное, предгрозовое небо, и казалось, крепкий ветер треплет кроны могучих деревьев, гнет камыш и осоку, рябит темную воду..

Я сидел и смотрел, смотрел... погружаясь все глубже и глубже в одиночество неизбывное, в глухую тоску — непонятную, безысходную... А еще чудилась мне в картине загадка какая-то. Ничем не объяснить, откуда такое ощущение возникло, но только было оно, было, неотвязно присутствовало, стучало в мозгу..

В таком мистическом трансе провел я всю ночь. Лег, когда первые проблески света уже появились. Спал отвратительно, все дрянь какая-то снилась. Встал только после полудня. Весь оставшийся день — лишь бы не оставаться дома — метался бесцельно, бездумно по ателье, мастерским, магазинам... а вечером, первый раз за все эти дни, никуда не пошел.

Жутко парило. Горячий штормовой ветер быстро натягивал с запада огромные мрачные тучи. Уже молнии то и дело сверкали, погромыхивало, и понятно было, что ливень совсем-совсем рядом. Но пока он не начался, распахнул я настежь окно, чтоб хоть немного духоту из комнаты выветрить, зажег лампы, уселся в кресло-качалку и стал снова пристально вглядываться в диковинную картину. Но только по-настоящему сосредоточился, как вдруг через распахнутое окно влетел в комнату святающийся огненный шар, размером с теннисный мячик, и повис в пространстве возле оконной рамы. Какое-то время шар висел неподвижно, от него исходило ровное оранжевое свечение и обжигающий жар. Потом шар внезапно ожил и стал медленно двигаться в мою сторону.

На меня будто ступор нашел. Даже пальцем пошевелить был не в силах. А шар приближался, и жар от него все сильнее становился, все невыносимее... Последнее, что запомнил, была вспышка дьявольского огня и звук взрыва!..

3

Дорога была извилистой, кочковатой, двигаться в темноте стоило тяжелых трудов: я непрерывно спотыкался, чудом не падал. Хорошо еще молнии непрерывно змеились, подсвечивая окрестность.

Еще шквалами налетал сильный ветер, грозно шумел в кронах огромных деревьев, бил в грудь и лицо, заставлял гнуться чуть не до земли. А далеко впереди, уже почти за болотом, силуэт чей-то смутно виднелся. Мне отчего-то непременно захотелось догнать незнакомца, и я, насколько возможно, прибавил шаг.

Неизвестный физически явно мне уступал, потому что я быстро стал к нему приближаться, и минут через сорок догнал-таки, наконец. К моему удивлению это оказалась худенькая невысокая девушка; и только мы поравнялись, как она, даже не повернув головы, прокричала, перекрывая шум ветра:

— Неужто решился кто! Я думала, все до единого трусили. Даже не верится!

— Не трусили! — крикнул я зло, обиженный дерзким и несправедливым тоном, — не трусили! А мы что, знакомы? И чего я должен бояться, темноты что ли?

И мы, смешно даже, стали орать друг на друга, как привычно ссорящиеся супруги.

— Не знаю. Может, и темноты. Ты же на сборище был! Я тебя, вроде, помню. Нет, ты же не женщина! Так что бояться тебе, в самом деле, кажется, нечего.

— Нет, не женщина, и как только ты догадалась. Но ни про какое сборище я и вправду не знаю. И помнить меня ты не можешь. А злишься, наверно, потому что у самой поджилки трясутся.

— Я! Перетрусила! Это там собрались одни трусы. Одни жалкие трусы! И ты с ними! О-о-ой!

Девушка коротко вскрикнула и внезапно стала падать в кювет с откоса дороги, еле я ее подхватил.

— Что случилось?

— Так больно. Так больно. Не отпускай меня. Не наступить. С ногой что-то.

Я поднял девушку на руки, перенес через канаву, и усадил, оперев спиной о ствол могучей сосны.

— Давай посмотрю. Не плачь только. Потерпи. Может, все не так страшно... Ну вот. Вывиха, кажется, нет. Нога подвернулась. Не смертельно. Я сейчас перебинтую стопу, и попробуем идти дальше. Согласна?

— Да.

— Мне ботинок снять нужно, будет немного больно. Ну что ж ты кричишь! Пожалуйста, потерпи хоть немного. Теперь снимай шарф. Подойдет, в самый раз. Ну, вот и все. Не плачь. Давай здесь посидим, пока боль немного утихнет, и ты мне расскажешь спокойно, куда и зачем ты идешь, а потом я тебе помогу, и мы пойдем понемногу туда, куда тебе надо. Хорошо? Вот и ладушки. Начинай.

4

— Спасибо тебе большое. Извини. Давай познакомимся. Меня Мада зовут. Я — астробиолог. Ты про третью звездную слышал? Не слышал. Это правильно. Все в страшной спешке и секретности делали. Если помнишь, первые две пропали бесследно. Решили тогда, что третью пошлют через ноль-подпространство без помпы и без огласки. Всё, что тогда в этой области делали, работало ненадежно. Риск — страшный был. Только у кого-то невыносимо в одном месте чесалось. Вот и решили, не дожидаясь стабиль-

ного результата, «человечества ради», отправить троих тейсинтаев. Набрали. Несмотря на две неудачи. Как не набрать! Отправили. На третьем прыжке...

— На втором.

— Она сказала тогда, что на третьем. Не перебивай.

Да, так она сказала тогда:

— На третьем прыжке астронавты столкнулись с «неведомым». Ребята, на всеобщее счастье, умницы оказались (гордитесь!) — сразу что-то неладное заподозрили, больше прыгать не стали, вернулись. Послали радиограмму, чтоб спускаемый аппарат даже не открывали, чтоб тут же от всех изолировали.

Их троих, прямо в капсуле — от греха подальше — сразу в бункер и заперли. Дом за озером видишь? Никакой там не дом. Укрытие это. Герметичность — почище, чем в бомбоубежище противоатомном. Да и местность выбрали... Зона. Здесь когда-то станция атомная взорвалась. До сих пор никого нет в округе.

Ну, изолировали, а через короткое время у всех изменения появляться начали: кожа стала бледно-зеленой, выросли под два метра, волосы выпали полностью, бляшки какие-то появились на коже... Да быстро так происходило. Не напрасно они себя в бункере заперли — прозорливые оказались. Только вместо того, чтобы то, что с ними случилось, исследовать, те, кто за это ответственны были, стали резину тянуть, в долгий ящик любые контакты с ними откладывать. Не нужны фактически стали — слишком опасно.

А когда запускали, об этом кто думал?! Или подобное — и в расчет не принималось? Не до того было?! Новым энергоисточником, что они в первом прыжке отыскали, все скоро воспользуются. Ура! Вечная слава! Умрут, памятники, как пить дать, поставят. Улицы назовут. А сегодня их просто бросили. И без них дел хватает.

А они, когда поняли, что никому не нужны, что за ними, как за зверьем в зоопарке, наблюдают только из любопытства и даже в шоу каких-то показывают, камеры внутренние — все уничтожили. Номинально — телефонную связь оставили, но общение внешнее полностью прекратили. Исследуют что-то, но среди них нет ни врача настоящего, ни биолога!

Голос девушки звучал гневно и презрительно. Когда ударяла очередная молния, она освещала на мгновение жесткое, замкнутое лицо, копну черных волос и темные злые глаза. И были в голосе и глазах такая глубокая страсть, такие безудержные энергия и отвага, что я моментально покорился влиянию Мады — всецело и безраздельно, слушал, как замороженный, боясь пропустить хоть слово...

— Понимаешь, их бросили. Бросили! Нужно что-то целенаправленно делать, а все только болтают. И вчера! Устроили это ученое сборище в бывшем лагере ликвидаторов, в пяти километрах от зоны. Я им сказала, что только войдя извне в бункер, можно что-то узнать, понять, проверить по-настоящему. А еще нужно, чтобы родился ребенок. Не сразу, конечно, а если в течение долгого времени ничего опасного, подозрительного

не обнаружится. Тогда — по анализам, по развитию малыша — все окончательно станет ясно.

— Ты хочешь сказать...

— Ты прекрасно все понял. За этим туда и иду. Больше уговорить не удалось никого. Понимаешь, никто, ни одна женщина больше так и не согласилась, не откликнулась. Вообще ни одна живая душа!

Для меня решение принято. Туда можно войти. Через шлюзы. Все это работает. Выйти можно только по команде с пульта центра полетов, но никто и пытаться не станет.

Все. Помоги мне, пожалуйста, нам надо идти. Меня всю колотит уже. Так что чем раньше, тем лучше.

Но только я поднял Маду на руки, чтобы вынести на дорогу, как небо прорезала ослепительная, невиданной мощи вспышка...

5

Я снова, весь в холодном поту, сидел в кресле-качалке напротив картины. За окном бушевал неистовый, неимоверный ливень. Молнии били и били, как обезумели. Я поспешно закрыл окно, сел и снова уставился на картину. Все на ней было почти так же, как прежде — и дорога, и лес, и озеро... Вот только в конце дороги появился отчетливый силуэт человека. Абсолютно точно — это был человек, который готов был вот-вот исчезнуть за поворотом... Но я точно знал, абсолютно уверен, что до взрыва никого на картине не было. И быть не могло!..

Долго еще я смотрел на картину и думал, думал... И перед глазами неотступно стояло, освещенное вспышкой молнии, бесстрашное, удивительное лицо Мады. Надумавшись и насидевшись, встал, достал с антресолей в прихожей старый свой чемодан, наговорил на автоответчик прощальное послание Людочке, вызвал такси и через час сидел в скоростном экспрессе, уносящем меня туда, где взорвалась когда-то одна из станций. К счастью, мест таких на земле не так уж и много, и я надеялся, что смогу найти Маду, надеялся, что достаточно быстро. Просто очень надеялся. Тем более имя — редчайшее.

Я не думал тогда о логике того, что я делаю. Мне не нужна была логика, мне нужна была Мада.

6

Я нашел. Нашел-таки Маду!

Семья её жила на окраине крошечного старинного города. Я приехал, купил на вокзале букет голубых хризантем, разыскал неказистый одноэтажный дом с палисадником, едва сдерживаясь от волнения, сильно позвонил в дверь... и мне тут же открыла молодая миловидная женщина. Я спросил Маду; сначала женщина удивилась, растерялась ужасно, даже несколько раз плечами пожала, потом вдруг улыбнулась, расхохоталась и, повернувшись в дом, закричала весело:

— Мада, Мада, беги сюда, солнышко.

Мне навстречу из комнаты выбежала очаровательная брюнетка... лет трех-четырёх. В тот же миг вся загадка картины прояснилась, рассеялась, мозаика вдруг сложилась в отчетливый, внятный узор. Всё стало на свое место — тютелька в тютельку. Я подхватил Маду на руки, поцеловал крепко-крепко оба черные глаза, опустил удивленную девчущку на землю, отдал цветы, попрощался и вышел.

Я работал пять лет как одержимый, как проклятый, сдал все тесты, экзамены и нормативы, был, как и вы, включен в третью звездную. И вот я теперь здесь, в этом бункере. И скоро, наверно, сюда придет моя Мада.

Ведь все сейчас, как и тогда! Совершенно, как и тогда: бункер, осень, ветер, молнии хлещут, ливень близко совсем...

Тихо! Вот, кажется, и пришла.

Об авторе

Родился на Украине, в Харькове в 1953 году. Окончил Харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Последние 18 лет живет на севере Германии, в Любеке. Пишет с харьковских школьных времен. В Харькове появились несколько первых поэтических публикаций. Прозу начал писать в Германии. Публиковался в литературных изданиях разных стран, в том числе в российских журналах: «Сибирские огни», «Сура», «Дарьял», «Алтай», «Невский альманах», «Северная Аврора» и др. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013-м — в сборник рассказов «Десятьдомиков». Есть и еще несколько небольших книжных публикаций.

Сергей Бугримов

Военный госпиталь «Санта Моника»

Когда-то давно некая молодая особа Моника Челси, под эгидой «Межгалактического Общества Милосердия», прибыла на планету Сток, дабы реализовать высокую цель: возрождение духовных ценностей. Помимо возведенной Единой Церкви Моника так же организовала строительство бесплатной больницы, которая, после того как, по прошествии определенного периода времени, Господь призвал миссионерку к себе, стала носить ее имя.

И вот в данном вышеозначенном квадрате, как это часто бывает в заселенных высокоразвитыми цивилизованными существами уголках Вселенной, вспыхнула звездная война. Больница «Санта Моника» тут же, автоматически, получила статус военного госпиталя. Ниже приводится всего-навсего один обычный рядовой день этого самого госпиталя.

Главврач Филиппа Мирная беспорядочно металась по своему рабочему кабинету в поисках коробочки с контактными линзами. Час назад, перед тем, как принять утренний гидромассажный душ, она сняла линзы, согласно инструкции по эксплуатации последних. В момент приема душа Филиппа поскользнулась, упала, ударилась головой, в результате чего из ее уха выпал чип памяти. Подсознательно она знала, что нужно искать, но вот куда именно она положила такую необходимую сейчас коробочку, абсолютно забыла. О том, что, возможно, лучше сначала попробовать найти чип, она как-то не подумала. Не исключено, что это как раз и было связано с потерей того самого чипа памяти, который дополнительно координировал ячейку логического мышления.

Устроив в кабинете довольно-таки впечатляющий разгром, Филиппа Мирная обессилено опустилась в кресло. Впрочем, это она так думала, что плюхнулась в кресло; на самом деле, в связи с почти полным отсутствием зрения, в кресло Филиппа промахнулась, и уселась аккуратно на Джойса, гветерианского переливчатого пса, спокойно отдыхающего на своем любимом коврикe. Будучи по натуре на редкость миролюбивым существом, Джойс, тем не менее, от неожиданности подскочил, чуть ли не до потолка, чем не только основательно напугал Филиппу, но и придал ей ускоренный полет в направлении выхода.

Старшая медсестра по имени Флоя и по кличке Скала вошла в кабинет главврача как всегда, одновременно со стуком в дверь, не дожидаясь ответного разрешающего отклика. Филиппа врзалась в нее и отлетела в сторону.

Флоя даже не шелохнулась, лишь поправила чепчик и бросила мимолетный взгляд в карманное зеркальце. Что она в том зеркальце смогла увидеть, осталось загадкой. Исходя из ее габаритов, ей нужно было, по меньшей мере, таскать с собой трюмо.

— Простите, мэ, если помешала, но... Даже не знаю, как сказать.

— Ну что там еще случилось? — потирая ушибленный зад, через силу выдавила Филиппа.

— Доставили пациента, а доктор Зиц не в состоянии его оперировать.

— Не в состоянии оперировать, — рассеянно повторила главврач, не совсем понимая смысл сказанного. — Слушай, Флоя, ты не сможешь мне найти R-8? А заодно, глянь, не видно моих контактных линз? Они в треугольном зеленом контейнере.

Флоя зыркнула вокруг своими крохотными глазками.

— Так вот же они, ваши линзы! — бросилась она к одной из ниш, в результате чего кабинет слегка задрожал. — Ой, а на что это я наступила?! Так это же R-8!

Ее восклицание оказалось настолько громогласным, что пришедший только что в себя от пережитого стресса Джойс счел за необходимое ретироваться под диван, от греха подальше.

Спустя мгновение Филиппа была уже в полном порядке.

— Так что там у тебя? — приняла она свой обычный начальственный вид.

— Так я же и докладываю, — затараторила Флоя. — Пациент на операционном столе, а доктор Зиц, мягко говоря, не в форме.

— Как это так, не в форме! — взорвалась Филиппа. — Опять налился?! Ну всё, мое терпение лопнуло! Сегодня же разжалую в санитары!

— У него вчера был небольшой сабантуйчик, — начала объяснять старшая медсестра, — по поводу его развода с женой; ну вот он с друзьями сие трагическое событие всю ночь и праздновал. На работу, конечно, кое-как приполз, но вот ни одно из его шупалец не то, что скальпель держать, собственный нос почесать не в состоянии.

— Ладно, — отмахнулась Филиппа, — с этим засранцем мы разберемся позже. А сейчас срочно найди ему замену на текущую операцию.

— Никак невозможно, — прозвучал не совсем оптимистический ответ. — Все заняты. Ни одного свободного хирурга. Раньше других может освободиться доктор Фогель. Ему оперировать еще часа полтора. Плюс минут тридцать на подготовку к следующей операции. Однако, боюсь, что пациент не протянет и часа. Вот характеристика его ранения. — И Флоя вытянула вперед ладонь, на которой разместился крохотный металлический шарик. Короткая дымовая минивспышка, и над шариком материализовалась голограмма говорящей головы с совершенно отсутствующими эмоциями на лице. Голова разродилась потоком медицинских терминов, после чего нырнула обратно в шарик.

— Все ясно! — констатировала Филиппа. — Времени в обрез. Выхода нет. Придется самой оперировать. Вспомним молодость. Захвати вон на книжной полке руководство Шейена. У него как раз очень подробно описана подобная операция.

— Но, как же... — несколько растерянно отозвалась Флора. — Вы уверены, что справитесь?

— У тебя есть другое предложение? — парировала Филиппа. — Нет?! тогда хватит болтать, вооружайся литературой, и за мной!

Последнее, что зафиксировалось в памяти Жур Мэя, это — несущиеся на него два штурмовика. Он еле успел нажать на кнопку автоматической аварийной посадки, прежде чем штурмовики изрешетили его протонной очередью.

Жур Мэй открыл глаза и тут же закрыл их обратно, надеясь, что склонившаяся над ним жуткая физиономия, всего лишь мимолетная галлюцинация, которая сейчас просто растворится. Он опять открыл глаза, однако кошмарное видение не исчезло, а даже наоборот, стало еще более неприемлемым.

Это был первый боевой вылет Жур Мэя за пределы родной системы, а потому неудивительно, что данную особь, как биологическую разновидность цивилизованного существа, он видел впервые. Ито, что сие зрелище не совсем, мягко говоря, пришлось ему по душе, оказалось вполне закономерным обстоятельством.

— Ну и уроды же эти силигуры, — шепнула Филиппа на ухо Флои. — Никак не могу привыкнуть к этим трем бегающим глазкам и постоянно сопящему носу. — Ну, как самочувствие? — обратилась она уже непосредственно к пациенту, видя, как тот, вроде бы, пришел в себя.

— Что-то не очень, — пролепетал Жур Мэй.

— Это нормальное послеоперационное состояние. Сама операция прошла успешно, так что скоро вновь сядешь за штурвал, — и Филиппа ободряюще потрепала пациента за слипшуюся на голове от выделяющейся слизи растительность.

— Да нет, это что-то совсем другое, — продолжал сомневаться Жур Мэй. — Такое ощущение, будто я... — Он как-то весь задрожал и стал лихорадочно себя ощупывать. Через мгновение его истерический вопль потряс, чуть ли не весь госпиталь. — Что вы со мной сделали?!

— А в чем, собственно, проблема? — хладнокровно поинтересовалась Флора.

— В чем?! Да вы же изменили мой пол!!!

— Спокойно! Не надо волноваться! Все будет в порядке! — на пороге нервного возбуждения изрекла Филиппа, схватила Флою за рукав халата и потащила из палаты. В коридоре у них состоялся короткий консилиум.

— Ты что-нибудь понимаешь? — обратилась главврач к старшей медсестре.

— Только то, что мы, очевидно, что-то не так сделали, — включила та логическое мышление. — Что-то не то отрезали, и в итоге нарушили физиологический аспект.

— Но я же не заметила в нем никаких преобразований! — выразила Филиппа очередное недоумение.

— Я тоже. Но это и не удивительно. Эти силигуры — непонятно что. Сколько раз я принимала их самца за самку, и наоборот.

- Да со мной, в принципе, такое тоже случалось.
- Однако, что будем делать, мэм? — озвучила главный вопрос Флоя.
- Дай подумать, — глубокомысленно изрекла Филипа.

Спустя мгновение она определилась в выходе из данной ситуации.

— Значит так. Введем ему двойную дозу парализозона, и на два месяца полная амнезия у нашего подопечного обеспечена. Он забудет не только, какой у него был пол, но и на каком свете он находится. А там посмотрим. Вполне возможно, что к тому моменту, когда память начнет возвращаться, он, то бишь она, уже привыкнет к своему нынешнему положению. Давай, беги за ампулой.

Флоя исчезла, а Филипа, в ожидании старшей медсестры, осталась слушать, доносящиеся из палаты истерические возгласы натурализованной особи по имени Жур Мэй.

А тем временем доктор Кэттеррей вытаскивал с того света сразу двух пациентов, вцепившихся друг в друга мертвой хваткой.

Сержант Южного Ополчения Эббот Шур, прежде чем катапультироваться, направил свой истребитель на несущегося на него противника, и лишь в последний момент успел нажать на кнопку экстренной эвакуации.

Капрал «Черных Драконов» Дай Лютик не привык уклоняться от лобовой атаки, однако, и вовремя покинуть летательный аппарат, а в данном случае это был штурмовик класса В, он тоже не забывал.

Две аварийные капсулы шлепнулись на поверхность планеты совсем недалеко одна от другой. Противники выскочили наружу и бросились друг на друга, каждый со своим устрашающим возгласом. Они сцепились в рукопашном поединке, имея только одну цель: уничтожить врага, во что быто ни стало, пусть даже ценой собственной жизни. Используя зубы, когти, и все то, чем непосредственно наделила их природа, оба слились в единый клубок, неистово катаясь по земле. В скором времени клубок замер в вышеозначенной уже мертвой хватке. Именно в таком положении их и обнаружил флаер «скорой помощи».

Вполне успешно проведя операции, доктор Кэттеррей тут же, пока пациенты не пришли в себя от наркоза, полностью заключил их в гипс, оставив лишь отверстия для дыхания, приема пищи, ну и еще для некоторых естественных нужд. Таким образом, были соблюдены меры безопасности, как самой больничной палаты, так и всего госпиталя в целом; ибо, если бы сии два враждующих субъекта, очнувшись рядом (а определить их подальше друг от друга все равно не представлялось никакой возможности, по причине катастрофической нехватки свободных мест), способны были кое-как передвигаться, то разрушительный эффект, в результате возобновления боевых действий, мог быть несоразмерным с тем скромным бюджетом, которым располагал военный госпиталь «Санта Моника».

А вот несколькими этажами выше, в операционной № 13, можно было наблюдать за становлением новой докторской единицы. Вчерашний практикант, а ныне начинающий хирург Соломон Тьфу проводил свою первую самостоятельную операцию. Суть операции состояла в пересадке кое-каких органов. В помощь к новоиспеченному специалисту прикрепили не вчерашнюю, а сегодняшнюю еще практикантку среднего уровня, буду-

щую медсестру, отзывающуюся на имя Луция. Она с восхищением наблюдала, как Соломон вынул из пациента все внутренние органы, разложил их, и стал сравнивать с теми, которые были приготовлены для замены. Он имел дело с представителем звездной системы Йо-Хо, а у них анатомия была настолько своеобразной, что начинающему хирургу пришлось основательно поднапрячься, чтобы вспомнить пройденный университетский материал по данной биологической расе. О том, насколько успешно материал был воскрешен в памяти Соломона, можно было судить по оставшемуся после операции лишнему органу. Показатели состояния пациента оказались в норме, а потому Соломон, не долго думая, незаметно выбросил лишнюю деталь организма в мусорный контейнер. Что же касается Луции, то ее восхищение несколько поубавилось, когда пациент, придя в себя, первым делом попросил больничную утку.

Командир королевской эскадрильи Хэт Лу даже и думать не хотел, чтобы выйти из боя. И это, несмотря на то, что из трех двигателей функционировал только один, да и то еле-еле. Однако это не мешало ему истреблять врага. Неприятельские «сейшелы» налетали на героя последних двух галактических войн, как стая голодных хищников. Сейчас они могли уже себе это позволить, так как от всей королевской эскадрильи осталось всего лишь две боевые единицы. Кроме командира кое-как еще держался Кит Маус по прозвищу «Весельчак», которому в данную минуту явно было не до смеха. Практически потерявший маневренность, он вел неравный бой с четырьмя «сейшелами»; остальные одиннадцать разбирались с Хэтом Лу. Впрочем, это им только казалось, что они с ним разбираются, на самом деле Хэт с каждым отрезком времени сокращал количество противников. Вот «сейшелов» осталось уже десять... А вот они недосчитались еще одного... Наверняка Хэт аннулировал бы всю эту гоп-компанию, но ему мешало незавидное положение Кита Мауса, не только одного из его подчиненных, но и близкого друга и соратника. Пожертвовав очередной своей блестящей победой, он перешел в режим защиты, и, прикрывая Кита, повел того на посадку к ближайшей планете. Уже при самом приземлении, убедившись, что товарищ благополучно сел, Хэт все же решил возвратиться и окончательно уничтожить врага. Он на мгновение застыл над самой землей, и начал уже было набирать высоту, но тут из кустов выскочил местный абориген и из обыкновенной рогатки обыкновенным камушком пулянул в сверкающую солнечными бликами летающую штуковину. Выстрел оказался на редкость точным, прямехонько в крохотный фотонный аккумулятор, после чего легендарный боевой аппарат королевской эскадрильи, полностью утратив систему пилотирования, рухнул вниз как старая использованная сковородка, основательно зарывшись в песок.

Кит Маус выкопал своего друга и командира, и облегченно вздохнул, когда тот не только подал признаки жизни, но и в характерном для себя стиле высказался по поводу случившегося.

— Нет, ну ты видел?! Меня, из рогатки!!! Это же позор из позоров! Для всех времен и народов! Этот случай будут изучать в военных академиях как

пример несовершенства самого совершенного боевого истребителя. Мое имя станет посмешищем! Оно превратится в нарицательную уничтожительную форму! Мною будут пугать детей!

— Ну-ну, — успокаивающе изрек Кит, — слишком уж ты размечтался. Достичь подобной славы, это только во сне может присниться. Так что опустись, дружище, на грешную землю, в данном случае на эту, планетарного названия которой не знаю, и довольствуйся скромным статусом героя двух последних, и сколько их там еще будет в будущем, звездных войн.

— Да вот опустился, как видишь, на землю, что откапывать приходится. Где этот чертов снайпер?! Поди, уже на всю округу раструбил о своем небывалом подвиге!

— В том-то и дело, что небывалом, — ухмыльнулся Кит. — Да сам посуды, кто ему поверит-то?! А я, разумеется, могила. Ты же меня знаешь.

— Угу, — буркнул Хэт, — знаю. Особенно, когда ты в кабаке опрокинешь пару стаканов бренди, тогда твое красноречие становится неудержимым.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Кит. — Я, между прочим, уже неделю, как в завязке. И дабы подтвердить это, то за мое молчание с тебя два компота.

Хэт, конечно же, прекрасно знал, что Кит ни за что в жизни не проболтается о сегодняшнем нелепом инциденте. Ребята просто дурачились. А то, что у командира было не очень радужное настроение, так на то, кроме аборигена с рогаткой, была и еще некая причина.

— Что-то «скорой помощи» долго нет, — хмуро заметил он. — Я, кажется, сломал ногу.

— Да вон, летит уже, — кивнул Кит в направлении приближающейся «тарелки» с отличительным красным крестом на борту. — Легки на помине.

Через несколько часов Хэт Лу, прооперированный, потому как перелом оказался довольно таки сложным, лежал на больничной койке с загипсованной ногой и вел с медсестрой серьезный деловой разговор.

— А я еще раз вас убедительно прошу спуститься в столовую и принести мне, всего-навсего, два компота. Это вопрос офицерской чести, как вы не понимаете!

— Но я же вам говорю, — продолжала парировать медсестра, — компот у настолько в обед. А сейчас уже ужин, и вместо компота — чай. Кстати, очень вкусный.

— Милая моя сестричка, — со свойственным ему обаянием, изрек Хэт, — меня сейчас совсем не интересует ваш ужин и ваш вкусный чай, я вполне сыт вашими уколами; в данный момент мне нужно два компота, и это всё, что я хочу. Если вы в течение пяти минут не удовлетворите эту мою маленькую просьбу, то, боюсь, мне придется своим гипсом нанести некие разрушения не только в этой палате, но и по всему госпиталю в целом. А потому у вас есть уникальная возможность спасти эти белые стены от возможного землетрясения, эпицентр которого уже начинает просыпаться у меня внутри.

— Хорошо, хорошо, — поспешила капитулировать медсестра. — Я схожу. Возможно, у них осталось немного компота после обеда.

— Вот и славненько, — с облегчением выдохнул Хэт, откидываясь на подушку.

Когда медсестра ушла, он весело подмигнул Киту, который тут же разразился оглушительным смехом. Все это время он еле сдерживался, и наконец его прорвало.

В скором времени медсестра принесла два стакана компота, и Хэт торжественно передал их Киту. Тот, в свою очередь, вернул один стакан другу, они чокнулись, и хотели уже было опорожнить посуду, но тут командир заметил, что без тоста сие мероприятие смахивает на обыкновенную пьянку, а учитывая безалкогольность напитка, то не просто обыкновенную, а еще и извращенную пьянку, после чего родил короткую яркую речь. Они опять чокнулись, и залпом, одним глотком, как это и полагается у настоящих самцов, оприходовали содержимое стаканов.

В углу палаты, где стояла третья койка, пошевелился пациент. До этого момента он тихо себе спал, с головой накрывшись одеялом. Но то ли срок сна закончился, то ли происходящий рядом сабантуй был слишком эмоциональный, а только пациент проснулся, откинул одеяло, и нежным голосом изрек, вернее, изрекла, потому как пациент оказался пациенткой:

— Какого черта тут происходит?! В конце концов, это госпиталь или трактир?! И почему в женском отделении валяются особи мужского пола?!

— Одну секундочку, мэ, — принял на себя удар Кит, — расслабьтесь. Я сейчас вкратце вам все объясню. Нас к вам подселили по причине катастрофической нехватки мест в секторе В. Сектор В, это, если вы еще не в курсе, как раз и есть та часть госпиталя, куда свозят всякий раненый сброд особей нашего, то бишь мужского пола. Ваш сектор, женский, загружен несколько слабее, а потому мы просто вынуждены стеснить вас своим присутствием, за что и приносим искренние извинения.

— Ты не похож на раненого, — заметила пациентка, в которой Хэт, продолжавший молча наблюдать за этим диалогом, все яснее распознавал молодую симпатичную особу; она ему все больше и больше нравилась.

— Я не ранен, — ответил Кит. — Просто меня нашла уколами, для профилактики, потому и нахожусь здесь. И раз уж так случилось, то позвольте представиться. Кит Маус, сержант королевской эскадрильи созвездия «Тритон». А это лейтенант Хэт Лу, — указал он на своего товарища. — А как, простите, вас величать?

— Лоя Гарна. Штурман «Черных беретов» Четвертой Федерации.

— Вот тебе на! — воскликнул Кит. — Так мы, оказывается, враждующие стороны!

— Только непосредственно в бою, — спокойно сказала Лоя. — Я наемник, работаю по контракту.

— И когда же заканчивается контракт? — присоединился к разговору Хэт.

— Скоро. Уже скоро. Настолько скоро, что, думаю, ты, лейтенант, даже из своего гипса выпрыгнуть не успеешь.

— Это хорошо, — отозвался Хэт. — Не хотелось бы встречаться в бою с таким очаровательным штурманом.

— Только не надо пытаться вскружить мне голову, — холодноотреагировала Лоя. — С противоположным полом у меня отношения сугубо деловые.

— То бишь сугубо военные, — уточнил Хэт.

— Да, именно так, — коротко бросила Лоя.

— Однако, очень удобно, — вклинился Кит. — Выражать неприязнь к противоположному полу посредством истребления последнего.

— И как давно отношения с нами, то есть с представителями противоположного пола, стали для тебя сугубо деловыми? — не преминул спросить Хэт.

— Давно ни давно, а с тех самых пор, когда некая скотина по имени... Впрочем, скотина и есть. Его настоящее имя... запудрил мне мозги, использовал, а затем бросил, словно надоевшую куклу.

— И при этом остался жив? — с иронией поинтересовался Кит.

— Пока, да, — блеснули в глазах Лои искорки ненависти. — Но, надеюсь, это ненадолго. Мне бы только встретить его!.. Всё, разговор на эту тему закрыт. И вообще, пора спать. — Она отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом.

Хэт подозвал Кита, и они несколько минут шептались. После этого Кит улегся на свою койку и почти тут же уснул. Ну, а Хэт еще какое-то время мысленно анализировал ситуацию. Он серьезно влюбился в Лию, и теперь готовился к завоеванию ее сердца. И он прекрасно осознавал, что эта битва будет посложней, чем уничтожить неприятеля в воздушном поединке.

Хэт улыбнулся, представляя, как отреагирует Лоя, когда, проснувшись утром, увидит полную палату цветов, которые Кит, по просьбе своего друга, на рассвете срежет с клумбы, расположенной возле госпиталя. Какова же реакция на это будет со стороны общественности, Хэт не думал, он уже спал глубоким безмятежным сном.

Об авторе

Родился в 1964 году в г. Киеве. Образование среднее. Служил в военном оркестре. Имеет несколько профессий. Занимался шоу-бизнесом. На данный момент работает в фирме, имеющей отношение к медицине. Первые публикации появились в 2008 году. Публиковался в журналах: «Шалтай-Болтай», «Супертриллер», «Техника молодежи», «Очевидное и невероятное». Так же изданы две книги: остросюжетный детективный роман «Вальс под дождем» и сборник детективных рассказов «Слезы ангелов».

Александр Змушко

Брачный ритуал

Когда Джоли вошёл через дверь и прикрыл её, я отложил в сторону классика Ренессанса, Роверта Габбарда и со вздохом (но с твёрдым намерением настоять на своём), приготовился к долгому и неприятному разговору. Это было неизбежно, хотя я и предпочёл бы оттянуть финальный раунд ещё немного. Минут пятнадцать мы пили чай, словно прицениваясь друг к другу и сберегая силы, а затем начали атаку.

— Бьорк, — начал он, — признай, что Шарлизанда — не для тебя — сапсаны не водятся с воробьями.

— Лучше с воробьём, чем с облысевшим грифом, — парировал я.

— Ну-ну, — усмехнулся он. — Зато у грифа намного больше мозгов. Разве ты сможешь предоставить ей приличный аэромобиль? Карточку финансов-бланков «БастлЧейнж»? Вечернее платье, которое не умалило бы, а подчеркнуло бы её божественные достоинства? Уступи, Бьорк. Я знаю её с детства. Мы отлично ладим. Пол-Бронгса пророчит нам блестящее будущее. Не одна Шарлиз на свете! И Бралинн и Телинни на тебя засматриваются!

— Старость болтлива, — ухмыльнулся я, хоть это был и нечестный ход. Но отдавать Шарлиз этому старому подлецу, в очередной раз разведённому, который со своими жёнами не смог ужиться исключительно из-за самоуверенности и склонности к нравоучениям? Спесивый болван. Нет, это выше моих сил. Даже оставляя без внимания тот факт, что я люблю и боготворю нашу маленькую официантку.

Он раздражённо смёл с туалетного столика декоративный букет и солонку с нюхательными солями.

— Самонадеянный юнец! — вспыхнул Джоли, — да что ты понимаешь в жизни! Она за тобой засохнет, увянет, не насладившись прелестями богатого существования. Что ты ей дашь? Грошовую квартирку на окраине Гремройта? Проживание на одиннадцать феннингов в день? — он остановился перевести дыхание. — Сводишь ты её на карнавал в Гриа-ле-Джейаро? Сможешь ты её прокатить на аэроионной яхте?

— Повторяешься, Джоли, — фыркнул я. — Может, скажешь чего-нибудь новенькое? Любовь и семейное счастье окрасят яркими тонами даже самое скромное существование. А скука и неприязнь делает блеклой даже жизнь, состоящую из одних фестивалей.

— Любовь, — презрительно кашлянул финансист, — год назад она любила Фриска, три года назад — Пирса. Сейчас тебя. А через год ещё кого-

нибудь? Не тверди мне об этой сказке для детей и музе поэтов. Любовь хороша в стихах, а не в жизни.

Это был серьёзный удар, но я нашёл в себе силы его сдержать.

— Пусть так, — сказал я напряжённо. — Юность жаждет любви, а женская душа переменчива — но настоящая любовь остаётся в сердце навсегда. Я нравлюсь Шарлиз, а не ты, Джоли, — тут я позволил себе мрачно улыбнуться, — и, раздери меня грифон, я люблю её.

— Ну и люби себе на здоровье, — запыхтел старый хрыч, — а я буду ей обладать.

— Вот как? — медленно приподнявшись с кресла, я выпрямился во весь рост. Джулисс несколько плотнее меня и массивнее, зато я выше, и сложение у меня атлетическое. Нет, ему уже пора на покой; хотя он, конечно же, встал — гордость не позволяла ему оставаться в кресле.

Я плюнул. Плевок упал, прожигая пол. А затем мы оба развернули громадные кожистые крылья и закружились друг вокруг друга в ритуальном брачном поединке — точно так же, как и наши предки десятки тысяч лет назад. Возможно, хватит лишь запугивания, изящности движений и демонстрации мощи — но бывает и так, что дело доходит и до ранений — как правило, не серьёзных. В любом случае, здесь ему со мной не тягаться.

Боюсь, что победа будет за мной.

Об авторе

Живет в Минске, литературный псевдоним — Саша Тэмлейн.

Публикации: роман «Конкурс «Мисс Галактика» (АСТ, июнь 2014 г.), рассказы «Конфета» («Полдень XXI век», сентябрь 2012 г.), «Долгая ночь» («Уральский следопыт», 2013 г, № 2), «Ирреальное объяснение» («Юный техник», 2013), «Принцесса и пастух» («Космопорт», 2013 г.), «Призраки забытого» («Авторский стиль», 2013 г.), «По Ту Сторону Шкафа» (журнал «ФанСити», 2013 г.), «Пернатый кот» («Областная газета», октябрь 2012 г), рассказы «Ручная эльфийка», «Свобода слова», «Суккуба в гостях», «Время» («Виртуальные радости»). Рассказ «Девушка у горы Коя-сан» (сборник по итогам конкурса «Согласование времён-2012»). Художественные статьи: «ОБЖ: как выжить в объятиях монстра» (журнал «ФанСити»), «Я написал фантастический рассказ: как опубликоваться?» (альманах «Гротеск бытия»), «Незаслуженно забытый гений Роберта И. Говарда» (альманах «Гротеск бытия»), а также ряд статей в научной периодике.

Принимал участие в организации литературного конкурса «Фант Доп-2013» на базе издательства «Аэлита». Является составителем и корректором межавторского сборника «Варвар с северных гор». Являлся руководителем школы литературного мастерства «Младшие классы» на базе форума издательства «Эксмо» (2012 г.), руководителем литературного кружка «Школа Авторского стиля» на базе форума «Авторский стиль» (2013 г.), администратором официальной группы сетевого издательства «Аэлита» сайта Вконтакте (2013 г.).